

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

4 (27)
журнал выходит четыре раза в год

НАЛЬЧИК · 2015

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Издается с 1968 г.
ISSN 2306-5826

Выпуск 4 (27), 2015
Выходит 4 раза в год

Главный редактор

д.и.н. Б.Х. Бгажноков

Редакционный совет

*Акад. РАН В.И. Тишков (председатель);
член-корр. РАН Х.И. Амирханов; акад. РАН Н.Н. Казанский;
акад. РАН А.Б. Куделин; член-корр. РАН В.В. Наумкин;
д.и.н. Ю.А. Петров; д.и.н. В.В. Трепавлов*

Редакционная коллегия

*д.и.н. К.Ф. Дзамихов, д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Ж.М. Гузеев,
д.ф.н. А.М. Готов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Х.Х. Малкондуев,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Р.Г. Оширов, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, д.ф.н. З.Х. Толгуров, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
ФГБНУ «Кабардино-Балкарский
институт гуманитарных исследований»
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

© КБИГИ, 2015
Редколлегия журнала
«Вестник КБИГИ» (составитель), 2015

THE FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENCE ESTABLISHMENT
THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE
FOR THE HUMANITIES RESEARCH

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

4 (27)
the journal comes out four times a year

NALCHIK · 2015

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH**

Published since 1968
ISSN 2306-5826

Issue 4 (27), 2015
Published 4 times a year

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*

E d i t o r i a l c o u n c i l

V.I. Tishkov (chairman), Member of the Russian Academy of Sciences;
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences;
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences;
V.V. Naumkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
U.A. Petrov, Doctor of History; *V.V. Trepavlov*, Doctor of History

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *Zh.M. Guzeev*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *H.H. Malkonduev*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *R.G. Oshroev*; Candidate of History *D.N. Prasolov*;
Doctor of Philology *H.T. Timizhev*; Doctor of Philology *Z.H. Tolgurov*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

© KBIHR, 2015
Editorial board of the journal
«KBIHR Bulletin» (drafter), 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Кузнецов В.А.</i> Некоторые «новации» в изучении Нижне-Архызского городища X–XII вв.	7
<i>Кузнецов В.А.</i> Хасаутское городище и могильники и Мисимианский маршрут Великого шелкового пути	16
<i>Кешева З.М.</i> Культурная жизнь Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны	27
<i>Бгажноков Б.Х.</i> Кабарда и кабардинцы в ранней истории Северного Кавказа	33
<i>Хотко С.Х.</i> Этнонимия Северо-Западного Кавказа в XIII–XV вв.	54
<i>Кучмезова М.Ч.</i> Нормы социальных контактов родственников по браку у балкарцев: традиция и современность	61

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Бгажноков Б.Х.</i> Позитивные и негативные свойства малых многоэтнических обществ (По материалам исследований в Кабардино-Балкарии)	66
<i>Тазиев Р.Х.</i> Особенности современных миграционных процессов в Кабардино-Балкарии	77

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Афаунова А.А.</i> Сущность междометий кабардино-черкесского языка и принципы их классифицирования	83
<i>Борсэ И.А.</i> Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм щыІэцІэ унейхэм бжыгъэ къэгъэ-лъэгъуа зэрыхъур	87
<i>Кулиева Ж.К.</i> Из эпистолярного наследия Кайсына Кулиева. Переписка 40-х гг.	93
<i>Аптаева Ж.М.</i> Сценическая версия новелл Заура Налоева	98
<i>Малкондуев Х.Х.</i> Карачаево-балкарский героико-исторический песенный фольклор XVIII в. Особенности повествовательных мотивов	102
<i>Быхъурэ М.Ф., ГъукІэ А.В., Жылэтеж Хь.Ч.</i> Сюжет и лъэныкъуэкІэ нарт Батрээ и циклым бгъэдэлъ щхьэхуэныгъэхэр	112

НАУЧНАЯ ШКОЛА

<i>Дзамихов Т.К.</i> О некоторых политико-правовых аспектах категории «политическая система»	122
Сведения об авторах	126

CONTENT

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

<i>Kuznetsov V.A.</i> Some «innovations» in studying the Low-Archyz X–XII centuries settlement	7
<i>Kuznetsov V.A.</i> Hasaut settlement and the cemeteries and the Misimian route on the Great Silk Way	16
<i>Kesheva Z.M.</i> Cultural life of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic war	27
<i>Bgazhnokov B.H.</i> Kabarda and kabardians in early history of the Northern Caucasus	33
<i>Khotko S.H.</i> Ethnonyms of the Northwest Caucasus in XIII–XV centuries	54
<i>Kuchmezova M.Ch.</i> Norms of social contacts of relatives on marriage at balkars: tradition and present	61

PROBLEMS OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT

<i>Bgazhnokov B.H.</i> Positive and negative factors of small multiethnic societies (By the materials of researches in Kabardino-Balkaria)	66
<i>Taziev R.H.</i> Features of modern migratory processes in Kabardino-Balkaria	77

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM

<i>Afaunova A.A.</i> The essence of interjections of kabardino-circassian language and the rules of their classification	83
<i>Borsova I.A.</i> Features of expression of number of proper nouns in kabardino-circassian language	87
<i>Kulieva Z.K.</i> From epistolary heritage of Kaysyn Kuliev. Correspondence 40 th	93
<i>Appaeva J.M.</i> Short stories stage version of Zaur Naloev	98
<i>Malkonduev H.H.</i> Karachay-balkarian heroic-historical song folklore of XVIII century. Features of narrative motives	102
<i>Buhurov M.F., Gucheva A.V., Zhiletzhev H.Ch.</i> Specifics of the cycle story-line legend of sledges Batraz	112

SCIENTIFIC SCHOOL

<i>Dzamikhov T.K.</i> About some political-legal aspects of the category «political systems»	122
The authors of this issue	128

УДК 904 (470.631)

В.А. Кузнецов

НЕКОТОРЫЕ «НОВАЦИИ» В ИЗУЧЕНИИ НИЖНЕ-АРХЫЗСКОГО ГОРОДИЩА X–XII вв.

В статье подвергаются критическому анализу опубликованные в 2009 г. статьи Е.Л. Сосниной и С.Н. Савенко о Нижне-Архызском городище X–XII вв. в ущелье реки Большой Зеленчук – раннефеодальном городе и центре Аланской епархии Константинопольской патриархии.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Нижне-Архызское городище, раннее Средневековье, православное христианство, верхнекубанские храмы, история изучения.

Нижне-Архызское городище X–XII вв. в ущелье р. Большой Зеленчук (Карачаево-Черкесская Республика) известно более 200 лет: в 1802 г. его впервые посетил и кратко упомянул в своих записях майор русской армии Потемкин. Особое внимание Потемкина привлекли стоящие на городище три древнехристианских храма. Этим материалам Потемкина была посвящена статья академика П.Г. Буткова, опубликованная в 1825 г.¹ С тех пор этот памятник, один из крупнейших в верхнем Прикубанье, привлекает внимание путешественников и ученых. Наиболее систематические полевые работы начались с 1960 г. в связи с предстоящей реставрацией северного храма. Был получен большой археологический материал, позволивший время городища определить в пределах X–XII вв. (хотя найдены и отдельные, более ранние предметы), а само городище считать руинами раннефеодального города Западной – Верхнекубанской Алании и центром известной по нарративным источникам Аланской епархии Константинопольской патриархии. Этим проблемам были посвящены несколько моих публикаций², в том числе монографий³. Результаты этих изысканий приняты научным сообществом археологов Северного Кавказа и возражений пока не вызывали, о чем свидетельствует хотя бы популярная книга археолога С.Н. Савенко⁴ и докторская монография архитектора В.В. Пищулиной⁵.

Нижне-Архызский историко-археологический комплекс широко известен и популярен, привлекая к себе возрастающее внимание. Факт сам по себе, безусловно, положительный – Нижний Архыз стал своего рода археологической Меккой для тысяч туристов, особенно из городов-курортов КМВ. После открытия в 1999 г. на скальной иконы Христа Спасителя к туристам добавились религиозные паломники. Территория городища объявлена филиалом Республиканского музея Карачаево-Черкесии, и это, в совокупности с реставрацией трех древнейших христианских храмов России, может только приветствоваться. Но мы не можем не видеть и то, что над первоклассным историко-культурным комплексом нависла серьезная угроза, возрастающая по мере увеличения потока туристов и паломников, а также со стороны некомпетентных дилетантов, искажающих облик памятника. Сотни религиозных паломников, поднимающихся по специально для них построенной лестнице, целуют на скальный лик Христа и постепенно стирают красочный слой, нанесенный на скалу водяными красками без грунтовки⁶. Необходимы срочные меры по спасению иконы, благополучно пережившей

около тысячи лет. Республиканский музей КЧР, после передачи городища в его ведение, отгородил территорию памятника от подъездного пути через бетонный мост мощной стеной, сложенной из подтесанного камня, частично взятого из руин городища, взятого без предварительного археологического исследования уничтожаемых руин, что незаконно. К сожалению, это не единственный случай. В 80-х гг. в конце «Центральной» улицы городища и недалеко от загадочного круглопланового сооружения, на самом видном месте на краю надпойменной террасы появился огромный, тщательно обработанный менгир, завершающийся изображением человеческого лица. Бесспорно, памятник уникален. Но он не принадлежит Нижне-Архызскому городищу, с ним никак не связан и завезен с плато Бийчесын⁷, где в верховьях Малки были найдены два больших менгира сходных форм⁸. Внедрение в культурный ландшафт городища объекта, связанного с иным историческим контекстом, возможно, относящимся к иной культуре и эпохе (менгир не датирован), нам представляется недопустимым насилием над обоими памятниками.

Несколько замечаний о работах по реставрации трех древнехристианских храмов. Из них два – южный и средний – подверглись в конце XIX в. ремонту и переделке монахами учрежденного здесь Александро-Афонского Зеленчукского мужского монастыря. Их историческая первозданность была утрачена. Северный храм, самый крупный и представительный, находившийся в отдалении от монастыря, не был затронут монахами; его исключительная уникальность заключалась в том, что это был единственный на территории Российской Федерации христианский храм первой половины X в., дошедший до нас как подлинный документ своей эпохи. Это обстоятельство было учтено, и архитектор-реставратор Центральных научно-реставрационных мастерских (Москва) П.Д. Барановский разработал проект реставрации северного храма, архитектор В.И. Бородин в 1959 г. приступил к подготовительной работе, а доктор архитектуры К.Н. Афанасьев исследовал модульные размеры храма, позволившие установить генетическую связь северного храма с аналогичным храмом X в. в Абхазии⁹. Тогда же стала очевидной необходимость предварительного археологического исследования интерьера храма, без чего возникал ряд неясностей (напр. устройство пола и алтаря). Эта работа выполнялась мной в 1960 г.¹⁰ Результаты раскопок были опубликованы, но реставрационные работы не состоялись и были заморожены на длительное время.

Сейчас кафедральный собор Аланской епархии считается реставрированным. Однако такая «реставрация» вызывает недоумение хотя бы потому, что подлинные полы храма из розовой цемьянки покрыты современной стандартной тротуарной плиткой, а своды, в оригинале накрытые каменными плитами с напуском и на гидроизолирующей подкладке из нескольких слоев бересты (учитывались особенности местного климата), заменены перекрытиями из современной коричневой черепицы. Образно говоря, тяжело больного не опытный хирург оперировал тонким скальпелем, а это сделал рядовой прораб при помощи топора. В результате и этот памятник испорчен. То же очевидное проявление непрофессионализма и халтуры в отношении национального культурного наследия.

Нечто подобное происходит и среди современных исследователей, претендующих на свою творческую «оригинальность» в изучении нижне-архызских древностей. Начнем с «новаций» относительно того же северного храма и прилегающей к нему территории с руинами нескольких древних построек. Эти руины, тяготеющие к северному храму, я в своей монографии 1993 г. рассматривал как остатки поселка Аланской епархии¹¹. Такая интерпретация не встретила возражений и общепринята. Но в 2009 г. появилась «новаторская» статья Е.Л. Сосниной, побывавшей, по-видимому, в туристской поездке в Нижнем

Архызе и сделавшей ряд сенсационных «открытий». Автор берет на себя смелость заявить о руинах поселка епархии: «Рядом с кафедральным собором до сих пор заметны остатки двух древних каменных лестниц, ведущих на естественную возвышенность, где видны развалины часовни – символическое изображение Голгофы с Приделом Святой царицы Елены и Места Обретения Креста Господня». Приложенная фотография¹² не оставляет сомнений в том, что речь идет именно о той «естественной возвышенности», которая представляет конус выноса Церковной балки, а на этом конусе и было расположено здание-фаланстер с общей длиной 105 м и состоящее из 13 помещений. Здание не исследовано, его обмеры и план были сделаны работавшими в моей экспедиции студентами-практикантами МАРХИ (Московский архитектурный институт) в 1968 г.¹³ Ниже этого здания на конусе выноса – руины маленькой церквушки-капеллы № 6, к ней снизу по склону ведет дорожка, выложенная каменными плитами¹⁴. Судя по всему, эту дорожку Е.Л. Соснина приняла за лестницу, ведущую на плоскую вершину конуса – к мифической Голгофе¹⁵. «Голгофа» – это остатки такой же капеллы длиной 6 м, ничем не примечательной, расположенной в 35 м южнее северного храма¹⁶. В 1962 г. недалеко от этих руин был заложен наш раскоп площадью 80 кв. м (начальник раскопа В.П. Даркевич, ИА АН СССР). Найдено 218 железных шлаков, некоторые приварились к плоским плитам, древесные угли и т.д. Нет особых сомнений в том, что раскоп Даркевича открыл остатки разрушенной домницы наземного типа¹⁷. Но эти производственно-бытовые отходы ни по каким канонам логики не вяжутся с нашими представлениями о библейской Голгофе и ее сакральном пространстве: трудно поверить, чтобы христиане в таком святом месте варили железо или делали горшки. Фантазии Е.Л. Сосниной основаны не только на явном стремлении совершить «открытие», но и на откровенном дилетантизме – автор статьи не знает современных публикаций археологов о Нижне-Архызском городище, а без них, увы, нет возможности объективно судить о памятнике.

Лиха беда – начало! Недалеко от северного храма Е.Л. Соснина прослеживает «пересохшие русла исчезнувшего источника и шедшей реки, в древности, видимо, символизирующей Иордан»¹⁸. Библейскую реку Иордан автор явно сопоставляет с ручьем, текущим по балке Церковной, а «исчезнувший источник» должен соответствовать действительно пересохшему руслу. В свое время я по этому поводу отмечал: «Несколько выше храма русло балки раздваивается. Вряд ли это естественная бифуркация; скорее всего строители храма специально перекрыли русло ручья, создававшего во время паводков опасность для здания, и отвели ручей в сторону от храма. После этого в берегах балки стали совершать захоронения в каменных ящиках»¹⁹. Таким образом, на наш взгляд, это была дренажная канава для безопасности храма от паводков и, кроме того, она позволила остановить разрушение берега ручьем и совершать здесь, поблизости от алтарной части храма, христианские захоронения. Не случайно пересечение древней дороги с Церковным ручьем было укреплено подпорной стеной с дренажным каналом для стока воды из ручья²⁰ – древние строители учитывали особенности местного влажного климата. Все делалось рационально и практично, никаких доказательных оснований для романтично-красивых домыслов Сосниной нет.

Не меньше недоумений вызывает новаторская интерпретация Е.Л. Сосниной загадочного круглопланового сооружения – «круга» – неподалеку от среднего Зеленчукского храма. Данный объект и его необычность замечены давно и вызывали различные предположительные суждения, на рассмотрении которых останавливаться не будем. Коснемся кратко лишь версий, ставших известными за последние 50 лет – их достаточно, чтобы убедиться в действительной загадочности «круга». В 1979 г. «круг», визуально выглядевший как заплывший земляной вал, был нами раскрыт двумя разведочными шурфами, лежащими в двух диаметрально

противоположных точках. Под валом оказались остатки сложенной насухо стены одинаковой толщины 2,10 м. Были сделаны точные инструментальные измерения диаметра сооружения от стены до стены – он равен 88,50 м, что по консультации доктора архитектуры К.Н. Афанасьева составляет ровно 300 римских футов ($88500 : 296 = 300$). Культурного слоя в шурфах не выявлено, встречались угольки, комочки реальгара, кость коровы, железные шлаки. Нами было высказано и по возможности обосновано предположение о культовых функциях «круга» – не есть ли он огромное языческое святилище солнца (в плане круг) и огня (реальгар, угли)? Конечно, это только рабочая гипотеза²¹.

В 1986 г. крупные раскопки «круга» площадью 506 кв. м произвели В.Н. Каминский и И.В. Каминская. Найден рядовой археологический материал: фрагменты керамики, бусина, обломок стеклянного перстня, более 20 кг железного шлака. Исследователи пришли к заключению, что объект имеет бытовой характер²². Эти выводы, как и мои, пришли в противоречие с идеями У.Ю. Эльканова, производившего раскопки «круга» в 1981 г. и увидевшего здесь своего рода средневековую обсерваторию для астрономических наблюдений²³. Идеи У.Ю. Эльканова поддержали А.А. Демаков и Д.А. Фоменко²⁴. Наконец, последняя версия сформулирована А.Ю. Погребным: «круг» – это не что иное, как крупнейшее на Кавказе зороастрийское святилище огня²⁵. Подчеркну, что все изложенные версии приправлены игрой воображения при явном отсутствии достаточных доказательств. И ни одна версия не может считаться признанной.

Е.Л. Соснина все предшествующие версии именует «фантастическими измышлениями»²⁶. И тут же без ложной скромности заявляет: «Архызский круг» не представляется нам «загадочным»²⁷. В чем же, согласно Сосниной, разгадка «загадки» круга? Все очень просто. Поскольку христианские древности Нижнего Архыза есть копия святынь Иерусалима, «кругу» (хотя в нем нет ничего христианского) должна быть указана соответствующая параллель в библейском Иерусалиме. И она указана – ротонда (т. е. круглый в плане храм, увенчанный шатровым куполом) Анастасиса Иерусалима²⁸. Подлинная ротонда Анастасиса, построенная в IV в. над Гробом Господним, имеет диаметр около 35 м и деревянную крышу типа шатра²⁹ – при столь значительном диаметре конструктивно наиболее рациональную. Как представляет Е.Л. Соснина перекрытие ротонды диаметром почти 90 м – едва не втрое большей, нежели ротонда над храмом Господним в Иерусалиме? Этот назойливый вопрос у исследовательницы даже не возникает – так все просто! Более того, она пишет: «Просто поразительно, что практически сразу после этого (после строительства ротонды в Иерусалиме в IV в., хотя вопрос об этой дате «до конца не решен»³⁰) греческие мастера возвели подобное сооружение на территории храмового комплекса в Архызе ... можно говорить о том, что возможно восстановление Ротонды Воскресения на территории Нижнего Архыза с достаточной достоверностью»³¹. Следовательно, по Сосниной, сразу после IV в. (а не VIII–IX вв., как она пишет без ссылок на источники) в Нижнем Архызе строится колоссальная ротонда с неизвестно каким перекрытием, но почему без опорных колонн (в Иерусалиме их 12, а не 8); почему ее строят именно греческие мастера; почему кладка стен сухая, без раствора, как все строения городища, тогда как стены храмов на растворе; почему в «круге» найдены угли и шлаки и ни одного предмета христианского культа; почему никак не обоснована дата строительства ротонды и т. д. Благодетельные фантазии Е.Л. Сосниной завершаются пафосным призывом – «Новый Иерусалим» на Северном Кавказе взять под юрисдикцию ЮНЕСКО, поскольку он есть «древняя копия священных символов»³².

Я ни в коей мере не выступаю против методов иеротопии как науки о создании и функционировании сакральных пространств³³, однако в ее приложении к христианским древностям Нижнего Архыза. Е.Л. Соснина с этой проблемой не справилась. Между прочим, достоверность приложения эпитета «Новый

Иерусалим» к Константинополю рассматривается в специальной статье Роберта Остерхута³⁴, и это обязывает нас быть осторожными и весьма доказательными, когда речь идет о такой варварской периферии христианского мира, как Северный Кавказ. Дилетантская статья Е.Л. Сосниной не может восприниматься иначе, как недоразумение. Круглоплановое сооружение Нижне-Архызского городища по-прежнему остается загадочным и будоражающим воображение. Думается, что дальнейшая работа требует полной публикации материалов всех раскопок и их продолжения до полного раскрытия объекта. Здесь будет уместно напомнить верную теоретическую посылку выдающегося философа науки XX в. Карла Поппера: «Нетривиальные вероятностные заключения могут быть выведены (и таким образом объяснены) лишь с помощью вероятностных предпосылок»³⁵. Такими вероятностными предпосылками для нас обладает только археология.

В связи с появлением «новаций» относительно Нижне-Архызского городища в археологических публикациях, позволю себе коснуться статьи Ю.Д. Обухова и С.Н. Савенко в том же сборнике. Они рассматривают досоветские издания, в основном касавшиеся истории Зеленчукского мужского монастыря и древних храмов на городище, и делают ряд замечаний и уточнений, заслуживающих внимания. Авторы указывают на недостаточное использование и даже забвение наработок прошлого, в том числе и моих. Суть статьи заключается в попытке доказать точность и достоверность плана Нижне-Архызского городища, помещенного в брошюре священника Д. Успенского 1892 г. издания и предположительно снятого или неизвестным по фамилии землемером в 1887 г., или отрядом военных топографов под командованием майора Отепкина³⁶. Поскольку упрек о «недостаточном» использовании и забвении наработок прошлого касается прежде всего меня, ибо я брошюру Д. Успенского, следовательно, и помещенный в ней план городища объявил рекламной и не имеющей научного значения. Ю.Д. Обухов и С.Н. Савенко далее считают, что «масштабированный план в брошюре Д. Успенского обращает на себя внимание топографической детальностью, точностью и обилием (примерно 425) остатков построек на всем пространстве городища, включая и те участки, где в более позднее время они не фиксировались (между северным и средним храмами, в районе «круга», вдоль берега реки и под склонами гор). План из брошюры Д. Успенского представляется «добротным и профессиональным», и тут же следует упрек А.Ю. Виноградову и Д.В. Белецкому за их сомнение в точности и профессионализме рисунков Д.М. Струкова³⁷. Конечный вывод: признание достоверности рассмотренного плана «заставляет существенно пересмотреть высказанные ранее суждения о внутренней планиграфии городища и уточнить другие вопросы»³⁸.

Так ли обстоит дело в действительности? Так ли достоверен и точен анонимный план городища, так ли он документален, как это утверждают Ю.Д. Обухов и С.Н. Савенко? Нет особых сомнений в том, что он был для своего времени шагом вперед в привлечении общественного внимания к памятнику и вместе с брошюрой Д. Успенского имел именно рекламное значение. На план действительно нанесены такие крупные объекты, как три храма, «круг», мужской монастырь XIX в, но видеть здесь такую достоверность и документальность, на которой настаивают Ю.Д. Обухов и С.Н. Савенко, я не могу и остаюсь при своем мнении – данный документ недостоверен и имеет лишь историографическую ценность. Научной ценности сегодня он не имеет, «существенно пересматривать высказанные ранее суждения о внутренней планиграфии городища» нет необходимости. Почему?

Парадокс ситуации в том, что авторы рассматриваемой «новации» сами демонстрируют «недостаточное использование и даже забвение наработок прошлого». Прежде всего замечу, что отряд военных топографов не мог выполнить упомянутую съемку плана городища, так как он выполнял действительно тщательную съемку местности, но западнее (судя по архивному экземпляру) ущелья

Большого Зеленчука – в районе рек Кяфар и Бешгон, укрепления Надежинского³⁹. На месте этого укрепления в 1858 г. возникла станица Сторожевая⁴⁰, то есть задолго до появления Зеленчукского мужского монастыря, который фигурирует на плане в брошюре Д. Успенского. Карта района Кяфара–Бешгона–Сторожевой явно была составлена военными топографами в 40–50-х гг. XIX в., в архив попала с материалами Г.Н. Прозрителева, который об этой карте писал, что он ее купил «совершенно случайно у торговца старыми вещами среди разного бумажного хлама, обреченного на завертку». И далее: «...с достоверностью можно утверждать, что она составлена не позже 40-х гг., так как на карте Кубанского края 52-го года⁴¹ на месте обозначенного на найденной карте Надежинского укрепления стоит уже укрепление Сторожевая»⁴². Поскольку Надежинское укрепление было построено в 1843 г., мы получаем довольно узкую и обоснованную дату карты – не раньше 1843 г. и не позже 1858 г. Следовательно, эта группа военных топографов к плану Нижнего Архыза отношения не имела. Может быть, план делала другая группа топографов позже? Никаких сведений об этом нет.

Кстати, в цитированной статье Г.Н. Прозрителева помещен план «Развалины и древние церкви на р. Больш. Зеленчук Куб. обл.»⁴³. Происхождение этого плана и автор не указаны, но его примитивный схематизм бросается в глаза: загадочный «круг» помещен близ первого, т.е. северного храма, а не среднего; «развалины» городища отсутствуют, как и постройки Зеленчукского монастыря (план более ранний?).

«План Прозрителева» (назовем так условно) не имеет для нас значения, поэтому вернемся к «плану Успенского». Хронологически ему предшествует графический материал Д.М. Струкова, собранный им в 1886 г.⁴⁴, или, возможно, несколько позже и в другой приезд, как это допускают Ю.Д. Обухов и С.Н. Савенко⁴⁵. Существенно то, что Д.М. Струков в эти годы и до брошюры Д. Успенского сделал план Нижнего Архыза с заглавием «Приблизительно наглядный рисунок плана города древняго в ущельи среди гор на берегу реки Большой Зеленчук»⁴⁶. Монастырь на этом плане уже существует. Исследователи древностей Нижнего Архыза Ю.Д. Обухов и С.Н. Савенко кажется забыли или не знали данных «наработок прошлого» и проигнорировали «план Струкова». Между тем сходство планов Успенского и Струкова очевидно и это выражается прежде всего расположением трех Зеленчукских храмов, «круга» и монастыря: оно одинаково и одинаково неверно. Есть совпадения и в деталях. Полагаю, что «план Струкова» послужил основой «плана Успенского», но переделанного для брошюры Д. Успенского возможно тем же К. Феохари, на которого указывают Ю.Д. Обухов и С.Н. Савенко⁴⁷. Суть переделки отмечена ими же – топографическая детальность, точность, обилие (425) древних построек, о которых можно судить детально: «выделяются дворы, кварталы, участки улиц и переулков, многокомнатные сооружения и др.»⁴⁸.

О какой точности можно говорить, когда на «плане Успенского» средний храм помещен примерно на половине пути от северного храма до монастыря, а должен быть недалеко от «круга»⁴⁹. Обухову и Савенко несущественно, что мной опубликован план основной части городища – зоны сплошной застройки между бывшим монастырем и балкой Подорванной, – выполненный работавшим в экспедиции инженером-геодезистом С.А. Пироговым в 1979 г. На плане, в частности, показаны три улицы, протянувшиеся по городищу параллельно руслу реки и условно нами названные «Подгорной», «Центральной» и «Набережной», прослеженные на расстояние не менее 500 м⁵⁰. На «плане Успенского» мы улиц не видим, хотя в натуре они хорошо прослеживаются визуально без раскопок. Еще большее недоумение вызывает попытка Ю.Д. Обухова и С.Н. Савенко доказать достоверность «плана Успенского» относительно застройки территории городища между средним и северным храмами: это те участки городища, где «в более позднее время» руины не фиксировались⁵¹. Действительно, на «плане Успенского»

эта территория показана сплошь застроенной. Но и этот аргумент Ю.Д. Обухова и С.Н. Савенко бьет мимо цели – мной не раз отмечалось, что на ровной площади от храма до храма протяженностью около 800 м построек не было. Визуальные наблюдения в 1962 г. были проверены с помощью трех разведочных траншей длиной 20 м. Ни руин построек, ни признаков культурного слоя обнаружено не было, и это побудило предположить, что мы имеем дело с пригородным земледельческим участком типа византийских хорафиев⁵². В 1979 г. почвенный отряд Института географии АН СССР под руководством А.И. Ромашкевич сделал три разреза для получения данных радиоуглеродного и химического анализа. Материал опубликован⁵³ и не противоречит гипотезе о хозяйственном использовании данной территории. Все сказанное еще раз свидетельствует о недостоверности «плана Успенского» и его непригодности для серьезной научной работы, а смысл разбираемой статьи Ю.Д. Обухова и С.Н. Савенко лишен основания.

Нет особых сомнений в том, что основным автором рассмотренной выше статьи является С.Н. Савенко – достаточно опытный археолог, известный на Северном Кавказе как питомец известного кисловодского краеведа Н.Н. Михайлова, затем археолога-академика В.Б. Виноградова, опубликовавший ряд работ по археологии Средневековья. В их числе и популярная книга о древностях Нижнего Архыза в соавторстве с председателем АНО «Центр молодежных инициатив «Астория» (Москва) А.Н. Пинкиным⁵⁴. Как видим, Нижне-Архызское городище с его выдающимися христианскими памятниками и растущей популярностью не случайно оказалось интересным и привлекательным для С.Н. Савенко. Но в статье о «плане Успенского» уважаемый коллега, к сожалению, продемонстрировал поверхностность и поспешность, весьма выборочное отношение к «наработкам прошлого», если таковые его не устраивают.

Рассмотренные выше статьи о Нижне-Архызском городище Е.Л. Сосниной и С.Н. Савенко не должны вводить в заблуждение никого и не могут восприниматься всерьез. Историко-археологические «открытия» и «новации» не состоялись.

Примечания

1. *Бутков П.Г.* О древнегреческих церквах в верховьях р. Большого Зеленчука, осмотренных в 1802 г. майором Потемкиным // Библиографические листы П. Кеппена. № 30. СПб., 1825. С. 432–433.

2. См., напр.: *Кузнецов В.А.* Нижне-Архызское городище X–XII вв. – раннефеодальный город Алании (историко-географическая характеристика и некоторые итоги исследований) // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 230–247.

3. *Кузнецов В.А.* Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 163–196; *Кузнецов В.А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 24–120; *Кузнецов В.А.* Нижний Архыз в X–XII вв. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь, 1993.

4. *Савенко С.Н., Пинкин А.Н.* Архыз – древний центр христианства. М., 2005.

5. *Пищулина В.В.* Христианское храмовое зодчество Северного Кавказа периода Средневековья. Ростов-н/Д., 2006. С. 207–225.

6. *Кузнецов В.А.* Лик Спасителя из Нижнего Архыза // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М., 2004. С. 160–170.

7. Фото см.: *Савенко С.Н., Пинкин А.Н.* Указ. раб. С. 38.

8. *Алексеев А.А.* У алтарей великого храма Солнца // Наука и религия. 2004. № 2. Февраль. С. 13.

9. *Афанасьев К.Н.* Типологический и пропорциональный анализ верхнекубанской группы храмов Северного Кавказа // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 105–120.

10. *Кузнецов В.А.* Северный Зеленчукский храм X в. // Советская археология. № 4. М., 1964. С. 136–150; *Кузнецов В.А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 28–48.

11. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII вв. ... С. 15–17.
12. Соснина Е.Л. Христианские памятники Нижнего Архыза – древняя копия священных символов Веры // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. Вып. IX. С. 376.
13. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII вв. ... С. 16. Рис. 147.
14. Там же. С. 96.
15. Соснина Е.Л. Указ. раб. С. 376. Рис. 8.1.
16. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII вв. ... С. 95–96.
17. Кузнецов В.А. Нижне-Архызское городище X–XII вв. – раннефеодальный город Алании ... С. 241.
18. Соснина Е.Л. Указ. раб. с. 376.
19. Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 29.
20. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII вв. ... С. 17.
21. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII вв. ... С. 107–110.
22. Каминская И.В. Новые исследования Нижне-Архызского городища в Карачаево-Черкесии // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008. С. 417.12.
23. Эльканов У.Ю., Демаков А.А. Исследования на Нижне-Архызском городище // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008. С. 600.
24. Демаков А.А., Фоменко Д.А. Археологические исследования. Нижний Архыз, 1999. С. 4–16.
25. Погребной А.Ю. Особенности христианизации Западной Алании во второй половине VII–XIV вв. Автореф. канд. дис. ... Ростов-н/Д., 2009. С. 24.
26. Соснина Е.Л. Указ. раб. С. 373.
27. Там же. С. 380.
28. Там же. С. 373. Рис. 3.
29. Беляев Л.А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. СПб., 2000. С. 36–37.
30. См.: Беляев Л.А. Указ. раб. С. 37, 64. Прим. 31.
31. Соснина Е.Л. Указ. раб. С. 380.
32. Там же. С. 381.
33. Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006.
34. Ousterhout Robert. Sacred geographies and holy cities: Constantinople as Jerusalem // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 98–111.
35. Норман Г.Э. Карл Поппер о ключевых проблемах науки XX в. // Вопросы философии, 2003. № 5. С. 97.
36. Обухов Ю.Д., Савенко С.Н. Об одном редком плане Нижне-Архызского городища // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. Вып. IX. С. 366.
37. Там же.
38. Там же. С. 368.
39. Центральный исторический архив города Москвы. Ф. 454. Оп. 3. Д. 119. Этот материал получен мной при помощи Л.А. Перфильевой, которой выражаю сердечную благодарность.
40. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. I. С. 299, 593.
41. Явное недоразумение: ст. Сторожевая основана в 1858 г.
42. Прозрителев Г. Древние христианские памятники на Северном Кавказе // Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь, 1906. Т. I. С. 7.
43. Там же. С. 9.
44. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII вв. ... С. 6.
45. Обухов Ю.Д., Савенко С.Н. Указ. раб. С. 360.
46. Фотокопия этого документа получена мной в 2007 г. от С.Н. Малахова, которому выражаю свою признательность. Оригинал, судя по штампу, находится в чертежехранилище бывшего ГИМК (Санкт-Петербург). Инв. № 2064. Шифр 483.
47. Обухов Ю.Д., Савенко С.Н. Указ. раб. С. 363–368.

48. Там же. С. 363.
49. *Соснина Е.Л.* Указ. раб. С. 374. Рис. 2.
50. *Кузнецов В.А.* Нижний Архыз в X–XII вв. ... С. 20–21. Рис. 4.
51. *Обухов Ю.Д., Савенко С.Н.* Указ. раб. С. 363.
52. *Кузнецов В.А.* Нижне-Архызское городище X–XII вв. – раннефеодальный город ... С. 240; *Кузнецов В.А.* Нижний Архыз в X–XII вв. ... С. 17–18.
53. Там же. С. 293.
54. *Савенко С.Н., Пинкин А.Н.* Указ. раб.

V.A. Kuznetsov

**SOME «INNOVATIONS» IN STUDYING
THE LOW-ARCHYZ X–XII CENTURIES SETTLEMENT**

The articles written by E.L. Sosnina and S.N. Savenko published in 2009 and on the Low Archyz X–XII centuries settlement – the early feudal epoch city and the Alan dioceses centre of the Konstantinopol patriarchy situated in the river of Big Zelenchuk gorge have been critically analyzed in the article.

Keywords: North Caucasus, the Low Archyz settlement, early middle ages, the Orthodox Christianity, upper Kuban temples, the history of research.

В.А. Кузнецов

ХАСАУТСКОЕ ГОРОДИЩЕ И МОГИЛЬНИКИ И МИСИМИАНСКИЙ МАРШРУТ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Статья посвящена памятникам северо-западного Приэльбрусья – ущелья р. Хасаут. Это не подробное описание памятников данного района. Целью настоящей работы является включение в научный оборот давно накопившихся у автора, но неопубликованных материалов из Хасаута, поскольку эти материалы представляют интерес как источники. Район современного селения Хасаут важен тем, что он дает скопление почти неизученных наскальных могильников и каменных склепов второй половины I тыс. н.э.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Приэльбрусье, ущелье реки Хасаут, раннее Средневековье, скальные могильники, каменные склепы, раскопки М.М. Ковалевского, В.Р. Апухтина, А.В. и А.П. Руничей, Великий шелковый путь, транскавказские ответвления.

Предлагаемая статья посвящена одному из таких слабо изученных и почти не представленных в историографии интересному району между верхним течением Кубани и Пятигорьем на востоке. Это Кисловодская котловина с верхним течением Подкумка и северное, северо-западное Приэльбрусье с особо выделяемым нами районом с. Хасаут. Как видно, данный ареал в наше время представляет зону стыка Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Ставрополя. Структура статьи отражена, как и содержание, в последующих разделах; начнём с Хасаута.

Хасаут. Ущелье горной реки Хасаут находится в восточной части Карачаево-Черкесии, на границе с Кабардино-Балкарией, на полпути (35 км) от Кисловодска до горы Эльбрус (5642 м) – высочайшей вершины Европы. Этимология термина «Хасаут», по Дж.Н. Кокову и С.О. Шахмурзаеву, тюркская: «чистая вода, где поят лошадей»¹, и относительно чистоты воды это соответствует истине, но это номинация поздняя; о более ранней (аланской) номинации реки и селения данных нет. В 1848 г. для поездок на плато Бийчесын из Кисловодска была проложена дорога через кабардинский аул Жерештиеву (современный Хасаут или по-карачаевски – Схаут), по ней можно было проехать в «рессорном экипаже»², минуя по пути известную Долину нарзанов. Местность очень живописна. Долина р. Хасаут трогового (ледникового) происхождения, ориентирована в широтном направлении и защищена от северных ветров, обладает благодатным климатом, не уступающим климату Кисловодска. Условия для ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства благоприятны, тем более что альпийские горные пастбища на плато Бийчесын рядом. Ведущей отраслью скотоводства в аланское время (вероятно, и раньше) было овцеводство³. Судя по многолетним исследованиям остатков древней земледельческой культуры и пахотных террас Кисловодской котловины, выполненным в последние годы Д.С. Коробовым, это была зона интенсивного земледелия в основном в эпоху кобанской культуры⁴. У нас есть некоторые основания эти наблюдения распространить и на долину и окрестности Хасаута, тесно связанные с Кисловодской котловиной, тем более что И. Ивановов и М.М. Ковалевский зафиксировали в этой местности правильные земледельческие террасы: «...некогда население этой долины занималось

земледелием, но теперешние жители Хасаута решительно не помнят того, чтобы кто-либо из их отцов или дедов разводил хлеб на этих террасах»⁵.

В Кисловодской котловине существовало высокоорганизованное, эффективное земледелие, поразившее современных археологов: «...уровень земледельческого мастерства более тысячи лет оставался непревзойдённым»⁶. Таким образом, мы можем уверенно говорить об устойчивой системе земледельческо-скотоводческого хозяйства в окрестностях Кисловодска – Хасаута.

Несколько слов о естественно-природных условиях района Хасаута, отразившихся в его материальной культуре I тыс. н.э. Я уже отмечал значение этих условий⁷. Геологический район Хасаута характеризуется выходами нижнеюрских отложений, представленных прежде всего осадочными породами песчаников, сцементированных известью, которая легко выщелачивается. Глубокое разрушение приводит к образованию в довольно мягком песчанике полостей и пещер⁸. Как свидетельствует С.Г. Григорьев, боковые балки района Кисловодска (и Хасаута. – В.К.) в доломитах представляют собой каньоны с нишами выдувания и эрозии в обнаженных местах⁹. Мы говорим об этом потому, что естественного происхождения полости, пещерки и ниши в раннем Средневековье широко использовались для устройства в них захоронений, нередко в «улучшенном» виде – с превращением этих естественных полостей в некое подобие, характерных для Предкавказья грунтовых катакомб¹⁰. Эти могильники, возникшие по В.Б. Ковалевской, к началу VIII в., в условиях Северного Кавказа представляют конструктивно-хронологическую модификацию камерного обряда погребения, традиционного для ряда древних племён. В районе Хасаута грунтовых катакомбных могильников пока не обнаружено, здесь, по существующим материалам преобладают скальные (вар. «наскальные». – В.К.) могильники. Подробнее они будут рассмотрены ниже.

Северное Приэльбрусье. Эта часть статьи небольшая, ибо территория у подошвы самой высокой вершины Европы археологически не изучена и мы ее фактически не знаем: местность не обжита, дорог нет, ни одна экспедиция археологов здесь не работала. Поэтому сейчас можно лишь ставить вопрос о необходимости хотя бы археологической разведки и фиксации возможных памятников. Сказанное в первую очередь относится к известному плато Бийчесын, на которое ведет «Биржол» – «единственная дорога» у северо-западного подножья Эльбруса¹¹. Отсюда происходит огромный фаллообразный менгир с человеческой маской в верхней части, вывезенный бывшим директором Республиканского музея в Черкесске М.О. Байчоровой в Нижний Архыз и установленный на краю речной террасы у трассы центральной улицы городища¹², что явилось грубым искажением цельности крупнейшего памятника археологии Карачаево-Черкесии. Кроме того, мы лишены возможности установить дату этого артефакта путём раскопок на его месте.

В 1996 г. на конференции в Ставрополе, посвящённой памяти Т.М. Минаевой, с докладом о результатах аэрокосмодотосъёмки Северного Приэльбрусья выступили В.М. Харченко и Е.В. Цуцкин. Итог этой работы: вдоль трассы Кисловодск-Джылысу открыто более десяти поселений с «объектами захоронений», многочисленные археологические объекты в промежутке долины Нарзанов и р. Харбас «позволяют судить об освоении этой территории более 2,5 тысяч лет назад и загадочном исчезновении населения впоследствии»¹³. Последнее позже было подтверждено многолетними исследованиями Д.С. Коробова в Кисловодской котловине, но с иным вариантом объяснения причин запустения этой местности (Харченко и Цуцкин указывают очаг сеймотектонической активности земной коры в районе Хасаута, намекая на это, как причину исхода жителей). К сожалению, на этом интересная разработка В.М. Харченко и Е.В. Цуцкина заглохла.

Археологическая неизученность Северного Приэльбрусья, судя по всему, была замечена и использована отечественными представителями исторической паранауки, т.е. лженауки, создающей эффектные, «революционные» концепции и теории о нашем, ранее почему-то никому неизвестном, но величественном прошлом. Историческая наука существует со времён «отца истории» Геродота (V в. до н.э.), представлена многими поколениями профессиональных историков мира, создана огромная историография, но никто, вплоть до наших дней, не знал о существовании в северном Приэльбрусье древней Руси под названием Русколань с центром в городе Кияре-Киеве, находившимся в горах Кабардино-Балкарии, «у подножия горы Каракая, что в верховьях реки Чегем»¹⁴. Исторической науке господин Асов известен как пропагандист развенчанной фальшивки «Книга Велеса»¹⁵; на критику ученых¹⁶, насколько мне известно, А. Асов не ответил. Думаю, археологи Кабардино-Балкарии знают археологию своей республики немного лучше А. Асова, но никакими сведениями о столице мифического государства Русколань в верховьях р. Чегем они не располагают – это безответственные, параноидальные фантазии великорусского «квасного» патриота Асова, издаваемые огромными тиражами. Характерно, что работы профессиональных археологов и историков А. Асов игнорирует. Но «новаторские», псевдонаучные идеи и теории А. Асова находят последователей, причем среди части высокообразованных людей, и это вызвало публикацию моей критической статьи¹⁷.

От фантастических измышлений А. Асова перейдём к конкретным реалиям. В поисках страны Русколань и города Кияра-Киева Асов со своими спутниками в 2001–2002 гг. провёл две экспедиции в Приэльбрусье на территории Кабардино-Балкарии. В ходе этих полевых обследований группе Асова встретилось несколько действительно интересных археологических объектов, ранее нам неизвестных. Так, в книге Асова отмечены на склоне Ташлысырта (но их три¹⁸) выхода железной руды, «горные рудники, древние печи», в «за Долиной нарзанов у самого перевала Каяэшик находятся развалины некоего города или крепости ... судя по крестообразным планам двух храмов, а также по могилам-склепам, выложенным из камня, эта крепость принадлежит к временам христианским»¹⁹. Разумеется, эти сведения подлежат проверке.

В долине, близ подножия горы Каракая, находится наиболее достоверное местонахождение археологических памятников, сфотографированных и помещённых в книгу А. Асова. Это огромный, тщательно обработанный менгир – каменный столб с изображением человеческого лица в верхней части²⁰. Менгир представляет полную аналогию вышеупомянутому менгиру с человеческой маской в верхней части, находившемуся на плато Бийчесын и вывезенному в Нижний Архыз. Насколько можно судить по снимкам А. Асова, оба менгира представляют одну культуру, синхронны, оба могли быть связаны с каким-то древним языческим культом, нам пока неизвестном. Мысли А. Асова о том, что 21 марта 368 г. «точно над менгиром вошла звезда Антарес» и т.д., – плод той же фантастики. Важно другое. Спутник Асова А.А. Алексеев опубликовал свою статью об их экспедиции в горы Кабардино-Балкарии с сообщением о том, что в 2003 г. они обнаружили еще один менгир (подробностей нет), а «местные жители утверждают, что над каньоном реки Малка есть еще два или три подобных менгира»²¹.

Скопление однотипных менгиров с человеческими личинами на небольшой территории должно привлечь внимание специалистов, их площадки должны быть раскопаны, чтобы получить датирующий материал. Следует также заняться изучением курганообразной возвышенности Тузулук близ первого менгира, на краю обрыва в каньон р. Малка²². Тем самым мы начнём заполнять «белые пятна» на археологической карте Кабардино-Балкарии и в первую очередь – в верховьях р. Малка²³.

Хасаутское городище. В 1885 г. во время поездки в Сванетию в Хасауте побывали М.М. Ковалевский и И. Иванюков. Они и оставили первые сведения о древностях Хассаута, это близ селения «на вершинах гор следы полуразрушенных башен и укреплений», а на правом берегу р. Хасаут искусственно террасированные склоны – явные остатки древнеземледельческой культуры, созданной «тем самым народом, который строил башни и сооружал могилы»²⁴. Как свидетельствуют местные жители – карачаевцы, их предки никогда земледелием не занимались, следовательно, террасы принадлежали докарачаевскому населению Хасаута²⁵. Опыт изучения террасного земледелия в Кисловодской котловине археологами показал его высокий уровень у местного населения – мы об этом говорили выше, и выводы относительно Кисловодска мы можем приложить к древним террасам Хасаута.

Нет особых сомнений и в том, что земледельческие террасы Хасаута принадлежали обитателям Хасаутского городища. В.Ф. Миллером и М.М. Ковалевским оно было замечено, но не привлекло их внимания. То же самое приходится заметить и относительно ставропольского археолога Т.М. Минаевой, занимавшейся в 1960-е гг. наскальными (термин Т.М. Минаевой) захоронениями верховьев Кубани²⁶. Ниже мы коснёмся этого материала подробнее. Как видим, Хасаутское городище до сих пор археологическому исследованию не подвергалось, даже самую первичную информацию о нём мы не имеем. Единственное краткое описание – отчет пятигорского альпиниста А.В. Рунича, побывавшего в Хасауте в 1958 г. и представившего в Институт археологии АН СССР небольшой отчет, который ниже будет использован как и иллюстрации А.В. Рунича²⁷.

Итак, судя по его записям, Хасаутское городище состояло из нижней и верхней частей на левом берегу реки. Нижняя часть на втором от реки ярусе скал окружена в плане овальной каменной стеной и заполнена руинами каменных строений. Масштаба на чертеже А.В. Рунича нет, размеры не указаны. Нет и сведений о культурном слое или подьёмном материале. Верхняя часть на верхнем, четвёртом ярусе скал, выступающем мысом в долину реки, доходит до дороги, идущей с левого берега вверх на возвышенность, минуя край городища. Дорога старая, как говорит А.В. Рунич, она известна местному населению как кратчайшая до Кисловодска²⁸, это полностью подтверждается описанием Петра Абозина и его картой 1910 г.²⁹ На плане А.В. Рунича верхняя часть городища обозначена «башней» на краю обрыва. Руины «башни» сфотографированы А.В. Руничем, и мы видим кладку стен, обычную для раннесредневековых каменных городищ Верхнего Прикубанья: кладка бесфундаментная, сухая, из больших подтёсаных песчаниковых плит до 0,75 м длиной. По классификации Д.С. Коробова, Хасаутское городище было типично мысовым, в Кисловодской котловине таких насчитывается более 100³⁰. Высота завала камней от разрушенной башни, по А.В. Руничу, достигает 6 м, и это указывает на её большую высоту и хороший обзор всей местности (высота верхней части городища над уровнем моря 1842 м). Судя по фотографиям территория городища сплошь завалена подтёсанными камнями от разрушенных построек. Размеры одной из них без раскопок 5,30 x 4,65 м, высота сохранившегося участка стены 0,71 м. Северо-западнее руин башни в одном из разрушенных домов А.В. Рунич обнаружил раздавленный глиняный котёл с внутренними ушками для подвешивания. Котёл полностью восстановлен и опубликован мной³¹. По А.В. Руничу, толщина «культурного слоя» на данном участке городища составляет 0,2 м, но это явно недостоверные сведения, и их принимать всерьёз нельзя.

Найденный *in situ* в помещении глиняный котёл в местном историко-археологическом контексте может быть индикатором для определения предварительной даты городища. В упомянутой выше статье я датировал наши котлы VIII–IX вв. на основании полных аналогий с котлами салтово-

маяцкой культуры, хотя в X–XIII вв. эти сосуды появились в Центральной Европе: Словакии, Венгрии, Болгарии, Румынии³². Моя датировка подверглась коррекции В.Б. Ковалевской, предложившей датировать наши котлы X–XII вв.³³ Окончательная датировка для меня остаётся спорной, так как с Хасаутским городищем так или иначе связаны окружающие скальные могильники, в том числе, по съёмке А.В. Рунича, расположенные во всех четырёх ярусах скал вплотную к городищу с юго-западной стороны и даже в пределах нижней части городища³⁴. К сожалению, полевая документация А.В. Рунича настолько поверхностна и нечётка, что хотя бы приблизительно обозначить время функционирования этих погребений невозможно. Занимавшаяся скальными могильниками верховьев Кубани Т.М. Минаева писала: «Очевидно, Хасаутский могильник функционировал на протяжении многих столетий»³⁵. Но что исследователь имела в виду, говоря о Хасаутском могильнике?

Скальные могильники описывались и рассматривались Т.М. Минаевой³⁶, Е.П. Алексеевой³⁷, В.Б. Ковалевской³⁸. Описания достаточно подробные, и мы не будем их повторять. В ущелье Хасаута и в боковых балках Т.М. Минаева насчитала 75 скальных могил, расположенных группами из нескольких погребений. Здесь возникает много вопросов. Прежде всего, неясности с датированием – все доступные скальные могильники давно ограблены, неограбленные недоступны, следовательно, и недатируемы. Чем продиктовано групповое расположение скальных катакомб: особенностями социальной структуры общества (каждый такой могильник принадлежал членам одного рода, крупный – родовому объединению) или особенностями естественных скальных поверхностей? Каждая деталь имеет значение. От туристов Т.М. Минаева получила информацию о том, что вокруг Хасаута насчитывается до 500 скальных могил, но она посчитала эту цифру преувеличенной³⁹. Однако А.В. Рунич засвидетельствовал на Хасаутском могильнике более 300 скальных камер⁴⁰, а В.Б. Ковалевская пишет о 73 скальных могильниках в верховьях Кубани⁴¹.

Говоря о скальных могильниках Хасаута, мы не можем не сказать о том, что эти погребения прославились не только в научных кругах Европы. Как уже говорилось, в 1885 г. в балке Сулухор, поблизости от Хасаута, произвёл небольшие археологические изыскания М.М. Ковалевский. Они были удачными благодаря смелости и мастерству нескольких местных жителей Хасаута, проводивших Ковалевского в балку Сулухор и поднявшихся на отвесную скальную стену на большую высоту по двум связанным брёвнам, без какой-либо страховки⁴². Эта скальная могила оказалась не ограбленной, в ней 8 погребённых, лежавших головой на запад или восток, на подстилке из свиной кожи. Из находок особо упомянем уникальные ткани, данные о них впервые опубликованы Н.П. Кондаковым⁴³. Все они уникальны и многократно переиздавались и комментировались, но признано, что ткани византийского, согдийского, египетского или сирийского производства, они относились к концу VII–VIII вв.⁴⁴ Это – дата погребения в балке Сулухор, исследованного М.М. Ковалевским, но время всего этого скального могильника я отношу к VIII–IX вв.⁴⁵

Теперь коснёмся раскопок в Хасауте, проведенных в 1906–1907 гг. членом-сотрудником Императорского Санкт-Петербургского археологического института, поручиком В.Р. Апухтиным. Место раскопок установлено в 1943 г. Н.М. Егоровым, записавшим рассказ местного жителя И.Я. Джанбекова, участника раскопок В.Р. Апухтина. Н.М. Егоров записи передал мне, и из них следует, что могильник находится ниже с. Хасаут, при впадении в р. Хасаут её притока и при развилке двух дорог (т.н. «восьмёрки»)⁴⁶. Погребение было в каменном ящике, покрытом каменными плитами, костяки лежали на правом боку с согнутыми конечностями. Большинство черепов искусственно деформированы. Кроме того, В.Р. Апухтин издал несколько почтовых открыток с фотографиями раскопок, каменного ящика

с двумя разрозненными скелетами, деформированных черепов и 12 предметов, найденных в каменном ящике⁴⁷. Других данных о раскопках В.Р. Апухтина нет.

Как видим, Апухтин по наводке жителей Хасаута открыл не скальные захоронения, а большой каменный ящик из тяжелых плит, по существу склеп, вероятно, с двумя погребенными, но на снимке около них вдоль стенки стоят три сосуда. Это могильное сооружение не имеет конструктивно ничего общего ни со скальными, ни с земляными катакомбами. Но В.Б. Ковалевская не менее обосновано полагает, что часть их близка к подземным и полуподземным каменным склепам или гробницам, функционирующим с VIII в.⁴⁸ Очевидно, что одновременное существование двух разных погребальных обрядов в пределах одного локального района свидетельствовало о действительном смещении двух разных традиций и этносов.

Подведём краткие итоги. Хасаутское городище, несмотря на его неизученность, следует рассматривать как единый археологический комплекс с окружающими могильниками. Последние в настоящее время подразделяются на две группы: скальные могильники, генетически восходящие к т.н. земляным катакомбам I тыс. н.э.; каменные ящики, предназначенные как для индивидуального, так и коллективного погребения (склепы); они традиционны для аборигенного горнокавказского населения. Хасаутское городище особо выделяется на фоне хотя бы сходных городищ Кисловодской котловины, описанных в труде Г.Е. Афанасьева, С.Н. Савенко, Д.С. Коробова⁴⁹. Особенность памятников района Хасаута я усматриваю в том, что скальные могильники этого места дали науке такие уникальные материалы импортного происхождения, что Хасаут по достоинству в этом плане стал вторым объектом Северного Кавказа после заметной Мошевой Балки. Чем можно объяснить оседание очень дорогих вещей именно вокруг Хасаута? Не объясняется ли это труднодоступностью многих скальных захоронений (и как следствие этого – их полной сохранностью, преодолеваемой лишь в наше время скалолазами с помощью специального оборудования? Однако прима северокавказской скальной археологии, могильник VIII–IX вв. Мошевая Балка легко доступен, но пользуется международной известностью благодаря массе археологических раритетов⁵⁰. Я думаю, что дело не в этом, а в том, что и Мошевая, и Хасаут имеют один источник – Великий шёлковый путь.

Мисимианский путь. Проблема Великого шёлкового пути (сокращенно ВШП) через Северный Кавказ и его трассирования подробно рассмотрена мной в специальном исследовании⁵¹, и это позволяет сразу обратиться к частному вопросу трассирования одного из двух важнейших ответвлений этой трансконтинентальной магистрали в пределах Северного Кавказа. Основной письменный источник здесь – византийский протектор (офицер императорской гвардии) Менаандр (VI в.), судя по всему, человек осведомлённый, сведения его вполне достоверны.

Тюркский хан Сизабул в 567–568 гг. направил согдийца Маниаха в Византию для заключения союза. В августе 569 г. византийское ответное посольство во главе с магистром Земархом отправилось в Согдиану, производившую независимо от Китая массу своих шёлковых «занданечи». Утратив соседний рынок сбыта в Персии, Сизабул пытался найти его в Византии. Побывав у Сизабула и договорившись, византийское посольство отправилось в обратный путь через низовья Волги и северокавказскую равнину. По пути, в стране огуров, от них Земарх получил предупреждение о персидской засаде близ р. Кофин (А. Алемань ошибочно видит здесь р. Кума, в действительности, это Кубань в ее верхнем течении. – В.К.). Когда византийцы добрались до страны алан и ставки их государя Сародия (Саросия), он посоветовал византийцам «не ехать миндимианским путём, потому что по всей Суании (Свании, Сванети. – В.К.) персы устроили засады, лучше возвращаться домой по тропе, называемой Даринской» (перевод А. Алеманя)⁵². А. Алемань

справедливо в своем комментарии указывает, что Даринский путь – это не Дарьял, а западный Марухский перевал в долину р. Кодор в Абхазии, откуда группа Земарха пришла в Апсилию, а оттуда она отплыла на Трапезунд⁵³. Наш комментарий А. Алеманя: перевал Западный, но не Марухский. Дело в том, что в источнике упомянута Апсилия как место прибытия группы Земарха, но в Апсилию по ущелью Кодора можно попасть по проторенной дороге через Клухорский перевал (2782 м), а это территория горного абхазского племени мисимиан, соседнего со сванами, где византийское посольство поджидали персы. Марухский перевал с Северного Кавказа так же приводит в Мисимианию⁵⁴; Земарх не мог следовать через Марухский перевал.

Я считаю, что «Даринская тропа» Менандра может быть связана с т.н. Лабинской группой перевалов – Санчаро, Цагеркер, Адзапш. Их использование могло зависеть от перемен неустойчивой в горах погоды. Наиболее удобным представляется перевал Санчаро (2642 м); выводящий на севере в верховья рек Большая Лаба и по Кизгичу – в верховья Большого Зеленчука с его древностями в Верхнем и Нижнем Архызе. Вероятно, именно здесь проходил маршрут группы Земарха, и не исключено, что по ущелью Большой Лабы: в VI–VIII вв. это ущелье было лучше известно византийцам, о чём говорит масса импортных тканей и такие совершенно уникальные находки, как погребение китайского купца с приходно-расходными записями⁵⁵ и византийская налобная повязка с греческой надписью протоспафария (военачальника) Ивана, датируемая тем же VIII в.⁵⁶ Этот маршрут, по которому можно было после перевала попасть и в Апсилию через Цебельду в Сухум, и по ущелью р. Бзыбь в Путиунт (Пицунду) на черноморском побережье. Персидской опасности тут не было.

Моя точка зрения на другой, названный Менандром путь на север Кавказа – Мисимианский (у Менандра – Миндимианский, что одно и то же. – *В.К.*) также подробно рассмотрена и обоснована в упоминавшемся выше исследовании северокавказской трассы ВШП⁵⁷. Этот маршрут ВШП от Сухума и Цебельды выходил в ущелье Кодора и далее через Чхалту и Клыч достигал Клухорского перевала. После преодоления перевала спускались в долину р. Гоначхир, ниже сливающейся с р. Теберда. Далее путь шёл на север по верхнему течению Кубани до с. Хумары, где находилась транспортная развязка – одно ответвление ВШП перебрасывалось с правого берега Кубани на левый и шло на запад, к крупным городищам: Нижний Архыз, Кяфар, Ильичевское и Первомайское на р. Уруп и т.д. Северное ответвление направлялось через степь Предкавказья к низовьям Волги. Наконец, восточный рукав ВШП поднимался мимо Хумаринской крепости на водораздельный перевал Гумбаши и спускался в долину р. Подкумок, по которой шёл до городища Рим-гора и далее в Пятигорье⁵⁸. Это – главная транспортная артерия всей Кисловодской котловины⁵⁹ и, добавим, всей местности, находящейся между верхним течением Кубани и Пятигорьем. Это и есть Мисимианский путь Менандра, прослеженный нами к северу от Клухорского перевала вплоть до Пятигорья. Отсюда он был должен идти на восток по наиболее населённой предгорной равнине через ареал «земляных» городищ Кабардино-Балкарии, область «Ардоз Кавказских гор» Северной Осетии и здесь соединяться с другим, таким же магистральным военно-торговым путём через Крестовый перевал (2379 м) и Дарьяльскую теснину с выходом в верховья Терека.

Указанные пути играли огромную роль в социально-экономической и культурной жизни Центрального Кавказа подобно артериям, от которых жизненная энергия через множество капилляров поступает во все уголки организма – население региона, независимого от племенной, конфессиональной, политической принадлежности. Двигавшиеся по этим путям товары реализовывались на местных рынках и формировали ту зону оседания товаров вокруг рыночных центров, которую я называл «экономическим пространством ВШП»⁶⁰. Эти

проблемы еще слабо разработаны, история раннесредневековой торговли на территории Северного Кавказа получила систематическую разработку только в монографии Ю.А. Прокопенко, где разделяется моя концепция трассирования Мисимианского пути⁶¹ и поддерживается понятие «экономическое пространство ВШП»⁶². Но присутствие на Северно-Центральном Кавказе не только «центров власти», но и рыночных центров представляется несомненным уже сейчас. Для Северного Приэльбрусья – Кисловодской котловины – это городище Рим-гора (центральный и явно средневековый город⁶³), существовавший длительное время, вплоть до середины XVII в.; в 1663 г. эту природную крепость посетил турецкий путешественник Эвлия Челеби, который эту «ужасную крепость» именует Боргустан (в XIX в. в этом месте существовала станица Боргустанская) и даёт ей панегирическую характеристику: «с этой образцовой крепостью не могут даже идти в сравнение неприступные крепости во владениях дома Османа»⁶⁴, ни даже Мангуп в Крыму.

У нас есть основание предполагать наличие в течение длительного времени рынка на Рим-горе, и шелка на этом рынке присутствовали. На это указывает, в частности, небольшая сумочка-ладанка из согдийского шёлка, обнаруженная в одном из погребений близ Рим-горы⁶⁵. Кажется, это самая восточная находка согдийского шёлка, восточнее таких находок VIII–IX вв. нет, и не случайно Ю.А. Прокопенко пишет о затухании транспортных сообщений по Мисимианскому пути через район Кавминвод и Клухорский перевал, подкрепляя сказанное сокращением в VIII в. находок индикаций и полным отсутствием византийских монет⁶⁶. В это можно было бы поверить, если бы этому не мешали великолепные зарубежные изделия VIII–IX вв. из скальных катакомб Хасаута. У нас нет особых сомнений о связях этого материала с функционированием Мисимианского отрезка ВШП, независимо от того, были ли эти товары куплены на рынке Рим-горы или получены в виде платы хасаутским населением за услуги в качестве охраны или проводников в горах. Торговля, обмен и не думали затухать, а приведённые Ю.А. Прокопенко факты требуют другого объяснения.

Историко-археологический округ Хасаутского городища особо выделяется благодаря скоплению уникальных привозных предметов в скальных погребениях VIII–IX вв. вокруг Хасаута. По своему значению этот материал ставит округ Хасаута на территории Северного Приэльбрусья на первое место (раскопки М.М. Ковалевского, 1885). Археологический комплекс Хасаута закономерно символизирует Мисимианский путь так же, как могильник Мошевая Балка обозначает путь Даринский. В этом мы видим значение рассмотренных выше материалов для археологии Северного Кавказа.

Примечания

1. *Коков Дж.Н., Шахмурзаев С.О.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970. С. 135–136.
2. *Г.* Поездка к южному откосу Эльбруса // Карачай. Страна на вершине Кавказа: Очерки истории и культуры Карачая. Майкоп, 2011. С. 128.
3. *Кузнецов В.А.* Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 75.
4. *Коробов Д.С., Борисов А.В.* Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. М., 2013.
5. *Иванюков И., Ковалевский М.* У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. 1886. Т. I. Январь–февраль. С. 102–103.
6. *Коробов Д.С.* Эволюция системы расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э.: дис. д-ра ... наук. М., 2015. С. 227. Благодарю Д.С. Коробова за возможность ознакомиться с его диссертацией, защищенной в феврале 2015 г.
7. *Кузнецов В.А.* Северное Приэльбрусье и Кисловодская котловина в свете алано-осетинской проблемы. Владикавказ, 2014. С. 15–16.

8. *Никитин П.Н.* Пещеры Кисловодского района // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1953. Вып. 5. С. 211.
9. *Григорьев С.Г.* Долины окрестностей Кисловодска: Сборник в честь 70-летия проф. Д.Н. Анучина. М., 1913. С. 90, 93, 96, 103.
10. *Нечаева Л.Г.* Могильник Алхан-кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе: дис. канд. ... наук, рукопись. Л., 1956. Архив ИИМК. Ф. 2. Д. № 1338. Л. 103, 189–190; *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э.– I тыс. н.э. М., 2005. С. 166–168.
11. *Коков Дж.Н., Шахмурзаев С.О.* Балкарский топонимический словарь ... С. 46.
12. *Кузнецов В.А.* Древности Архыза и Кяфара. Пятигорск, 2012. С. 26.
13. *Харченко В.М., Цуцкин Е.В.* Геохронологическая информативность аэрокосмофото съемки Северного Приэльбрусья // Материалы конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Т.М. Минаевой. Ставрополь, 1997. С. 76–77.
14. *Асов А.* Русколань: Древняя Русь. История и традиции русского казачества. М., 2004. С. 59.
15. Святорусские веды. Книга Велеса. М., 2008.
16. *Жуковская Л.П.* Поддельная докириллическая рукопись (к вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 142–144; *Творогов О.В.* Что же такое «Велесова книга»? // Русская литература. 1988. № 2. С. 77–102; *Щанов Я.Н.* Об изучении древнерусских письменных источников // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 184.
17. *Кузнецов В.А.* От древнего Киева в Верхнем Чегеме до столицы мира в Пятигорске (новые «революционные» открытия параисториков КМВ) // Вестник КБИГИ 1(24). Нальчик, 2015. С. 100–103.
18. См.: *Коков Дж.Н., Шахмурзаев С.О.* Балкарский топонимический словарь... С. 117.
19. *Асов А.* Русколань: Древняя Русь... С. 118–119.
20. Там же. С. 122. С. 124 – лицо.
21. *Алексеев А.А.* У алтарей великого храма Солнца // Наука и религия. 2004. 2 февраль. С. 14.
22. *Асов А.* Русколань: Древняя Русь... С. 122.
23. *Чеченов И.М.* Древности Кабардино-Балкарии (материалы к археологической карте). Нальчик, 1969. Карты I–IV.
24. *Иванюков И., Ковалевский М.* У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. 1886. Январь–февраль Т. I. С. 102.
25. *Миллер Вс., Ковалевский М.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. Т. II. С. 550–551; *Иванюков И., Ковалевский М.* У подошвы Эльбруса... С. 100–103, 112; *Коков Дж.Н., Шахмурзаев С.О.* Балкарский топонимический словарь... С. 5.
26. *Минаева Т.М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971. С. 99–103.
27. Получены мной от Н.М. Егорова.
28. *Рунчи А.В.* Скальные погребения в ущелье р. Хасаут: Рукопись. 1958. Л. 1 (личный архив автора).
29. *Абозин П.* Экскурсия на Бермамыт и по Хасаутскому ущелью // Ежегодник Кавказского горного общества в городе Пятигорске. Пятигорск, 1910. № 3. С. 63. Карта II.
30. *Коробов Д.С.* К вопросу о сигнальной системе эпохи раннего Средневековья в Кисловодской котловине // Материалы по исследованию историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971–2006. М., 2008. С. 930.
31. *Кузнецов В.А.* Глиняные котлы Северного Кавказа // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 99. 1963. С. 36. Рис. 16, 2.
32. Там же. С. 37–39.
33. *Ковалевская В.Б.* Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе // Плиска-Преслав. 2. София, 1981. С. 50.
34. *Кузнецов В.А.* Северное Приэльбрусье и Кисловодская котловина... Прил. 3. Рис. 1.
35. *Минаева Т.М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971. С. 152.

36. Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным... С. 73–157.
37. Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М., 1992. С. 147–148.
38. Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2005. С. 166–169. Рис. 116–117.
39. Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья... С. 100.
40. Кузнецов В.А. Северное Приэльбрусье и Кисловодская котловина... С. 22.
41. Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. ... С. 166.
42. Кузнецов В.А. Северное Приэльбрусье и Кисловодская котловина... Прил. 3. Рис. 7.
43. Кондаков Н.П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. Рис. 98–101.
44. Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. СПб., 1992. С. 114.
45. Кузнецов В.А. Северное Приэльбрусье и Кисловодская котловина... С. 27.
46. Там же. С. 32. Рис. 18.
47. Там же. С. 33. Рис. 18–20.
48. Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. ... С. 166.
49. Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М., 2004.
50. Иерусалимская А.А. Мошевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб., 2012.
51. Кузнецов В.А. «Великий шёлковый путь» и Северный Кавказ.// Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993. С. 7–78.
52. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 252.
53. Там же.
54. Анчабадзе З.В. Избранные труды. Сухум, 2010. Т. I. С. 242–243.
55. Иерусалимская А.А. Мошевая Балка... С. 363–368. Рис. 226–228.
56. Jeroussalimskaja A. Un chef militaire byzantin au Caucase du Nord? Le ruban en sou de Moscevaja Balka // Studien zur byzantinischen Kunst und Geschichte festschrift fur Marcell Restle. Stuttgart, 2000. С. 125–130. Рис. 1.
57. Кузнецов В.А. «Великий шёлковый путь» и Северный Кавказ... С. 23–47.
58. Кузнецов В.А. «Великий шёлковый путь» и Северный Кавказ... С. 27–31; Коробов Д.С. Эволюция системы расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э.: дис. д-ра ... наук. М., 2015. С. 524.
59. Там же. С. 524.
60. Там же. С. 21.
61. Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. Ставрополь, 1999. С. 106.
62. Там же. С. 111.
63. Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 151–152.
64. Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 90.
65. Кузнецов В.А., Рунич А.П. Погребение аланского дружинника IX в. // Советская археология. 1974. 3. С. 202. Рис. 2.
66. Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей... С. 118.

A. V. Kuznetsov

HASAUT SETTLEMENT AND THE CEMETERIES AND THE MISIMIAN ROUTE ON THE GREAT SILK WAY

The article has been dedicated to the historical monuments of the north-western part of the Elbrus region – the canyon of the Hasaut river. This isn't a detailed description of the monuments of the region. The aim of the research paper presented is to include the materials from Hasaut region into the scientific turnaround since these materials are of great interest as scientific sources.

The materials have been collected by the author for a long time but have not yet been published. The region of nowadays village of Hasaut is important since it represents a concentration of the rock tombs and stone crypts of the second half of the I thousand years BC.

Keywords: the North Caucasus; The Elbrus region; the canyon of the Hasaut river; the early middle ages; the rock tombs; the stone crypts, the excavations by M.M. Kovalevsky, V.R. Apukhtin, A.V. and A.P. Runichs; The Great Silk Way; the transcaucasian branches.

З.М. Кешева

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются вопросы культурной жизни Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны. Отмечено, что, несмотря на тяжелую ситуацию на фронтах Великой Отечественной войны, немецко-фашистскую оккупацию и значительные потери, культурная жизнь Кабардино-Балкарии была достаточно активной и все творческие коллективы республики вносили весомый вклад в дело победы над фашизмом. За период, проведенный представителями советского искусства в эвакуации в Нальчике, ими был создан ряд значительных произведений под влиянием национального фольклора, они оказали ценную профессиональную помощь деятелям культуры Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, деятели советского искусства, культурная жизнь, эвакуация, Нальчик.

Быстрое продвижение германских войск в начале Великой Отечественной войны потребовало принятия чрезвычайных мер для перевода страны с мирного на военное положение. В этой тяжелой ситуации были также предприняты меры по эвакуации деятелей культуры и искусства из районов, которые подвергались опасности оккупации, в более безопасные на текущий период времени территории. Одной из них являлся Нальчик, который в начальный период ВОВ представлял собой тыловой город.

По Постановлению Совета по эвакуации при СНК СССР «О направлении старейших мастеров искусств из г. Москвы в г. Нальчик» с приложением списка эвакуируемых № СЭ-60 от 3 августа 1941 г. в Нальчик были эвакуированы многие деятели культуры и искусства, а также члены их семей¹. По неполным данным в республику были эвакуированы более 16,5 тысяч человек, среди которых коллективы Института физкультуры им. Лесгафта, Государственного института иностранных языков и ряда заводов Ленинграда, артисты Московского художественного и Малого театров, видные композиторы и художники.

Выдающийся советский композитор С.С. Прокофьев провел в Нальчике четыре месяца, которые были очень плодотворны в творческом отношении. Вдова композитора, Мира Александровна Мендельсон-Прокофьева, в своих воспоминаниях отмечала: « В этом тихом городе многое благоприятствовало успешному творчеству и дни заполнены непрерывным трудом»².

В Нальчике начался более чем двухлетний период жизни Прокофьева в эвакуации. Покидая Москву, он увозил с собой эскизы Седьмой и Восьмой сонат, два акта «Золушки», партитуру «Дуэньи», почти готовое либретто «Войны и мира». Гостиница «Нальчик», где жили Прокофьевы, и дачный поселок Долинск стали временным местом проживания для многих прославленных актеров, музыкантов, художников. Сергей Сергеевич дружески общался с В. И. Немировичем-Данченко, с О.Л. Книппер-Чеховой, вдовой великого писателя, с художником И. Э. Грабарем. Немирович-Данченко дал ряд ценных советов по драматургии «Войны и мира» и заинтересовался «Дуэньей». Биограф Прокофьева И. Нестьев отмечает, что Грабарь, живший в смежном номере отеля, взялся писать портрет композитора и несколько дней присматривался к нему в часы его работы. «Художника поразила

целестремленность великого музыканта, казалось, не замечавшего ничего, кроме рождавшихся в его сознании звуковых образов. Перед ним на попире рояля стояла тетрадь нотной бумаги. В руке он держал карандаш и долго всматривался вдаль, словно прислушиваясь к каким-то ему одному слышимым звукам»³.

Летом 1941 г. Прокофьев сочинял симфоническую сюиту «1941 год», первые картины «Войны и мира», Второй струнный квартет. 15 августа были начаты первые страницы толстовской оперы «Отрадное». «Не могу припомнить, чтобы за время нашей совместной жизни он отдавал еще какому-либо своему произведению столько времени, столько душевных сил»⁴, – вспоминает Мира Александровна Прокофьева. В течение трех месяцев первые шесть картин, изображающие картины «мира» (почти половина оперы) – были закончены в клавире. Среди тех, кто слышал в авторском исполнении эти первые фрагменты, были композитор Н.Я. Мясковский и художник И.Э. Грабарь.

В столице Кабардино-Балкарии Прокофьев находил время и для концертных выступлений – в городском театре или в военных госпиталях. Вместе с композитором выступали мастера МХАТа и Малого театра: Качалов, Тарасова, Москвин, Книппер-Чехова, Климов, Рыжова, Массалитинова. В середине октября была завершена сюита «1941 год», которую автор показывал Мясковскому, Фейнбергу, Нечаеву и Ламму. Программа сюиты, навеянная событиями начавшейся войны, сводилась к трем сжатым зарисовкам: «В бою», «Ночью», «За братство народов». Вот что говорил о них сам автор: «Первая – картина горячего боя, воспринимаемого слушателями то как бы издалека, то словно на поле сражения; вторая – поэзия ночи, в которую врывается напряжение приближающихся боев; в третьей – торжественно-лирический гимн победе и братству народов»⁵.

Прокофьев с интересом наблюдал природу предгорьев Эльбруса, любовался снежной панорамой Безенгийской стены, слушал выступления народных музыкантов. Его заинтересовал малоисследованный музыкальный фольклор Кабардино-Балкарии. Он отмечал, что в этих местах путешествовал С.И. Танеев, изучавший фольклор кабардинцев и балкарцев и посвятивший ему специальное исследование.

Памятной для композитора была встреча с Хату Сагидовичем Темиркановым, возглавлявшим республиканское Управление по делам искусств. Он обратил внимание московских композиторов на собранные в Нальчике фольклорные записи: «У нас прекрасный музыкальный материал, почти никем не использованный, – говорил Темирканов. – Если вы во время пребывания в Нальчике поработаете над этим материалом, вы тем положите начало кабардинской музыке»⁶. Спустя несколько месяцев Х.С. Темирканов ушел в партизаны и погиб в бою с нацистами недалеко от селения Зарагидж.

В период эвакуации в Нальчике Прокофьев сочинил свой Кабардинский квартет (ор. 92) и несколько массовых песен. Две песни посвящались героям-кабардинцам, отличившимся на фронте, – пехотинцу Таубекову и танкисту Хакиму Дупуеву («Сын Кабарды» и «Клятва танкиста» на стихи Миры Мендельсон). Несколько позднее к ним были добавлены еще три песни на ее же стихи: две лирические: «Любовь воина» и «Подруга бойца» – и шуточно-сатирическая «Фриц».

Прямое воздействие музыки Северного Кавказа на творчество Прокофьева прослеживается во Втором струнном квартете F-dur. Это наиболее значительный творческий результат его четырехмесячного пребывания в Нальчике. Композитор сумел проникнуть в сущность национальной музыки. Свою задачу он определил как «...соединение нового и нетронутого восточного фольклора с самой классической из классических форм»⁷.

Почти все темы квартета были заимствованы из песен и инструментальных наигрышей Кабарды: для первой части автор отобрал танец «Удж стариков» и песню «Сосуко», для второй части – «Удж Хацаца» и популярную лезгинку

«Исламей», для финала – песню-танец «Гетигежев Огурби». 2 ноября квартет был начат и месяц спустя, 3 декабря, закончен в клавире. Подобно Глинке или Балакиреву, также слышавшим музыку Кавказа «в натуре», Прокофьев по-своему претворял особенности фольклора, обновляя и осовременивая народную традицию средствами «нестандартной гармонизации». В этом проявилось его собственное и вполне самобытное восприятие грозной романтики Кавказа⁸. Отказываясь от шаблонов украшательского ориентализма, композитор всемерно акцентирует в музыке квартета черты стихийной мощи и нетронутой архаики: вспоминается поэзия Кавказа, запечатленная в стихах Лермонтова.

Пребывание в Нальчике внесло национальный колорит в творчество и других деятелей искусства. Так, вскоре появилась Двадцать третья симфония-сюита Н.Я. Мясковского, основанная на фольклорных мелодиях Кабардино-Балкарии. В ней были использованы народные песни «Сосруко и Сатаней», «Солтан-Хамид», «Исламей», «Халимат»; А.Н. Александров завершает оперу «Бэла», в которой использует национальные мотивы титульных народов республики. Ряд произведений на кабардинские темы написали С. Фейнберг, А. Гольденвейзер. Художник Н.М. Чернышев пишет акварельные пейзажи «Зима в Нальчике», «Долина реки Нальчик», «Вечер в Нальчике»; И.Э. Грабарь – «Парк в Нальчике»; В.А. Сварог – серию этюдов, запечатлевших садик Свободы и улицу, ведущую к реке, Дом туриста, цветы на улицах города – «Розы», «Пионы»; картину, на которой изображена утопающая в зелени так называемая сталинская дача, расположенная в Затишье; Л.Е. Фейнберг создает серию рисунков по мотивам нартского эпоса, а скульптор И.А. Менделевич ваяет фигуру легендарного народного героя Андемиркана⁹.

Несколько месяцев провел в Нальчике выдающийся режиссер Владимир Иванович Немирович-Данченко. Начало войны МХАТ встретил в Минске, куда прибыл на гастроли 16 июня 1941 г. Спектакли продолжались до 24 июня, когда в результате массированных налетов немецкой авиации в течение дня был уничтожен почти весь центр города, погибли тысячи людей. Бомбой была разрушена часть здания театра, погибли все декорации и костюмы. Коллектив Художественного театра самостоятельно выбрался из горящего города и вернулся в Москву 29 июня 1941 г. Немировича-Данченко вместе с труппой ведущих артистов МХАТа по решению Правительства в сентябре 1941 г. эвакуировали в Нальчик¹⁰.

В 1941 г. режиссеру, педагогу, писателю, драматургу, реформатору и теоретику театра, народному артисту СССР В.И. Немировичу-Данченко шел 83-й год. В Нальчике он не останавливал творческий процесс, вызвал из Москвы оставшихся артистов МХАТа и начал подготовку к постановке новых пьес. Он подолгу гулял в парке, встречался с солдатами, которые находились на излечении в госпиталях. Вместе со своими соратниками-мхатовцами разрабатывал репертуары выступлений перед ранеными бойцами. Именитые актеры читали монологи из своих пьес, декламировали стихи, пели песни. Концерты проходили в здании современного Медицинского колледжа КБГУ, а также в здании современного Медицинского факультета КБГУ, где в годы войны находился один из военных госпиталей.

Пребыванию великого режиссера в Нальчике посвящен документальный фильм Александра Золотухина «Сквозь дым и туман», созданный инициативной группой «Молодежь в эфире», общественной организацией «Институт проблем молодежи» и студией «Каракан» при поддержке Госкомитета КБР по делам общественных и религиозных организаций. В фильме очевидцы делятся воспоминаниями о встречах с москвичами, их участии в культурной жизни республики в тяжелое военное время.

Композиторы, музыканты, писатели, эвакуированные в Нальчик, оказали большое влияние на развитие местной школы национального искусства: регулярно выступали в библиотеках, посещали выступления местных коллективов,

помогали повысить профессионализм национальных кадров. В 1941 г. в здании городского театра в Нальчике была организована выставка московских художников и художников Кабардино-Балкарии; многие из работ, представленных на выставке, московские художники подарили республике.

В июле 1941 г. Кабардино-Балкарский радиокомитет организовал трансляцию концерта работников искусств КБАССР для братских республик – Дагестана, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии, посвященного войне советского народа против немецко-фашистских захватчиков. В нем приняли участие Кабардино-Балкарский государственный хор, оркестр радиокомитета под руководством А.Г. Шахгалдяна и другие коллективы. Исполнены произведения местных авторов, посвященные борьбе советского народа против фашистских оккупантов: композитора Т. К. Шейблера, поэтов Али Шогенцукова, Омара Этезова, Индриса Кажарова, Хацерона Алхасова и другие.

Кабардино-Балкарский государственный ансамбль пляски «Кабардинка» и Кабардино-Балкарский государственный хор пересмотрели свои программы, включив в них новые произведения советских композиторов, написанные на патриотические темы. В программе хора появились песни, созданные местными поэтами и композиторами, отражающие героическую борьбу воинов Красной Армии против немецко-фашистских войск. Многие танцоры и певцы из мужского состава ансамбля и хора с первых же дней войны ушли на фронт, а найти им равноценную замену было не так просто. Но, несмотря на все трудности, связанные с военным временем, ансамбль и хор регулярно проводили концерты, выступали в заводских и фабричных цехах, в бригадах, на полевых станах и высокогорных колхозных пастбищах, своим искусством поднимая патриотический дух трудящихся, вселяя в них веру в победу. Работники культуры выступали на митингах, организовывали бесплатные концерты¹³.

В конце октября 1941 г. коллективы учреждений искусств приняли деятельное участие в строительстве оборонительной линии, которая проходила по территории Кабардино-Балкарии. Работники Кабардинского, Балкарского, Русского театров, Кабардино-Балкарского государственного ансамбля пляски «Кабардинка» и Кабардино-Балкарского государственного хора ежедневно трудились на стройке наравне со всеми остальными коллективами.

Коллективы ансамбля и хора важнейшей задачей и гражданским долгом считали систематические выступления перед воинами Красной Армии и ранеными, проходившими лечение на территории Кабардино-Балкарии, а также перед своими земляками – бойцами, командирами и политработниками 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, которая была на стадии формирования.

В сентябре 1942 г. Совнаркомом КБАССР было принято решение об объединении Кабардино-Балкарского государственного ансамбля пляски и Кабардино-Балкарского государственного хора в один творческий коллектив с названием Кабардино-Балкарский ансамбль песни и пляски¹⁴. Новый объединенный ансамбль главное свое внимание сосредоточил на обслуживании частей и соединений 37-й армии, действовавшей на территории Кабардино-Балкарии, раненых, проходивших лечение в госпиталях. Артисты также продолжали регулярно выступать перед рабочими промышленных предприятий, колхозниками, которые самоотверженно трудились, чтобы обеспечить фронт всем необходимым. Так, выполняя свой гражданский и патриотический долг, коллектив продолжал свою работу в условиях прифронтовой полосы до последней возможности – захвата г. Нальчика немецко-фашистскими войсками. 25 октября г. Кабардино-Балкарский ансамбль песни и пляски временно прекратил свою деятельность.

4 января 1943 г. Нальчик был полностью освобожден от немецко-фашистских захватчиков совместными усилиями соединений 37-й армии и партизанских

отрядов, а 5 января трудящиеся города собрались на общегородской митинг, посвященный этому важному событию.

За период оккупации культура Кабардино-Балкарии понесла большой урон: было сожжено здание драматического театра, взорвано здание Дома народного творчества, уничтожена театральная библиотека с книжным фондом около 8500 экземпляров по истории и теории искусств, 16 роялей и пианино; вывезено оборудование и костюмы русского, кабардинского, балкарского театров, ансамбля песни и пляски. Таким образом, немецко-фашистские войска разрушили все лучшие здания культуры и искусства не только в г. Нальчике, но и по всей территории Кабардино-Балкарии¹⁵.

С первых же дней освобождения г. Нальчика вместе с восстановлением народного хозяйства восстанавливалась и работа в учреждениях искусств. Это нашло отражение в решении пленума Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б), который состоялся 29 января 1943 г. В его постановлении о мероприятиях по ликвидации последствий немецко-фашистской оккупации было записано: «17. Обязать Управление по делам искусств при СНК Кабардино-Балкарской АССР восстановить театрально-зрелищные учреждения, имея в виду, в первую очередь, восстановление и укомплектование русского и национальных коллективов»¹⁶.

В развитии профессиональной музыки в Кабардино-Балкарии важная роль принадлежала симфоническому оркестру Государственной филармонии. В 1933–34 гг. при областном радиокомитете был организован симфонический ансамбль под руководством скрипача А.Г. Шахгалдяна, ставшего впоследствии известным дирижером и композитором. В феврале 1943 г. по решению правительства СССР в Кабардино-Балкарии был создан малый симфонический оркестр при Государственной филармонии, который включился в концертную деятельность.

Кабардинский ансамбль песни и пляски возобновил свою деятельность после освобождения республики от немецко-фашистских войск в январе 1943 г. Штат был укомплектован по смете до оккупационного периода и утвержден местными финансовыми органами. Ансамбль песни и пляски по своей структуре относился к концертному эстрадному бюро и входил в состав Государственной филармонии на отдельном самостоятельном балансе со своим расчетным счетом в Кабардинском отделении Госбанка.

Но ансамбль еще не имел возможности регулярно проводить свою концертную деятельность. Основная причина состояла в недостатке кадров. С помощью руководителей районов, общественности руководству ансамбля удалось привлечь к своей работе одаренных юношей и девушек, но они не имели ни опыта, ни специальной подготовки. В частности, руководству хора пришлось потратить на обучение нового пополнения вокальной технике и хоровому искусству почти весь 1943 г. В танцевальную группу пришла талантливая молодежь: Магомедгери Нартоков, пятнадцатилетние Султангери Тутуков и Хашир Дашуев, которые вскоре стали одними из ведущих танцоров. Таким образом, удачно подобранная и подготовленная танцевальная молодежь давала возможность ансамблю наладить свою концертную деятельность без участия хоровой группы. Он начал регулярно проводить свои концерты по районам республики с 13 мая 1943 г. До первой половины октября 1943 г. было проведено более 120 концертов¹⁷.

В 1944 г. работники ансамбля приняли участие в сборе средств из своих личных сбережений на строительство танковой колонны «Смерть немецким захватчикам!». Работники искусства собрали и вложили в данное мероприятие 57 тысяч рублей. Помимо этого, ансамбль песни и пляски в нерабочее время провел один концерт и всю собранную сумму в размере 2000 рублей внес в фонд помощи семьям и детям фронтовиков. Во время весенней полевой кампании 1944 г. ансамбль в полном составе (хоровая и танцевальная группы вместе) включился в обслуживание колхозников и в течение апреля провел по районам республики 25 концертов.

В самые трудные годы Великой Отечественной войны многие актеры ансамбля проявили исключительную стойкость, выдержанность и преданность своему делу. Среди них: заслуженные артисты Кабардино-Балкарской АССР Кураца Каширгова, Танахум Ашуров, Асланджери Аталиков, Берман Шаваев; танцоры Леля Батракова, Галина Исакова, Шамхани Ульбашева, Мария Канаметова (Темрокова), Светлана Иванова-Магалдадзе, Арон Исаков, Омар Отаров, Мутай Ульбашев, Валентина Першина и другие.

Несмотря на тяжелую ситуацию на фронтах войны, немецко-фашистскую оккупацию и значительные потери, культурная жизнь Кабардино-Балкарии была достаточно активной. Творческие коллективы республики вносили весомый вклад в дело победы над фашизмом.

Примечания

1. [Электронный ресурс]. URL: http://velikvoy.narod.ru/dokument/dokumentcccp/postanovlenie/030841_evakuat60.htm.
2. *Мендельсон-Прокофьева М.А.* О Сергее Сергеевиче Прокофьеве. Воспоминания. Дневники (1938–1967) / Науч. ред., предисл. и комм. Е.В. Кривцовой. М., 2012.
3. *Нестьев И.* Жизнь Сергея Прокофьева. М., 1973. С. 457–460.
4. *Мендельсон-Прокофьева М.А.* Указ. раб. С. 72.
5. Там же. С. 73.
6. *Нестьев И.* Указ. раб. С. 458.
7. *Мендельсон-Прокофьева М.А.* Указ. раб. С. 73.
8. *Нестьев И.* Указ. соч. С. 458.
9. [Электронный ресурс]. URL: <http://srgvs.ru/nalchik-v-vov>
10. [Электронный ресурс]. URL: <http://kbsu.info/index.php?option=com>
12. *Хутуев Х.И., Мамбетов Г.Х.* Государственный ансамбль песни и пляски Кабардино-Балкарии // Из истории развития социалистической культуры Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981. С. 112–113.
13. *Мидов Х.Х.* Кабардино-Балкарский государственный ансамбль песни и пляски. Нальчик, 1995. С. 43.
14. Там же. С. 45.
15. Там же. С. 46.
16. Там же. С. 47.
17. Там же. С. 48.

Z.M. Kesheva

CULTURAL LIFE OF KABARDINO-BALKARIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article examines the cultural life of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War. It was noted that despite the difficult situation in the Great Patriotic War, the Nazi occupation and the significant losses, the cultural life of Kabardino-Balkaria was quite active and all the creative teams of the republic have made a significant contribution to the victory over fascism. During the period of Soviet art figures held in the evacuation in Nalchik, they created a number of important works under the influence of national folklore, they provided valuable professional support to culture of Kabardino-Balkaria.

Keywords: Great Patriotic War, Soviet art figures, cultural life, evacuation, Nalchik.

Б.Х. Бгажноков

КАБАРДА И КАБАРДИНЦЫ В РАННЕЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Статья посвящена вопросам происхождения и ранней истории кабардинцев, их связям с древними народами Передней Азии, с каспами, касами, кабарями, хазарами на Кавказе. Поднимается вопрос о роли кабардинцев и Кабарды в эволюционном развитии Северного Кавказа.

Ключевые слова: кабардинцы, каски, касситы, каспы, касоги, Хазария, Алания, Кабарда.

Каски, касситы касы и кабары в этнической истории кабардинцев

Так же как, и другие группы адыгского населения на Северном Кавказе, кабардинцы сложились в раннем Средневековье как составная часть касов. В свою очередь касы, обитавшие в пространстве между Каспийским и Черным морями являются потомками хаттского племени касков (кашков)¹. Отсюда и топоним *Кавказ* – «Гора касов» или «Гора Страны касов».

Обнаруживается вместе с тем близость касов (каскунов, кашконов, кашаков, касогов, джаркасов, черкесов) с касситами и каспами, чему много внимания уделял Б. Грозный. Считая язык касситов одним из древних кавказских языков, он усматривал прямую связь между касситами Передней Азии и касогами Кавказа². В том же духе высказывались отечественные специалисты по истории Передней Азии и Кавказа: Г.А. Меликишвили, И. Алиев и др. Так, И. Алиев, касаясь данной гипотезы и фактически поддерживая ее, писал: «Кашков, сближаемых с касситами, нередко в научной литературе связывают с северокавказским народом – черкесами, называемыми грузинами *kasag* (древнерусск.: касоги)»³.

Не исключено, таким образом, что термины *кас*, *касog* и др. (как общие обозначения адыгов Северного Кавказа) возникли не только под влиянием касков (кашков), но и во взаимодействии с касситами и каспами. Впрочем, каски и касситы, судя по всему, родственные народы, поэтому в этноязыковом плане в этих обозначениях нет принципиальной разницы. При этом этноним *касы/касситы* восходит к древнеиндийскому языку, в котором *kas* означает «сверкать, сиять», а *kasih* – «солнце, свет, сияние, глянец»⁴.

Н.Я. Марр считал, что имена, содержащие этноним *кас/касп*, объединяют Каспийский бассейн с Понтийским. И это может свидетельствовать о соответственно широком некогда расселении в этом пространстве племени или племен под таким названием⁵. По его мнению, и термин Кабарда (Ка – b – ar – da) в его архетипной разновидности ka – p можно считать эквивалентом племенного названия касп (kas – p), которое отложилось во многих названиях населенных пунктов и стран на Кавказе, а также «моря (Kasp skoe) и всей горы (Kav – kas)»⁶. Вслед за ним И.И. Мещанинов назвал касов (касситов) племенем, «давшим свое имя целой стране и морю (Кавказ и Каспий)»⁷. Наряду с этим этноним «кабардинцы» и эпоним «Кабарда» связывают с племенной группой кабаров в составе Хазарского каганата⁸.

В свою очередь кабаров идентифицируют (особенно в российской историографической традиции) с касогами древнерусских летописей, с Касахией Константина Багрянородного, с современными кабардинцами и Кабардой⁹. Ф. Брун пишет в данной связи, что Константин Багрянородный, «не определяя местности, откуда переселились его Кабары, не мешает нам предположить, что они пришли из Кабарды на Кавказе, или же с берегов реки Кабарды в Крыму, куда, по древнему преданию, предки князей Кабардинских переселились из Аравии»¹⁰. Показательно, что в российской истории имя Хабар и фамилия Хабаров соотносится с кабарями, касогами, кабардинцами. Известный боярин Хабар Симский, как сказано у Н.М.Карамзина, вел свой род от Редеди, князя касогов¹¹. О кабардинцах или кабарах в составе Хазарии пишут также в связи с их ролью в формировании казачества¹².

Все это говорит о том, что кабары являются составной частью касского этнического массива на Северном Кавказе. В «Армянской географии» Моисея Хоренского, отражающей этническую ситуацию VI–VII вв. на Кавказе, они выступают под именем *хебаров/хебуров*. Кабары представлены здесь в общем списке племен наряду с хазарами, абхазами, аланами и целым рядом других народов, в том числе и касских, к которым можно отнести хегайков, кутетов, хенутов, каспов¹³. Как видно, уже в этот период кабардинцы сложились как обособленная и самая большая группа *кас/касогов* на востоке Северного Кавказа.

Что же касается самого названия *хебуры/кабары*, то следуя этимологии, предложенной Н.Я. Марром, оно через свою архетипную форму *кар/каб* связано с этническим термином *кас / каср* при аналогичном соответствии терминов *Каподокия* и Кабарда¹⁴.

Не исключено в то же время, что этноним *хебур / кабар* возник на почве переднеазиатских связей адыгов с племенами или племенем, жившим на берегах реки Хабур, левого притока реки Евфрат. Ранее мы уже отмечали, что черкесов, и прежде всего кабардинцев, объединяли с этим районом (с Передней Азией в целом) давние культурно-языковые контакты¹⁵.

Кабардинцы в составе и в истории Хазарского каганата

Анализируя сведения Моисея Хоренского, Р.А. Габриэлян приходит к выводу, что в V–VI вв. хебуры были преобладающим населением северо-восточного Кавказа¹⁶. Поэтому нет ничего удивительного в том, что вслед за этим они стали одной из самых влиятельных групп туземного (главным образом, адыгского, касского) населения Хазарии. Одновременно хебуры или кабары были признаны правящим классом государства, политической и военной опорой его правителя – кагана. С этим связано также одно из значений термина *кабар* – древнеевр. «товарищ», основанное, видимо, на народной этимологии.

Длительное время кабары обладали в Хазарии всей полнотой власти. Они управляли государством и выдвигали своих представителей на самые важные посты: кагана – главы и духовного лидера государства и бека (бака, ишэ) – мажордома, управлявшего всеми текущими делами в Хазарии. В тесной связи с кабарями находилась царская (бекская) гвардия, состоявшая из 12 тыс. воинов. Из кабаров состояла в основном армия Хазарии, набиравшаяся, главным образом, из мусульман арсиев, охранявших границы империи. Отсюда фамилия Арсаевых в современной Малой Кабарде.

Заслуживает внимания и сообщение Масуди о том, что должность (титул) везира, командующего царской армией арсиев принадлежала некоему Ахмаду бен Куйя. Потомками этого Ахмада бен Куйя являются, как видно, представители рода Куйае – Куваевых в современной Адыгее. При этом имя предшественника на этом посту, отца Ахмада – Куйа, как полагают, иранского происхождения¹⁷, легло,

возможно, в основу названия города Киев, где этот Куйа командовал гарнизоном, охранявшим северо-западные границы Хазарии¹⁸.

В середине IX в. или в 30-х гг. этого столетия кабары подняли восстание и, как пишет Константин Багрянородный, «отделились от власти». Причиной этого восстания, вылившегося в гражданскую войну, считают принятие иудаизма, а также связанное с этим возвышение бека, превращение его власти в наследственную с титулом царя. Верховная власть избираемого хакана становилась после этого номинальной или формальной и переходила к беку-царю. Хакана «только почитают и преклоняются перед ним при представлении, – пишет Аль-Истахри, – хотя хакан выше царя, но его самого назначает царь»¹⁹.

Главной причиной недовольства кабаров явилось, видимо, связанное с этими событиями возвышение племенной группы савиров, которая пришла на Северный Кавказ из Центральной Азии во второй половине V в. Булан (Севриель), сумевший превратить к середине IX в. свою власть бека в наследственную, был, по всей вероятности, савиром. Это возмутило кабаров и было воспринято как узурпация или попытка узурпации власти в Хазарии. По понятиям кабаров, савиры считались пришельцами, не относящимися к «истым хазарам». Н. Голб и О. Притцак в сущности прямо именно об этом и пишут «В связи с определенными военными и политическими событиями «бег», чьей опорой, вероятно, было туземное хазарско-саварское население, в первой половине IX в. узурпировал верховную власть в каганате. Это вызвало недовольство кавар. Как свидетельствует Константин Багрянородный, они взбунтовались, вероятно, в 30-х гг. IX столетия»²⁰.

Восстание не было успешным, часть кабаров была истреблена, а другая часть разделилась на две группы. Одна осталась в Центральном Предкавказье²¹ в междуречье Чегема и Баксана, в местности *Кабарда* и отсюда значение этого этнопонима (с древним суффиксом *д/да*) – «местность (земля), принадлежащая кабарам». Другая часть, непосредственно вовлеченная в конфликт, в 60-х гг. IX в. покинула Хазарию и присоединилась к венграм, враждовавшим с хазарами.

Отделившись от Хазарии, эта группа кабаров расселилась в Западном Предкавказье, в Северном Причерноморье и в Крыму (откуда в 873 г. они вместе с венграми вытеснили хазар²²). Оставаясь составной частью сложившегося здесь ранее касского, или касожского этнического массива, многие из них связали свою судьбу с венграми, со страной Леведия между Доном, Донцом и Днепром, а затем с Ателькузой (междуречьем Буга и Дуная), куда вытеснили венгров объединившиеся с хазарами печенеги.

Вот почему на некоторых средневековых картах Кабарда расположена в низовьях Дона, на его левом берегу (рис. 1). А на северном побережье Азовского моря, в том месте, где сейчас стоит город Таганрог на портоланах XIV–XVI вв., фигурирует город (или местность) *Кабарди* (*Sabardi*)²³. С этим связано также производимое Ф. Бруном выделение «азовских черкес» (по обоим берегам низовьев Дона) из массива кавказских (пятигорских черкес)²⁴.

На отдельных средневековых картах вместо азовских или донских черкесов можно встретить даже название *Sabarda* (карта Европы Хенрико Хондио начала XVII в., карта России Гесселя Герритса 1614 г.). Обозначением Кабарды является, возможно, и *Sabata* на картах Я. Гастольди 1548 г. в узком пространстве между Доном и Волгой (рис. 2). Причем отражают эти карты, главным образом, ситуацию XIV – первой половины XV в. Об этом свидетельствуют некоторые детали. Так, на карте Хенрико Хондио в устье Терека находим обозначение Тюменского княжества (*Tumencko*), которого там не было с 1588 г., о чем пишет Л.И. Лавров²⁵. А на картах Джакомо Гастольди к югу от Кабарды за Черкесией, Аланией и Татаркосией на правом берегу Кубани отмечен Кремух или Кремук. Это адыгское (темиргоевское) княжество, которое в первой половине XV в. застал И. Барбаро²⁶. В XVI в. упоминаний о княжестве или владении с таким названием уже не было.

Рис. 1. Фрагмент Карты Европы Хенрико Хондио начала XVII в.

Что касается карты Хенрико Хондио, то здесь обращает на себя внимание еще и то, что к югу от Кабарды (расположенной на Дону) практически от Черного до Каспийского моря отмечены пятигорские черкесы (Petigori) и черкесы (Circassi). Это потомки касских племен, в которых ведущее место занимал племенной союз кабардинцев, или кабар, которыми до прихода к власти Инала II управляла, по всей вероятности, древняя кабардинская знать: Кундетовы, Тамбиевы, Анзоровы.

В период миграций кабаров на северо-запад большие кабардинские колонии создаются, как сказано, и в Крыму. Существует обширная литература этих колониях²⁷. Известна также литература, посвященная преданиям о переселении из Крыма в Кабарду группы кабардинцев²⁸, что, как полагают, произошло в конце XV в., и таким образом еще больше усилило позиции черкесов на востоке Северного Кавказа.

Рис. 2. Фрагмент карты России Джакомо Гастольди 1548 г.

Значительная часть кабаров оказалась и в Южном Поднепровье²⁹, что подтверждается также и археологически³⁰. Известно также, что в Киеве они занимали целый район под названием Копырев (Кабаров) конец³¹. В 966 г. окрестности Киева и Копырев конец в самом Киеве пополнились новыми

мигрантами из Кабарды. Победив хазар, их привел сюда вместе с аланами (ясами) Святослав. Впоследствии численно возрастающие общины кабаров (касогов-кабардинцев) приняли участие в этническом и социальном развитии украинцев и донского казачества.

Кроме того, кабары усилили позиции касов на Западном Кавказе. Есть мнение, что город Касек/Касак (то есть Кашак, Касог), о котором писал в 982–983 г. анонимный автор книги «Худуд-аль-Алем»³², вырос еще раньше под защитой хазарского Тумен-гархана (Тамтаракая, Тмуторокани) вследствие подъема окружавших Хазарский каганат автохтонных – касских, касожских (кабардинских, джаркасских) социально-политических образований, в числе которых доминирующее положение занимали кабардинцы, или кабары. В 1022 г. Тмутаракань становится касожско-русским княжеством³³.

Что касается кабаров, соединившихся с венграми, то в конце IX в. под давлением печенегов и хазар они, как сказано выше, ушли вместе с ними из Леведии еще дальше в Центральную Европу, сначала (в 870-х гг.) в Ателькузу (междуречье Буга и Дуная), затем (с 889-го по 895 г.) в Моравию. Здесь они приняли активное участие в войнах и завоеваниях венгров, в создании Венгрии как государства.

О роли кабаров (кабардинцев) и Кабарды в эволюционном развитии Северного Кавказа

Известно, что в 1881 г. кабары сражались на стороне венгров под Веной³⁴. Не случайно в Венском художественно-историческом музее оказался парадный кабардинский клинок, названный «саблей Карла Великого»³⁵.

С другой стороны, художественный стиль, типичный для кабарского парадного оружия, хорошо представлен в Колосовском могильнике в Адыгее³⁶. В X–XII вв. эффектные сабли и конское убранство в «колосовском стиле» становятся атрибутами аланской военно-феодалной знати на территории от Пятигорья до современной Чечни (могильники Кольцо-гора³⁷ и Мартан-чу³⁸, Змейский могильник³⁹ и др.). Несомненно, это связано еще и с тем, что кабары (кабардинцы) были стратегическими союзниками алан в борьбе с хазарами. Тем более, что в самой Алании, в местности Кабарда, они, как показано А.В. Гадло (рис. 3), занимали доминирующее положение, принимая активное участие в выступлениях народов Алании против хазар и Хазарского каганата. Нет, таким образом, ничего удивительного в том, что и после падения Хазарии, уже в XI–XII вв. колосовский (кабарский, кабардинский) стиль вооружения оставался главным отличием военно-феодалной знати Алании.

Рис. 3. Этническая ситуация на Северном Кавказе. Вторая половина XI – начало XIII в. Из кн. Гадло А.В. «Этническая история Северного Кавказа XI–XIII вв.». СПб., 1994

Дальнейшее развитие касожско-кабарского населения Западного и Центрального Кавказа ознаменовалось формированием и распространением Белореченской археологической культуры XIII–XV вв. и кабардино-черкесских курганов на обширной территории Западного и Центрального Кавказа. Исследования памятников этого круга продолжаются. В настоящее время наряду с неослабевающим интересом к находкам Н.И. Веселовского и к исследованиям многих других кавказоведов, так или иначе связанным с данной проблематикой, обращают на себя внимание недавно выявленные и опубликованные материалы бескурганных могильников XIV–XV вв. в среднем течении реки Баксан и в верховьях Терека⁴⁰.

Кабарда в Центральном Предкавказье, как мы убеждаемся, продолжала свое существование и сохраняла статус этноконтактной зоны, как органической и жизнеспособной структуры сначала Хазарского каганата, а затем, начиная с конца X в. – Аланского царства. Тем самым она обеспечивала равновесие эволюционного развития территории, последовательную смену политической системы и культурного облика народов Хазарии, Алании, Касахии (Черкесии). Любые, сколько-нибудь значительные события в Кабарде неизбежно отражались на ситуации во всем северо-кавказском регионе. Так, ослабление позиций кабаров (кабардинцев) в Восточном Предкавказье, последовавшее за их миграцией на северо-запад, способствовало усилению позиций алан в этом районе. Ихран, населенный аланами и кабарями (кабадинцами) стал «наиболее значительной областью среди связанных с Хазарским каганатом территорий восточной части Кавказа»⁴¹.

Все это согласуется с данными о том, что в период раннего Средневековья, до усиления алан и прихода половцев в Прикаспье, в междуречье Терека и Сулака жили касы, касоги, или черкесы, составлявшие одно из двух «колен хазарских». Так, Ф. Брун, ссылаясь на французского востоковеда Ж.Т. Рено, писал, что представители первого хазарского колена (по всей вероятности, это были савиры) отличались смуглостью и казались почти черными. За это они получили название *кара-джур*. Между тем, представители второго колена – черкесы – «были белы, прекрасны и стройны»⁴². В.В. Григорьев писал в данной связи, что изначально «хазары не были турецкого происхождения, ибо языком и наружностью отличались от турков»⁴³. Такого же мнения придерживались Фр. Боденштедт, Д.И. Иловайский, Д.М. Данлоп⁴⁴ и некоторые другие ученые.

При этом все они опирались на средневековые источники. В частности, на известное сочинение Ал-Истахри, в котором сказано: «Хазары не похожи на турок; они черноволосы и их два класса: одни называются «Карахазары» («Кара-Джур»); они смуглые, даже почти черные, подобно индийцам; другой класс – белый, видны по красоте и наружным качествам»⁴⁵. О том же пишет Ибн-Хаукаль. В его сочинении под названием «Книга путей царств» прямо сказано, что язык живущих в Прикаспии так называемых чистых хазар «не похож на язык турецкий, и с ним не сходен ни один из языков известных народов»⁴⁶. Отсюда поддержанная многими историками гипотеза участия касов (черкесов) в этно- и культурогенезе хазар, в образовании на этой почве самого этнонима *хазар*. Вспомним в данной связи проводимое Д.И.Иловайским разделение хазар на «пришлый, турецкий элемент и туземный хазаро-черкесский», который, по его мнению, происходит от *хазиров* Моиея Хоренского или *акациров* (акасов, касов) греческого историка Приска⁴⁷.

Мнение Д.И. Иловайского и его последователей на счет того, как была устроена Хазария и каким образом в течение VIII–IX вв. развивались в ней этнополитические процессы, сводилось к четырем основным положениям:

1) внутри Хазарской державы «турко-хазары» жили главным образом около Каспийского моря и Нижней Волги,

2) собственно хазары, или «хазаро-черкесы» (а также некоторое время черные булгары) занимали Северо-Западный Кавказ и Юго-Восточный Крым,

3) между Волжско-Каспийской и Крымско-Западнокавказской Хазарией пролегла зависимая также от «турко-хазар» Алания, выполняя роль связующего звена между двумя областями Хазарии: тюркской и кабаро-касской.

4) восстания и выселение из Центрального Кавказа «части кабар» (кабардинцев) постепенно «подрывали крепость Хазарской державы» и усиливали позиции алан, что в конечном итоге стало одной из внутренних причин распада Хазарии и становления независимой Алании и Касахии (Черкесии).

Остается еще раз сказать, что в основе концепции двойственной природы хазар лежат сообщения, взятые из сочинений арабских авторов X в. Судя по всему, ядро «второго, туземного класса» хазарского населения составляли хебуры, или кабары (то есть кабардинцы) и другие, тесно связанные с ним касские (черкесские) племена. В основе своей это потомки многих десятков меотских и других родственных племен Северного Кавказа, которые упоминаются в трудах античных писателей⁴⁸. По данным грузинских хроник и по свидетельству хазарского царя Иосифа, которое приводилось выше, в начале X в. все эти племена получают известность под общим названием *каскуны*, *касы*. Отсюда упоминающиеся в раннесредневековых источниках хоронимы – *Страна Каса*, *Касахия*, *Касаг*, *Касек*, *Акасага*. Вслед за этим, уже в XIII вв. на смену этнонимам *каскуны/касы*, *акасы*, *касаги* приходит этноним *чаркас/черкес* от перс. «четыре [племени] каса».

Хазарско-черкесские культурно-языковые параллели

Этническое развитие касов, кабаров, касогов происходило в тесной связи с ранней историей и культурой Северного Кавказа, что в самых разнообразных формах отложилось в языке и культурной истории черкесов. Например, фамилия *Ашынэ* одна из распространенных в Кабарде и в Адыгее, несомненно, связана каким-то образом с названием рода Ашина, правившим сначала в Тюркском каганате, а затем и в Хазарии. При этом, насколько нам известно, у всех других современных народов Кавказа данная фамилия отсутствует.

Следы хазарско-тюркского влияния мы находим также и в том, что имя родоначальника кабардинских князей Инала упоминалось иногда с добавлением титула *Теген* (Инал Теген)⁴⁹, который у древних тюрков служил обозначением наследника престола. В то же время один из сыновей Инала или сам Инал, согласно некоторым генеалогическим версиям, носил имя Акабгу, в котором слышится тюркское *ябгу* – титул одного из первых лиц в тюркском каганате. Кроме того, и само имя Инал, по мнению А.В. Гадло, «определенно указывает на связь его носителя с тюркским культурным ареалом» и с Хазарским каганатом, что это распространенное у тюрков VIII–IX вв. обозначение знатного, доверенного лица и должности правителя. Основываясь на этих сведениях, А.В. Гадло высказывает предположение, согласно которому «Акабгу-Инал был автономным адыгским правителем, признававшим свою зависимость от каганата, а судя по его имени-титулу, даже то, что он был связан родственными отношениями с домом кагана⁵⁰». Хронологически эта версия уязвима, в то же время следы тюркского влияния в самом представлении личности Инала совершенно бесспорны. Видимо, он и в самом деле в большей степени, чем другие касские (касожские) князья и правители, воспринимался как продолжатель традиций политической культуры, сложившейся в Хазарском каганате.

Касы (касоги) в Хазарии были, несомненно, преобладающим населением Северо-Западного Кавказа. Вместе с тем хазарский период истории оказал заметное влияние не только на культуру, но и на весь облик адыгов на Северном Кавказе.

С этим связаны замечания расовых различиях между касогами (джаркасами, черкесами) и зихами. Например, Т. Лапинский утверждает, что черкесы, из числа которых он исключает абазехов, шапсугов и натухайцев, являются народом с «заметной туранской и семитской примесью»⁵¹. С другой стороны, отдельные авторы, например, арабский историк Хаджи Хальфа, находили в обычаях черкесов и евреев общие черты⁵², сформировавшиеся во времена Хазарского царства или еще раньше. И это подтверждается конкретными фактами. К примеру, семисвечник – символ вечной жизни и главный символ иудейской веры – имел распространение среди адыгов касожской ветви. Я имею в виду известный ритуал в честь божества Созереша. «Божество это, – пишет Хан-Гирей, – почиталось покровителем хлебопашества. Из дерева, черкесами называемого «Хамшхут» (самшит. – Б.Б.), обрубок с семью сучьями хранили в хлебном амбаре. По наступлении известной Созерешевой ночи (после уборки хлеба) семейства, собравшись в своих домах, приносили идола и ставили его среди дома на подушках. К сучьям прилепляли по одной восковой свечке, и тут семейства с открытыми головами совершали молебствие»⁵³.

Показательно, что изображение семисвечника встречается и в принадлежащих кабарам захоронениях в Карпатском бассейне, в некрополе Челарово (около 900 г.)⁵⁴. Здесь же обнаружены большие фалары в конском уборе и другие предметы, в которых прослеживается иранский стиль. По-видимому, он восходит к переднеазиатским связям адыгов.

Ярким свидетельством еврейско-черкесских контактов хазарского периода является, кроме того, распространенная во всех областях проживания адыгов дворянская фамилия *Шоген*. По свидетельству Ш.Б. Ногмова, все представители этой фамилии происходят от священнослужителей – шогенов, греческих и римских (латинских)⁵⁵. Как видно, это соответствует фактам определенной исторической эпохи. Но само слово «шоген» в значении «священник» в кабардинском языке появилось в хазарский период как обозначение священников новой еврейской веры, называемых когенами. По обращению прежних хазарских, в том числе кабарских (кабардинских) жрецов в новую еврейскую веру, они становились когенами (шогенами) и «включались в род священников единого Бога»⁵⁶. Остается добавить к этому, что в свое время в самом еврейском языке слово *коген* закрепилось как обозначение потомков первосвященника Аарона. И отсюда, как утверждает А. Бейдер, его связь с распространенной еврейской фамилией Каган, Коган⁵⁷.

Еврейско-хазарское происхождение имеют некоторые другие черкесские фамилии. Например, с еврейско-хазарским титулом *бек* в значении «царь», «соправитель кагана» связана изначально кабардинская фамилия *Бакъ*, широко распространенная в Центральной Кабарде. В этом убеждает нас тот факт, что в Хазарии существовали две формы обозначения титула царя: «бек» и «бак». Об этом пишет Ал Истахри: «Царь живет в западной части (Итиля – столицы Хазарии. – Б.Б.) и называется он на их языке «бек», а также называют его «бак»⁵⁸. Не исключено, что вариант «бек» был принят у савиров и других тюркских народов Хазарии, а вариант «бак» – у кабаров (кабардинцев).

С кабарским (кабардинским) языком ассоциируется еще одно, бытовавшее в Хазарии название царя. Это термин *шизэ*, о котором писал Ибн Рустэ⁵⁹. Возможно, он связан лингвистически с термином *ипицэ* – «верховный», «почетный», и со словом *пицы* – «князь», «правитель» в адыгских языках. Хазарский титул *шад*, который упоминается как синоним терминов *бек*, *бак*, *шизэ*⁶⁰ в этом случае воспринимается как принадлежность к верховной власти. Видимо, в черкесском языковом сознании оно ассоциировалось в большей степени с гвардией царя, состоящей из 12 тыс. воинов. И, таким образом, употреблялось в прошлом как слово со значением «принадлежащие царю, правителю». Об этом, как видно,

свидетельствуют распространенные в Кабарде фамилии *Шад* – Шадовы. Во всяком случае, это фамилия, которая уходит своими корнями в хазарский период истории Кабарды и кабардинцев.

С другой стороны, некоторые, как правило, знатные кабардинские фамилии прямо возводят к евреям или к предкам, исповедовавшим иудейскую религию. Например, Куденетовы, пользовавшиеся в Кабарде и во всей Черкесии большими привилегиями как самые древние и почтенные представители старой феодальной аристократии, считаются евреями по происхождению. К тому же они сохраняют до настоящего времени тамгу или родовой герб в виде шестиконечной звезды. Евреями по происхождению считают также древний адыгский род Дикиновых и целый ряд других кабардинских родов.

Не исключено, что отношение к Хазарии имеет знатный род Тамбиевых. Считается, что у Тамбиевых армянские корни. В то же время, согласно преданиям, они, как и Куденетовы, восходят к роду Гнардуко или Генартуко⁶¹. А род Генартуко в свою очередь относится, возможно, к одному из племен в составе Хазарии, а именно к роду Генах в списке, приводимом Константином Баряногородным⁶². В форме Герандуко эта фамилия считается одной из древних в числе кабардинских дворянских фамилий. Кроме того, Герандуко – распространенное у всех абхазо-адыгских народов личное имя.

Любопытные сведения о древнем роде Герандук сообщает Н. Каменев. По его словам, на западе Черкесии, неподалеку от шапсугского аула Тхамаха, в урочище Адыхеко стоял величественный, считавшийся священным и неприкосновенным лесистый курган, в котором, согласно преданиям, покоился прах Гену – родоначальника и покровителя местных адыгов⁶³.

Нельзя исключать, кроме того, что фамилия Гнардуко связано с именем одного из царей Хазарии – Ханукка⁶⁴. А.В.Гадло считал, что оно стало «одним из наиболее популярных имен адыгской аристократии»⁶⁵, имея в виду прежде всего родоначальника бесланеевских князей Каноко. Закрепившиеся за именами и фамилиями Каноко ассоциации со словами «род», «родовитый», «колено», перекликаются также с хеттским и латинским *geni*⁶⁶. И отсюда вопрос: не слово ли *geni* лежит как в основе фамилии Генартуко, так и в имени покровителя черкесов в районе урочища Адыхеко? С другой стороны, не связаны ли эти термины и имена каким-то образом с племенным названием *хенуты* в «Армянской географии».

Имена, содержащиеся в еврейско-хазарской переписке, дают нам пищу для многих других размышлений и сопоставлений. Приведем в этой связи еще один пример, связанный с именем Госта в Киевском письме. Здесь оно предстает как имя, которое дал своему сыну Кабар Коген (Kiabar Kohen), один из политических оппонентов гегемонии бега (в 30-х гг. IX в.) в честь своего покровителя печенежского правителя Gosta, управлявшего печенежской провинцией Talmac. Сына Госты и внука Кабара Когена назвали Гостата⁶⁷. И таким образом имя и фамилия Госта закрепились в ономастике кабаров и кабардинцев и дошло до наших дней. В настоящее время есть две черкесские фамилии, прямо связанные со средневековым Госта. Это *Гуэстокъуэ* (букв. Сын Госты) и *Гуэстэхъу* (Мужчина из рода Госта)⁶⁸.

Касы, Страна Каса и средневековые названия кабардинцев и Кабарды

С сообщением хазарского царя Иосифа о касах и Стране касов перекликаются относящиеся к этому периоду сведения византийского императора Константина VII Багрянородного о Касахия. В описании Кавказа «Об управлении империей», составленном в 948–952 гг., он наряду с Аланией и Авазгией выделяет страны, жители которых были, бесспорно, адыгами: Зихия, Папагия и Касахия

(Черкесия)⁶⁹. При этом Касахия, простирающаяся от Черного моря до Кавказских гор, до ее «величайших вершин», является, несомненно, эквивалентом Страны касов в письме царя Иосифа. А преобладающим населением Касахии были уже в тот период кабардинцы, которые были тесно связаны с Кабардой и кабардинцами внутри Алании, а через них – и со всеми другими народами на востоке Северного Кавказа.

В XIII–XV вв. этноним или хороним *каса/акаса* как обозначение народа, земли или страны северокавказских адыгов все еще встречается иногда в трудах итальянских, византийских, арабо-персидских писателей, но теперь, как правило, вперемежку или в одном ряду с ее индоиранской и ирано-тюркской версией – в виде *касак, джаркис, чаргаз, черкес*. К примеру, итальянец Плато Карпини, совершивший путешествие в Монголию в 1245–1247 г., в числе множества земель, которые монголы подчинили своей власти, называет *Касы и Чиркасы* в одном ряду с *Комуки, Аланы, Обезы, Команы и др.*⁷⁰

Во второй половине XIII в. Ибн-Саид сообщает о стране *ал-Акасара*⁷¹. По его словам, акасы совершают нападения на владельцев стены или крепости в горном проходе горы ал-Кабк (Кавказ). Далее следует описание крепости ал-Алан, из чего следует, что речь идет об Аланских воротах в Дарьяльском ущелье. Таким образом, есть все основания считать, что средневековая страна *ал-Акасара* располагалась в долине современного Кассарского ущелья – осет. *Акъасара*. Что же касается «жителей страны ал-Акасара», совершавших эти нападения, то это, как видно, касы (или северокавказские адыги, кабардинцы), на что указывает также И.Г. Коновалова: «Ал-Акасара – хороним, по всей вероятности, образованный от этнонима «каса»⁷².

Но не следует воспринимать эти сообщения как нападения касов (кабардинцев) на алан (осетин). Напротив, они действовали совместно против врагов на севере и на юге страны, в данном случае на врагов, занявших Аланские ворота. Можно вспомнить в этой связи и сообщения Георгия Пахимера, относящиеся ко второй половине XIII в. Он пишет о *сергах, акасах*, или *черкесах*, которые являются христианами и продолжают войну с монголо-татарами⁷³. Под названиями *акасов, или сергов* (ср. чеченское название кабардинцев – *черси*) объединяет «черкесов и алан». Видимо, к этому времени положение касов, касконов (кабардинцев) в Алании укрепилось. Вследствие этого термин *акасы* и способный заменить его термин *серги* могли восприниматься сторонними наблюдателями как общий для черкесов и алан. Более того, не исключено, что этнический термин *акасы* возник в результате симбиоза этнонимов *асы* (овсы) и *касы* (джаркасы) с выпадением свистящего «с» в первом из них.

Взаимодействие касов (касогов) в районе Центрального Кавказа было настолько тесным, что уже во второй половине XIII в. некоторые географы воспринимали асов (овсов) и касов (джаркасов) как народы, объединенные в одно этнополитическое целое под названием *Ас-Каски, или Ас-Касия (Ашкисийя)*. И отсюда гибридный термин *аскаска* или *акасы*⁷⁴. Известны также производные от этих имен оронимы *Аскаска* (ал-Идриси), *Аскасийя* (ал-Хорезми, Ибн-Саид, Абульфедя). На самом деле перед нами обозначения гор Центрального Кавказа, где действительно в течение многих столетий жили совместно *асы* (овсы, аланы) и *касы* (черкесы). В частности, по словам ал-Идриси (XII в.) «гора Аскаска протянулась с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. В этой горе берет начало река, которая распадается на два рукава. Один рукав течет на запад «до города Матриха (Матрега, Темрюк. – Б.Б.) и впадает там между ним и городом Русийя (Керчь. – Б.Б.)...», а второй «течет на юго-восток до земли хазар и впадает за городом Исил в море ал-Хазар (Каспийское море. – Б.Б.)»⁷⁵.

Нетрудно понять из данного описания, что ороним *Аскаска/Аскасия* охватывает цепь Кавказских гор от истоков Кубани на северо-западном склоне

Эльбруса до истоков Терека в Дарьяльском ущелье. Соответственно, реки, о которых идет речь (Кубань и Терек), действительно могут восприниматься как рукава одного потока, формирующегося в самом центре Кавказских гор. Там, где над ними возвышается Эльбрус, и живут два близких по культуре народа – асы и касы. Там, где берут начало все основные (великие) реки Кавказа и Закавказья. Недаром Н.Я. Марр прозорливо, со свойственной ему способностью придать какой-либо важной детали эпический размах, дает свое собственное – следующее определение снежных вершин между Эльбрусом и Казбеком: «Кавказская, Касская или Каспийская водораздельная территория в цепи гор главного хребта» (выделено мной. – Б.Б.)⁷⁶. Она, эта территория, распадается, по его словам, на три части: 1) центральную или материковую – на верховьях Терека и Арагвы, со включением верхнего течения Алазани, 2) Понтийскую – на верховьях Кубани и Риона и 3) Каспийскую с озерным перевальным нагорьем между бассейнами – на севере Аргуна, на юге – Андийского Койсу⁷⁷.

В сочинениях Г. Пахимера и Ибн-Саида второй половины XIII в. достаточно отчетливо показано расположение акасов и их страны ал-Акасара в составе Золотой Орды. Это местность справа от Дарьяльского ущелья. Насколько мы понимаем, ее координаты совпадают с долиной Кассарского ущелья. И это, конечно, не случайно. В современной Осетии данное ущелье называют *Къасара*, буквально повторяя одно из раннесредневековых, видимо, грузинских, названий адыгов.

Спустя несколько десятилетий после Пахимера и Ибн-Саида другой средневековый писатель – Абульфеда (1321) – выделяет справа от страны ал-Булгар (Вожская Булгария) государство *ал-Касак*, населенное народом, обитающим между *ал-Анджаз* (Жаннетия. – Б.Б.) и ал-Лан⁷⁸. Сообщается также о стране *ал-Джаркис* в одном ряду со странами *ал-Булгар*, *ар-Рус*, *ал-Фарандж* и др. «Это, – пишет Абульфеда, – многолюдные страны, великие и очень обширные»⁷⁹.

Выстраивается, таким образом, целый ряд однотипных названий одной и той же северо-кавказской страны – *ал-Акасара/ал-Касак/ал-Джаркис*. Все они содержат в себе этнический термин *кас*. И что особенно показательно, этот элемент содержится во всех сармато-аланских названиях Кабарды и кабардинцев, лишней раз свидетельствуя о том, что в касском этническом массиве Северного Кавказа преобладали кабардинцы (кабары). В самом деле, производные от корня *кас* термины *касаг* и *каскон* и сейчас используются в живой речи осетин как обозначение всех адыгов Северного Кавказа, но прежде всего кабардинцев. При этом в первом случае корневая морфема *кас* соединяется с аффиксом принадлежности *он*, аналогично тому, как применялся и применяется этот аффикс в других подобных случаях: в названиях осетинских обществ – *ирон*, *дигорон*, *бадилон*, *ассон/ашион*⁸⁰; в женских фамильных именах, например: *Канукон*, *Доцон Баццион*, *Хабليون*; в названии танцев – *кашкон кафт* – «кабардинский танец» и др. Второй, в основе своей синонимичный вариант функционирует благодаря аффиксу *аг*, также весьма продуктивному в осетинском языке. Этнический термин *касаг* выстроен здесь по той же модели, что и названия *ариаг* – ариец, арийский, *шомихаг* – армянин, армянский, *хатиаг* – хатт, хаттский, *гурджиаг* – грузин, грузинский и др.

Следует сказать, что аналогичным образом называли адыго-черкесов и другие народы. Например, в армянском языке для обозначения адыгов используют термин *гаиша/кашка*⁸¹, который стоит близко к хеттскому обозначению касков – *gachgachg*⁸². А сваны называют северокавказскую равнину и кабардинцев *Кашаг*, *кашаг*⁸³, опираясь, по-видимому, на античные и арабские названия *казек*, *касак*, *кашак*⁸⁴, которые в свою очередь также возникли на иранской почве. Похоже, в прошлом, еще в XVII в. также называли кабардинцев и в целом северокавказских адыгов мегрелы⁸⁵, отличая их тем самым от юго-восточных

адыгов – *зихов, джихов*. Мы уже говорили, что еще раньше, в середине X в., такое разграничение провел Константин Багрянородный, выделив Касахию на Северном Кавказе и Зихию – в юго-восточном Причерноморье. А в древней Руси на тех же основаниях проводили различие между *касогами* (северокавказскими адыгами) и *обезами* (адыго-абазинскими племенами на юго-востоке Черкесии).

Таким образом, в осетинском языке вариант этнонима *кас* с суффиксом *аг* используется в том же значении, что и вариант с суффиксом *он* – для указания на принадлежность к определенному народу. Но здесь это слово может быть и названием страны, в которой живет одноименный народ. Показательно, что в Осетии и сейчас вместо распространенного названия *Кабарда* используют термин *Кæсаг*, используя его даже в официальном названии Кабардино-Балкарской Республики, а также в различного рода топонимах: *Кæсаги будур* – «Кабардинская степь», *Кæсаджы уæлмæрдтæ* – захоронения в одном из кварталов сел. Рассвет в Осетии – Алании, которые местные жители считают кабардинскими⁸⁶.

По данным В.И. Марковина, словосочетание «кашаджи уалмарта» используется осетинами как название, общее для всех касожских (кабардинских) курганов на территории Осетии⁸⁷. С раннесредневековыми названиями адыгов связаны также названия селений (Кашуети, Кашети и др. в Сванетии и Ингушетии), святилищ, склепов, крепостей (касута, кашун, каш, кашун, кешенэ, кашана) и других сооружений на Северном Кавказе⁸⁸.

После X в. под воздействием персидского названия адыгов Северного Кавказа этноним *кас* приобретает постепенно форму *чаркас, чаргаз, джаркас, джаркис, черкес*. При этом вариант *черкес* сформировался на тюркской почве, а вариант *чаркас/джаркас* был принят и распространен с самого начала среди некоторых народов Востока и у итальянцев. Известно, что с такой огласовкой вошло название адыгов в персидский язык. Иногда этот вариант встречается и в армянских письменных источниках. Так, в одной из армянских памятных записей 1412 г. в числе народов, «состоящих в роду Христианском», упоминаются *чаргазы* наряду с *руссами, аланами, хыпчахами, асами* и др.⁸⁹ У сванов точно такое же обозначение черкесов сохранилось в этническом имени (фамилии) *Чаргазия*⁹⁰.

У европейцев-фарангов, прежде всего, у итальянцев (генуэзцев, венецианцев), модифицированное название адыгов прижилось в форме *джаркас, чиркас* (jarkass, carkassi). В генуэзских (из Перры и Кафы) нотариальных актах купли-продажи рабов-кавказцев, относящихся к концу XIII в.⁹¹, данный этноним используется в сочетании с аналогичными этническими именами. Неоднократно встречаются записи типа: «раб из области Джарказа по прозвищу Джаркас, 12 лет», «рабыня, 12 лет, Джарказия из области Джарказа» и т.д.⁹²

Что же касается этнического термина *каса*, то к числу последних его упоминаний – в начале XV в. – можно отнести сообщение Ибн Тагриберди о происхождении мамлюкского султана Баркука ал-Черкаси, правившего Египтом с 1382-го по 1399 г.: «Он – выходец из страны Черкесов и его род называется Каса. Он был похищен со своей родины и продан в Крыму»⁹³. Тем самым подчеркивается, что Баркук родом из северной части «страны Черкесов», которая тогда, в начале XV в., еще была известна под названием Каса.

Кабардинцы как восточно-северокавказская ветвь адыгского народа

Общая картина происхождения кабардинцев, как следует из вышеизложенного, такова. Исторически они относятся к одной из ветвей адыгского народа, а именно, к северокавказской, известной в VII–XII вв. под названиями каскунов, кашаков, кашконов, касогов. Компонент «кас» восходит в этих этнонимах к наименованию хаттского племени касков и родственных им касситов и каспов.

Формирование Кабарды и Черкесии в пространстве между Черным и Каспийским морями происходило в процессе длительных контактов и культурного взаимодействия многих народов, но нет оснований считать, что этот процесс был связан с масштабными миграциями и завоеваниями. Черкесия возникла в результате этнического развития общностей, обитавших в данном пространстве с древнейших времен – со времен хаттско-абхазо-адыгского культурно-языкового единства. Что же касается выдвинутой сравнительно недавно, в 50–60-х гг. прошлого века гипотезы массового переселения адыгов-кабардинцев в Центральное Предкавказье в XI–XII и XIII–XV вв. и притом с тяжелыми боями против местного – аланского населения, то она не подтверждена ни одним заслуживающим доверия фактом⁹⁴.

Большие сомнения вызывает самый главный аргумент сторонников этой концепции – появление в XIV–XV вв. в Центральном и Восточном Предкавказье кабардинских курганов. Как будто такая форма захоронения не могла развиваться в ходе естественного развития быта и культуры местного, автохтонного кабардино-черкесского населения, в том числе и при взаимодействии с черкесами (касогами, кабардинцами) Западного Кавказа, создателями и носителями Белореченской археологической культуры. Кстати, именно к этому склонялась О.В. Милорадович, автор первой обзорной статьи, посвященной кабардинским курганам⁹⁵.

По мнению Е.И. Крупнова, в пространстве между Прикубаньем и Терекком уже в III тыс. до н.э. сложилась общность носителей Майкопской культуры, говоривших на языках абхазо-адыгской группы. Все они были объединены не только одной и той же стадией развития, но и узами этнического родства⁹⁶. В работах Крупнова и его последователей подчеркивается, что по всем, в том числе и лингвистическим данным создателями и носителями майкопской культуры могли быть только родственные родоплеменные группы. Утверждается, что единство языка и культуры этих групп не прерывалось никогда, даже в эпоху Средневековья, когда самобытное развитие адыгских обществ «протекало в условиях частичного включения в местную среду инородных для Кавказа этнических элементов – ираноязычных»⁹⁷.

Многие другие кавказоведы, опираясь на большой и разнообразный конкретный материал, не сомневаясь, относили и относят адыгов-кабардинцев к числу древнейших жителей в этом регионе. Например, В.П. Алексеев, основываясь на данных физической антропологии, пишет, что «преемственность современных кабардинцев и бесленейцев с древними жителями Центрального Предкавказья восходит по меньшей мере к эпохе поздней бронзы – началу 1 тыс. до нашей эры»⁹⁸. В этом духе высказывались еще раньше М.М. Ковалевский, Н.Я. Марр и другие исследователи.

О постоянном, никогда не прерывавшемся присутствии адыгских поселений в Центральном и Восточном Предкавказье свидетельствует исследованное еще 30-х гг. прошлого века большое курганное поле в окрестностях Нальчика между бывшим дачным поселком Долинским и районом, где располагается сейчас бывшая Турбаза и Дом Правительства. Разнообразные по форме и содержанию, эти могильники включают в себя курганы старокабардинской культуры и охватывают в целом период с IV–III тыс. до н.э. до XVII столетия н.э.⁹⁹ Причем самые ранние поселения и захоронения периода IV–III тыс. до н.э. относятся к варианту знаменитой майкопско-новосвободненской культуры¹⁰⁰, а самые поздние – к периоду XVII–XVIII вв.

Глубоко ошибочны и антинаучны некоторые другие аргументации «переселения кабардинцев на нынешнюю территорию». В частности, не имеют под собой серьезной почвы ссылки на предания, согласно которым кабардинцы оказались на Центральном и Восточном Кавказе лишь в результате их переселения в XV в. из Крыма и Причерноморья. Тщательное изучение этого цикла источников

свидетельствует лишь о том, что в конце XV в. небольшая группа кабардинцев под давлением крымских татар и турков покинула Крым и, поселившись сначала в Восточном Причерноморье, присоединилась затем к адыгам или черкесам Кабарды, которая к этому времени была уже крупнейшим этнополитическим образованием Северного Кавказа. Эти переселенцы были, главным образом, потомками кабаров (кабардинцев), поселившихся в Крыму в IX–X вв. после их ссоры с каганом и ухода из Центральной Хазарии.

Историки и фольклористы, опиравшиеся на предания о происхождении Кабарды и кабардинцев, интерпретировали эти предания крайне односторонне и примитивно, приписав народному сознанию то, что было ему совершенно чуждо. На самом деле, в представлениях кабардинцев о своем происхождении не было и тени сомнения в том, что происхождение своего народа можно каким-то образом отделить от Центрального Кавказа, от Эльбруса. Рассказывают, что однажды славившегося своими знаниями старика Дышекова Тахира из сел. Нартан, спросили, когда появились здесь кабардинцы, и он ответил: «Когда на Кавказе впервые проросла трава, вместе с ней появились (проросли) и кабардинцы» – *Къэфкъасием япэ удзыпэр къыщыхэкIым абы къыдэкIащ.*

Уместно вспомнить в данной связи, что в хронике «Жизнь картлийских царей» грузинского историка XI в. Леонтия Мровели по генеалогии народов, восходящей к библейской, касы (или касоги) представлены как кавкасионы. Кавкасионы ведут свое происхождение от одного из сыновей Таргамоса (потомка Иафета) по имени Кавкас, которому отец выделил земли от реки Ломека (Терека) до рубежей Кавказа на западе¹⁰¹. Речь идет, несомненно, о касах или касогах, касагах, занимавших эти территории. Показательно, что в арабской версии книги *Sefer Yosippon* (написанной сначала по-еврейски в Италии в 950 г.) среди сыновей Тогармы (потомка библейского прауродителя Иафета) назван *Kiabar* или Кабар. В данном случае имя Кабар является эквивалентом имени Кавказа, о котором идет речь у Леонтия Мровели как о сыне Таргамоса. Видимо, арабы уже тогда, в раннем Средневековье, воспринимали кабаров как главную, самую многочисленную и могущественную группу касских племен Кавказа¹⁰².

Касы, как мы убедились, разрослись и разделились затем на четыре племени. Отсюда, видимо название адыгов – джаркас (черкес), которое, по мнению В.Ф. Минорского, происходит от персидского «чахар-Кас» – «четыре клана Кас»¹⁰³. Это были, надо полагать, хорошо известные в то время касские племена. Возможно, названия этих племен имеются в списке Моисея Хоренского (вспомним хегайков, кутетов, хенутов, каспов в этом списке). Не исключено также, что речь идет о кабардинцах, темиргоевцах, хатукаевцах и хегаках позднего времени. Известно, что только эти народности считались изначально черкесскими, или «настоящими адыгскими»¹⁰⁴.

Другую – юго-западно-кавказскую ветвь адыгов составлял зихский (джихский) этнический массив, на основе которого сформировались впоследствии джигеты (джихи, садзы), убыхи, жанеевцы, бжедуги, махоши, шапсуги, натухайцы, абадзехи. В эпоху татаро-монгольского господства Зихия воспринималась как страна, разделенная на две области. Первая, северо-западная область включала в себя Черную Зихию, входящую в состав Золотой Орды, вторая, юго-восточная область называлась Белой Зихией, так как она не была завоевана татаро-монголами и в состав Золотой Орды не входила¹⁰⁵.

В отличие от этого страна (государство), которую Ибн-Саид и Абу-л-Фида называют *ал-Акасара/ал-Касак/ал-Джаркис*, располагалась на Северном Кавказе и была населена другой ветвью адыгского народа – касами (кашаками, черкесами). Страна ал-Акасара, как следует из сочинения Ибн-Саида, простиралась от Таманского полуострова (восточного побережья Черного и Азовского морей) на юго-восток как минимум до крепости ал-Алан в Дарьяльском ущелье¹⁰⁶. При этом

в Восточном Причерноморье, в пространстве между Таманью, Цемесской бухтой и Геленджиком располагалось касско-зихское пограничье. Здесь, по свидетельству Абульфеда (1321), упомянутому выше, начиналось государство *ал-Касак*, населенное народом, обитающим между *ал-Анджаз* и *ал-Лан*. Следует отметить в данной связи, что страна *ал-Анджаз* – это Жаннетия, населенная зихским племенем *жанэ* (санигами древних, античных писателей). Под названием *Sania* княжество Жаннетия отмечено впервые в 1311-ом и в 1318 г. на морском атласе Пьетро Висконте в районе Туапсе и Джубги. Сания (Жаннетия) расположена на этой карте между Черной Зихией (*Mauro Zega*), покоренной монголами, и Белой Зихией (*Alba Zega*), сохранившей независимость¹⁰⁷.

На картах последующего времени в том же районе наряду с названием *Sannia/Sanna* фигурирует название *Sanna Zichia* (Бенанказа, 1480)¹⁰⁸. Это свидетельствует лишний раз о том, что жанеевцы были изначально южнокавказским, зихским племенем, входившим в состав страны под названием Зихия¹⁰⁹. По сведениям Эвлия Челеби, в 60-х гг. XVII столетия Большая Жаннетия располагалась еще за Кавказским хребтом, то есть в Зихии. А Малая Жаннетия – на Северном Кавказе, в низовьях рек Абин, Хабль, Иль и Абурган¹¹⁰. При этом несмотря на то, что Жаннетия в Зихии все еще называется Большой, Малая Жаннетия, по словам Эвлия Челеби, «более заселена», чем Большая¹¹¹.

Все это нужно понимать таким образом, что *зихи* (*зеги, азги, азеги*), включая сюда и жанеевцев, изначально представляли южную, закавказскую ветвь адыгского народа. В период Золотой Орды Зихия воспринималась как страна, разделенная на две области. Первая, северо-западная область включала в себя Черную Зихию, входящую в состав Золотой Орды, вторая, юго-восточная область называлась Белой Зихией, так как она не была завоевана татаро-монголами и в состав Золотой Орды не входила.

После татаро-монгольского нашествия и погромов Тимура резко возрастает самосознание адыгских обществ, ускоряются объединительные процессы. Термин *адыгэ/адыхэ/азыхъуа*, который применялся зихами по отношению к своим северокавказским соплеменникам, постепенно, под влиянием их массового переселения на северный склон Кавказского хребта, становится общим самоназванием как для зихов, так и для касов. А термин «черкесы», который возник сначала как обозначение северокавказских адыгов – касов, касогов – распространяется и на зихов. Видимо, уже в этот период складывалось постепенно и представление о Черкесии, как о стране, объединяющей Зихию и Касу (Касогию), зихов и касов (касогов, черкесов). В качестве вполне завершившегося этот сложный процесс этнического развития предстает у Дж.Интерриано, сведения которого относятся к периоду конца XV в.: «Зихи – называемые так на языках: простонародном (*lingua franca*. – Б.Б.), греческом и латинском, татарами же и турками именуемые черкесы, сами себя называют – «адига»¹¹².

В XVI–XVII вв. использование терминов *зихи* и *Зихия*, а также хронологически и географически связанных с ними терминов *аланы* и *Алания*, *авазги* и *Авазгия*, становится анахронизмом, отживающей свой век западноевропейской традицией. Этой традиции следует еще А. Ламберти, который в опубликованном в 1654 г. труде о путешествии в Мингрелию пишет, что соседями Мингрелии являются Абхазия, Сванетия, а также Алания (*Alani*), Зихия (*Gichi*) и Черкесия (*Circassi*)¹¹³.

Рис. 4. Карта России 1583 г. Баррента Лангенеса

На западноевропейских картах XIV–XVII вв. Черкесия (Circassi) обозначается чаще всего как страна в треугольнике между низовьями Дона, Волги и северных склонов Кавказского хребта, отражая ситуацию, сложившуюся до прихода в предкавказские степи ногайцев и калмыков (рис. 4).

Вместе с тем появляются карты с выделением черкесов на Западе Северного Кавказа и пятигорских черкесов – на востоке (карты России 1556 и 1566 г. Герберта Герберштейна; карта России 1600 г. Иоганна Магины¹¹⁴). Как страну пятигорских черкесов представляли Черкесию и западноевропейские писатели. Показательна в этом отношении карта России Антония Дженкинсона 1562 г.¹¹⁵ По мнению Б.А. Рыбакова, она отражает состояние Московского княжества, а, следовательно, и Черкесии в конце XV в.¹¹⁶

Рис. 5. Расшифровка карты Московии Антонио Дженкинсона, сделанная Б. А. Рыбаковым по состоянию на 1497 г. (фрагмент).
Из кн. Рыбаков Б.А. «Русские карты Московии». М., 1974

Как видим, Черкесия ассоциируется здесь с пятигорскими черкесами и занимает основную часть Северного Кавказа, вклиниваясь между Крымским и Астраханским ханствами, простираясь на север вплоть до низовьев Дона и Кумо-Манычской впадины, на восток – до земель в устье Терека. Это говорит нам о том, что в русских источниках, а под их влиянием и в западноевропейских источниках XV–XVI вв. на смену термину касог приходит название «пятигорские черкесы», используясь иногда как общее обозначение жителей Кабарды, Темиргоя, Хатукая, Хегака.

Chirkassi petigorski – это, кроме того и обозначение страны. И это также заслуживает внимания. Видимо, Пятигорье (Бештау) стало политическим и географическим центром Черкесии. По словам Е. П. Алексеевой, «в районе Пятигорья, на месте нынешней станицы Бургустанской, был уже в XIV в. большой по тем временам черкесский город, который впоследствии стал известен как итальянская колония Борго-Санто»¹⁷.

Как сказано, с пятигорскими черкесами ассоциировались в это время все касские или касожские народности, но прежде всего жители Кабарды или кабардинцы. И отсюда термин «кабардинские черкесы» тоже весьма употребительный в русских документах XVI в. Тем самым кабардинцев выделяли из общей массы адыгских (черкесских) народностей. Кабарда становится в конце XV–начале XVI в. самым крупным на Кавказе феодальным объединением с четко выраженными элементами государственности, с территорией, которая превышала территорию всей остальной Черкесии. На западе ее границы проходили по р. Лабе, на востоке до Каспия при впадении в море р. Терека, на севере – по Кумо-Манычской впадине и еще дальше; на юге достигали в ряде мест вершин Кавказа.

Примечания

1. Бгажноков Б.Х. Касы и Страна касов на Северном Кавказе // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2014. Вып. 3.
2. Hrozný B. Ancient history of Western Asia, India, and Crete. New York, 1953. P. 2.
3. Алиев И. История Мидии. Баку, 1960. С. 81.
4. König Fr.W. Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dareios I. Leipzig, 1930. S. 62.
5. Марр Н.Я. Каппадокийцы и их двойники // Известия Российской Академии истории материальной культуры. Петербург, 1922. Т. II. С. 336.
6. Там же.
7. Мещанинов И. Каменные статуи рыб – вишапы на Кавказе и в Северной Монголии // Записки коллегии востоковедов. Л., 1925. Т. I. С. 26.
8. Ellias J. Memoir of a map of the countries comprehended between the Black Sea and the Caspian with an account of the Caucasian nations and vocabularies of their languages. London, 1788. P. 28–30; Брун Ф. Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России Одесса, 1879. Ч. I. С. 114; Мудрак О.А. Ранние хазары с точки зрения этимологии // Хазары: Миф и история. М.;Иерусалим, 2010. С. 382.
9. Иловайский Д.И. Болгаре и Русь на Азовском Поморье // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1975. № 1–2.
10. Брун Ф. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877). Ч. I. С. 118.
11. Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга II. Т. VIII. Прим. 224. М., 1989. С. 36.
12. Савельев Е. История казачества с древнейших времен до конца XVIII в. // <http://passion-don.org/histori-1/chapter-10.html>. С. 141.
13. Хоренский Моисей. Армянская география VII в. по р.х. СПб., 1877. С. 36.
14. Марр Н.Я. Каппадокийцы и их двойники. С. 330–336.

15. *Бгажноков Б.Х.* Между Западом и Востоком (Вопросы культурного взаимодействия адыгов с древними народами Передней Азии и Юго-Восточной Европы) // Традиции и инновации в истории и культуре. М., 2015.
16. *Габриэлян Р.А.* Армянские источники об аланах. М., 1985. С. 47.
17. *Голб Н., Прутцак О.* Хазарско-еврейские документы X в. М.-Иерусалим, 1997. С. 75–76.
18. *Яйленко В.П.* Введение в проблему происхождения названия Киев: иноязычные его передачи X–XII вв. и выявляемые или исходные основы топонима // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. М., 1993.
19. *Аль-Истахри И.* Книга путей и царств // Сборник материалов для описания местностей племен Кавказа. Тифлис, 1903. Тифлис, 1901. Вып. XXIX. С. 51.
20. *Голб Н., Прутцак О.* Хазарско-еврейские документы X в. С. 54.
21. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Книга II. Т. VIII. Прим. 224. М., 1989. С. 36.
22. *Gyorffy Gy.* Landnahme, Ansiedlung und Streifzüge der Ungarn // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae 1985. 31; *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // Материалы по истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1997. Вып. VI. С. 676–677.
23. *Фоменко И.К.* Образ мира на старинных портолатах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. М., 2011. С. 294, 299 и др.
24. *Брун В.П.* Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877). Ч. I. С. 118.
25. *Лавров Л.И.* Кавказская Тюмень // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 170–171; См. также: *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. С. 444–445.
26. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей XV в. Л., 1971. С. 153.
27. *Бубенок О.Б.* К вопросу о времени и причинах переселений черкесов в Крым // V Боспорские чтения. Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. «Этнические процессы». Керчь, 2004.
28. *Люлье Л.Е.* Черкесия: Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927. С. 12–13.
29. *Бубенок О.Б.* Данные топонимии о миграциях адыгов на украинские земли в развитие и позднее Средневековье // Древняя и средневековая культура адыгов: Материалы международной конференции. Нальчик, 2014.
30. *Горелик М.В.* Адыги в Южном Поднепровье (2-я половина XIII в. – I-я половина XIX в. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2004. Вып. 3. С. 293–300.
31. *Голб Н., Прутцак О.* Хазарско-еврейские документы X в. С. 79.
32. Худуд-ал-алем. Рукопись А. Туманского. Л., 1930. С. 31.
33. *Гадло А.В.* Тмутороканские этюды I (Страна адыгов во второй половине I тыс. н.э.) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 21, 25.
34. *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии. С. 672.
35. *Горелик М.В.* Парадные кабардинские клинки // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2001. Вып. II. С. 91.
36. *Дитлер П.А.* Могильники в районе поселка Колосовка на р. Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. 2.
37. *Савенко С.Н.* Этнокультурная принадлежность богатых погребений конца XI – первой половины XII в. могильника Кольцо-гора // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986.
38. *Виноградов В.Б., Мамаев Х.М.* Аланский могильник у селения Мартан-чу в Чечне // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С. 62–86.
39. *Кузнецов В.А.* Эльхотовские ворота в X–XV вв. Владикавказ, 2003.
40. *Фоменко В.А.* Могильник XIV–XV вв. у селения Заюково в среднем течении реки Баксан (по материалам Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК) // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2014. Вып. 5.
41. *Гадло А.Г.* Страна Ихран (Ирхан) Дагестанской хроники «Дербент-наме» // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984; *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.

42. Брун Ф. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877). Ч. I. С. 119.
43. Григорьев В.В. О двойственности верховной власти у хазаров // Россия и Азия. СПб., 1876. С. 74.
44. *Bodenstedt Fr.* Volker des Kaukasus. Frankfurt-am-Main, 1848. S. 238. *Иловайский Д.И.* Болгаре и Русь на Азовском Поморье. С. 56, 70, 75, 80; *Dunlop D.M.* The history of the jewish khazars. Princeton, 1954. P. 242–243.
45. *Аль-Истахри И.* Книга путей и царств // Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане. С. 49.
46. *Ибн Хаукаль.* Книга путей и царств // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908. С. 113.
47. *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С.56.
48. Примерный список этих племен см. в книге: *Аталиков В.М.* Наша старина. Нальчик, 1996. С. 105.
49. *Люлье Л.И.* Черкесия (историко-этнографические статьи). Краснодар, 1927. С. 12.
50. *Гадло А.В.* Тмутороканские этюды. II (Держава Инала и его потомков) // Ч. 1; Вестн. Ленингр. ун-та. 1989. Сер. 2. Вып. 1.
51. *Латинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 70.
52. *Березин И.* Нашествие Батыя на Россию // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1855. Май. С. 100–101.
53. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 98.
54. *Эрдели И.* Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // Советская археология. 1983. № 4. С. 176–177.
55. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 90–91.
56. *Голб Н., Притцак О.* Хазарско-еврейские документы X в. С. 43.
57. *Бейдер А.* Язык, имена и фамилии евреев Восточной Европы: существует ли хазарский след? //Хазары: Миф и история. М.-Иерусалим, 2010. С. 372.
58. *Аль-Истахри И.* Указ. соч. С. 41.
59. *Ибн Рустэ.* Книга драгоценных камней // Сборник материалов для описания местностей племен Кавказа. Тифлис, 1903. Вып. XXXII. С. 45.
60. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа V–X вв. Л., 1979. С. 177.
61. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 88; *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 137.
62. *Константин Багрянородный.* Об управлении государством. М., 1989. С. 159–163.
63. *Каменев Н.* Урочище Адыхеко // Кубанские войсковые ведомости. 1866. № 43–44. С. 170–171. Каменев пишет, что лес покрывающий курган Гену и его окрестности, считался священным и неприкосновенным. Человеку, срубившему ветвь с одного из деревьев этого леса, грозила неминуемая смерть. Срубленное дерево влекло за собой уничтожение всей фамилии человека, посмеявшего это сделать, а истребление всей рощи – гибель народа.
64. *Голб Н., Притцак О.* Хазарско-еврейские документы X в. С. 36
65. *Гадло А.В.* Известия о хазарах и Хазарии в позднесредневековой дагестанской хронике «Дербенд-наме» // История и культура древних и средневековых обществ. СПб., 1998. С. 196.
66. *Иванов В.В.* Индоевропейские корни в хеттском языке. М., 2002. С. 281.
67. *Голб Н., Притцак О.* Хазарско-еврейские документы X в. С. 56–57.
68. *Коков Дж.Н., Кокова Л.Дж.* Кабардино-черкесские фамилии. Нальчик, 1993. С. 84.
69. *Константин Багрянородный.* Об управлении государством. С. 159–163, 175.
70. *Карпини П.* История монголов // Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Гильома де Рубрука. М., 1957. С. 57.
71. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. С. 28.
72. *Коновалова И.Г.* Указ. соч. С. 46.
73. *Клапрот Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 112.
74. *Бгажноков Б.Х.* Касы и Страна касов на Северном Кавказе. С. 12.
75. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. С. 55.

76. *Март Н.Я.* Племенной состав населения Кавказа. Пгд., 1920. С. 16.
77. Там же. С. 16–17.
78. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. С. 119.
79. Там же. С. 84.
80. В настоящее время термин *ассон/ашион* используется у осетин для обозначения балкарцев.
81. *Капанцян Гр.* Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947. С. 133–135.
82. *Hrozny V.* Ancient history of Western Asia, India, and Crete. P. 2.
83. *Абаев С.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. С. 588–589;
- Цулая Г.В.* Комментарий к изданию: Мровели Л. Жизнь картлийских царей. М., 1979. С. 66.
84. *Бгажноков Б.Х.* Историческая этнография и география Черкесии // Вестник КБИГИ. Вып. 12. Нальчик, 2005.
85. *Lamberti A.* Relazione della Colchide hoggi detta Mengrellia. Naples, 1654. P. 2.
86. Осетинская этнографическая энциклопедия / Гл. ред. Л.А. Чибилов. Владикавказ, 2013. С. 287.
87. *Марковин В.И.* В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965. С. 91.
88. *Бгажноков Б.Х.* Этноним *кас* в топонимике Евразии // Вестник КБИГИ. Вып. 21. Нальчик, 2005. С. 11–12.
89. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). Симферополь, 2008. С. 201.
90. *Табидзе М.Ш.* Лексические варианты этнонима «черкес» в грузинском языке // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: Материалы VI международной научной конференции. Майкоп, 2008. С. 269.
91. *Bratiani (G.I.)*. Actes des notaries genois de Perre et Caffa de la fin du treizieme siècle (1281–1290). Bucarest, 1927.
92. Переводы актов купли-продажи см. в статье: *Аталиков В.М.* К истории рабства на Северном Кавказе // Вопросы историографии и источниковедения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987. С. 182–183.
93. *Буниятов З.М.* К вопросу о происхождении египетского мамлюкского султана Баркука // Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. Т. XLI. № 12. Баку, 1985. С. 79.
94. В разное время по разному такую и прямо противоположную ей точку зрения высказывали Л.И. Лавров, Е.Д. Крупнов, Е.П. Алексеева, Б.М. Кереев, А.Х. Нагоев, Р.Ж. Бетров.
95. *Милорадович О.В.* Кабардинские курганы XIV–XV вв. // Советская археология. М., 1954. Т. 20.
96. *Крупнов Е.И.* Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность // СА. 1964. № 1. С. 39.
97. *Крупнов Е.И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 67, 99.
98. *Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа: краниологическое исследование. М., 1974. С. 196.
99. *Деген Б.Е.* Курганы в кабардинском парке г. Нальчика // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии: Материалы и исследования по археологии СССР. М.;Л., 1941. № 3. С. 213–316.
100. *Резепкин А.Д.* Поселение Долинское – памятник эпохи ранней бронзы в Центральном Предкавказье // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб., 2014.
101. *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Перев. с древнегрузинского, предисл. и комм. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 21–22.
102. *Голб Н., Притцак О.* Хазарско-еврейские документы X в. С. 54.
103. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 206.
104. *Льюе Л.И.* Черкесия (историко-этнографические статьи). С. 10.
105. *Бгажноков Б.Х.* Историческая этнография и география Черкесии // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2005. № 12. С. 31–32.
106. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. С. 174.

107. *Фоменко И.К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. С. 289.
108. Там же. С. 300.
109. Однако, расширив границы своей территории до Цемеза, одна из жанеевских групп перевалила через хребет и заняла земли по р. Адагум. Здесь уже в середине XVI в. она стала одной из самых сильных адыгских княжеств, соперничавших с Кабардой. См. об этом: *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические статьи. Киев, 1991. С. 13–14.
110. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 63–64.
111. Там же. С. 63.
112. *Интеруано Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 46.
113. *Lamberti A.* Relatione della Colchide hoggi detta Mengrellia. Naples, 1654. P. 2.
114. *Кордт В.* Материалы по истории русской картографии. Киев, 1899. Вып. I. Карты № XII, XVI, XXVII.
115. *Baron S.H.* Exploration in Muscovite History. L., 1996.
116. *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии. М., 1974.
117. *Алексеева Е.П.* Очерки по истории черкесов XIV–XV вв. // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Черкесск, 1959. Вып. 3. С. 49.

В.Н. Bgazhnikov

**KABARDA AND KABARDIANS IN EARLY HISTORY
OF THE NORTHERN CAUCASUS**

The article is devoted to the questions of the origin and early history of kabardians and their relations to ancient people of Southwest Asia as cusps, cases, cabares, hazars in Caucasus. It presents the question about the role of kabardians and Kabarda in evolutional development.

Keywords: kabardians, kasks, kassits, cusps, kasogs, Hazaria, Alania, Kabarda,

С.Х. Хотко

ЭТНОНИМИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В XIII–XV вв.

На протяжении XIII–XV вв. в этнонимической и этногеографической номенклатуре Северо-Западного Кавказа утверждается этноним «черкес» и, соответственно, название территории – Черкесия. Данный термин является синонимом старого, употреблявшегося с античной эпохи термина зихи (название территории – Зихия). В статье исследуется вопрос о причинах внедрения нового термина и обстоятельствах, способствовавших его утверждению в исторической литературе как основного названия адыгского этноса.

Ключевые слова: Зихи, Зихия, черкесы, Черкесия, сэркэсут, джаркас, билад ал-Джаркас, даулат ал-джаракиса, тзаркаси, «черкесская земля», «государство черкесов», «страна черкесов», «владение черкесов», «черкесский вилайет», «племя черкесов», «черкесские имения», «мамлюкские-черкесские баны», «беи черкесского вилайета», гетики.

Вне зависимости от проблемы этимологии этнонима *черкес* и вполне вероятного немонгольского происхождения термина, надо считаться с тем обстоятельством, что Юань-чао би-ши («Сокровенное сказание монголов»), составленное в 1240 г. на монгольском языке в китайской иероглифической транскрипции, при описании завоеваний на западе использует этноним сэркэсут (сэргэсут): *särkäsüt* (262), *särgäsüt* (270)¹.

Первое упоминание (пар. 262) представляет собой изложение плана покорения 11 стран и народов на западе и относится к периоду до смерти Чигисхана в 1227 г., что может, до некоторой степени, свидетельствовать в пользу той точки зрения, что этноним *сэркэс* (мн.ч. *сэркэсут*) использовался в монгольской географической номенклатуре терминов до того, как этот термин появился в европейской или арабской литературе. Второе упоминание касалось итогов завоеваний хана Бату в 1237–1240 гг. Таким образом, неизвестный монгольский летописец фиксировал только что свершившиеся деяния своих владык. Сведения арабо-персидских авторов подтверждают как сами события, так и высокую вероятность существования этнонима «черкес» в 1237 г., во время начала большой кампании Бату.

Рашид ад-Дин, трудившийся существенно позднее – на рубеже XIII и XIV вв., – насколько мы можем судить, не имел представления о таком источнике, как Юань-чао би-ши, но как о совершенно определенном факте пишет о поражении и гибели царя черкесов Тукара в войне с войском Бату зимой 1237–1238 гг. Согласно Рашид ад-Дину, «в нокай-иле, то есть в год собаки, соответствующий 635 г. (=24/VIII/1237 – 13/VIII/1238), осенью, Менгу-Каан и Кадан пошли походом на черкесов и зимою убили государя тамошнего по имени Тукара»².

Черкесы упоминаются в числе покоренных Бату народов персидским хронистом Джузджани в 1259–1260 гг.: «Под его власть подпали все земли племен Туркестана (начиная) от Хорезма, булгар, бургасов и саклабов до пределов Рума; он покорил в этих краях все племена кипчак, канглы, йемек, ильбари (?), рус, черкес и ас до моря Мраков, и они все подчинились ему»³. Упоминание черкесов у Абу Омара аль-Джузджани (ок. 1193 – после 1263), современника монгольских завоеваний, – одно из наиболее ранних.

Возвращаясь к форме *särkäsüt*, положимся на мнение Поля Пеллио, который объяснял перемену *č-* в *s-* тюрко-монгольским влиянием. На китайской карте мусульманского происхождения, составленной около 1330 г., Черкесия отмечена как *Sa-êrh-k'o-ssü*⁴.

撒耳柯思

В 1237 г., накануне монгольского вторжения, в Матрегу прибыли венгерские послы, направлявшиеся на восток в поисках венгерской прародины. Монах Юлиан, участник посольства, больше походившего на ученую экспедицию, сообщает, что после более чем месяца плавания из Константинополя венгры «прибыли в страну, которая называется Сихия, в город, называемый Матрика, где государь и народ христиане» («*venerunt in terram que vocatur Sychia, in civitatem que Matriza nuncupatur, quorum dux et populi se christianos*»)⁵. Вполне вероятно, что «государь» Зихии, так хорошо принявший венгров в Матреге, и есть тот самый «черкесский государь Тукар», о котором сообщает Рашид ад-Дин.

В оригинальном латинском тексте папского посла к монголам (1245–1247) Иоанна де Плано Карпини содержится форма *Yrchasi* (Йркас)⁶. В последующей, также латинской, редакции эта форма превратилась в более привычное имя *Circassos*. Надо иметь в виду, что это исправление было сделано ученым современником Карпини Винсентом из Бове (*Vincent de Beauvais*, 1190–1264)⁷. Вполне вероятно, что перед нами первая фиксация этнонима «черкес» в форме, которая была полностью доминирующей в западной литературе в последующие века.

Поскольку Карпини, как и другие западные путешественники этого времени, только начинал понимать этнографическую и политическую карту земель к востоку от Европы, то у него Черкесия и Зихия фигурируют как две разных страны. Говоря о землях, покоренных монголами, он сначала перечисляет тех, о ком ему рассказали на востоке и называет черкесов, затем он дает взгляд из, условно, Константинополя, может быть, из разговоров итальянских купцов еще латинской столицы или греков, и считает себя обязанным упомянуть зихов или страну Зихию. Вот это место, представляющее собой соединение двух точек зрения: «*A meridie habet Alanos, Circassos, Gazaros, Graeciam & Constantinopolin, ac terram Iberorum, Cathos, Brutachios, qui dicuntur esse Iudaei, caput radentes per totum, terram quoq; Cithorum atque Georgianorum & Armeniorum & Turcorum*»⁸. «С юга же к Комании прилегают аланы, чиркассы, хазары, Греция и Константинополь, также земля иберов, кахи, брутахии, которые слынут иудеями – они бреют голову, – а также земля цикков, георгианов и арменов и земля турок»⁹. Как видим, Грузия также упомянута дважды – сперва земля иберов, потом современное – земля георгианов.

У Рубрука, через восемь лет после Карпини отправившегося в монгольскую столицу, также две страны. В 1-й главе, которая описывает поездку из Константинополя в Солдаию (Сугдею, Судак), Рубрук отмечает, что у устья моря Танаидского (Азовского) лежит город Матрика, а «выше этого устья находится Зикия, которая не повинуется татарам, а к востоку – свевы и иверы, которые [также] не повинуются татарам». В 16-й главе, «О стране Сартахы и о ее народах», то есть о западной части империи, улусе Джучи, путешественник отмечает, что при движении от Дона к Волге «к югу у нас были величайшие горы, на которых живут по бокам, в направлении к пустыне, черкисы (*Cherkis*) и аланы, или аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против татар». За ними, вблизи моря или озера Этилии (Каспийское море. – С.Х.), находятся некие сарацины (т.е.

мусульмане. – С.Х.), именуемые лесгами, которые равным образом не подчинены [татарам]»¹⁰. В оригинале: «Vltra illud orificium est Zikia, quae non obedit Tartaris: Et Sueui & Hiberi ad Orientem, qui non obediunt Tartaris»¹¹.

Сic у Марко Поло (глава ССХХ, при перечислении народов, покоренных монголами на западе) П. Пеллио весьма обоснованно сопоставляет с terram Siccorum у Платона Карпини, Ziquia у Рубрука, Giquis у Мартина да Канала, рядом других упоминаний XIII в.¹².

Генуэзцы в официальных документах достаточно быстро стали использовать термин «черкес» как аналог термина «зих». Так, нотариус Ламберто ди Самбучето в 1289 г. заверил сделку по продаже черкешенки Сикины (Sikina). То есть, рабыня-зихийка при продаже получила имя, указывающее на ее происхождение, и при этом определена по национальности как черкешенка¹³.

В генуэзских источниках первоначально закрепляется форма *джаркас* и только потом появляется более адаптированная под итальянское произношение форма *чиркас*. Зихские пираты, действующие у побережья Зихии, определяются в контракте капитана Вивальдо Лаваджио (апрель 1290 г.) как джаркасы (jarchaxi)¹⁴. Рабыня Джаркасия (Jarchasia) или раб Джаркасиус (Jarcasius) – такие имена используются при заключении сделок, помимо того, что указывается их черкесское (джаркаское) происхождение¹⁵.

Мишель Балар подчеркивает, что этнонимы *черкесы* (Circassiens) и *зихи* (Zygues) являются синонимами, а личные имена Джаркасиус (Jharcasius, жен. Jarchasia, Serchasia, Charcasia и т.п.) и Zichi (жен. Zicha, при всей вариативности) являются синонимами и указывают на черкесское происхождение¹⁶.

Известный исследователь и комментатор дальневосточных источников Поль Пеллио отмечает зихское (черкесское) происхождение слуги по имени Ziquo, находившегося на службе у францисканского миссионера в Средней Азии Паскаля де Витториа (Pascal de Vittoria), упомянутого в письме последнего в 1338 г.¹⁷. Франческо Бальдуччи Пеголотти, флорентийский купец и государственный деятель, автор трактата «Руководство по торговле» (1335–1343), считал гавани вдоль восточного берега Азовского моря портами Зихии (Zecchia)¹⁸. У венецианского картографа Джованни Леардо в 1452–1453 гг. отмечена Zichia, что Дж.К. Райт определяет просто как «местное название Черкесии»¹⁹.

Архиепископ Султании Иоанн III Галонифонтибус, автор трактата «Книга познания мира» (1404) отмечал синонимичность этих двух названий: «У подножья гор и у Большого моря расположена страна, которая называется Зикия или Таркасия (Ziquia sive Tharquesia)²⁰. В Tharquesia начальное *Th* позволяет прочтение Саркасия. Ясно, что «tarcasi» может прямо восходить к арабской форме *ġārkās* (джаркас), поскольку Галонифонтибус длительное время пребывал на востоке и, можно полагать, имел представление об этногеографической номенклатуре арабо-персидских источников и канцелярий. При этом город и порт Тана находятся в сарите Sicie, то есть в «верхней Зихии»²¹.

Галонифонтибус вводит для черкесов разделение на две больших территориальных группы населения, маркируемых как черные и белые: «В этой стране живет два вида [таркасов], таркасы черные и белые (Tarcasi nigri et albi); «черные» не относится к [цвету] кожи. Те, кто населяет горы, называются черными, а те, кто живет в долинах и на побережье, именуется белыми таркасами (Tarcasi albi)»²². Это подразделение на черных и белых черкесов явным образом заимствовано из итальянской картографической традиции, вполне сложившейся при описании Северо-Западного Кавказа на протяжении XIV в., согласно которой внутри зихского объединения существовали Белая и Черная Зихии (Alba Zichia, Mauro Zichia).

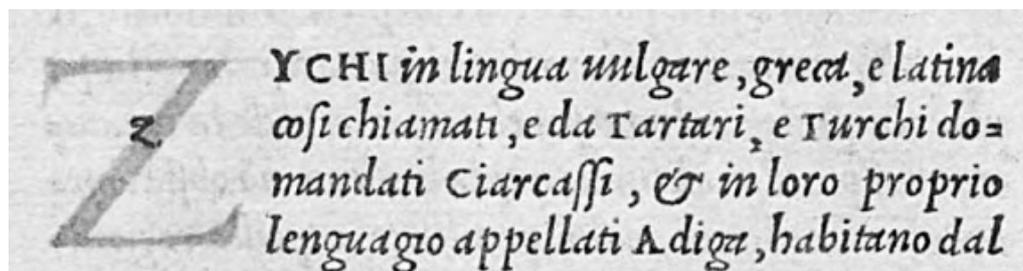
О черкесско-зихском происхождении мамлюкского султана Баркука (1382–1399) писал лично знавший его итальянский дипломат Бертрандо де Миньянелли:

«В то время, когда он был мальчиком в его родной стране, что близ Руси, в области Зиха (Zicha) или Чиркассия (Circassia), она имеет оба названия»²³.

Черкесия известна в мамлюкских источниках как «страна Джаркас» – билад ал-Джаркас (دالاب سكر اچال)²⁴. Греческая транслитерация XV в. Τζάρκασοι, Τζαρκάσων или Τζαρκάσος (Лаоник Халкокондил) явно восходит к арабской форме²⁵.

Ибн Тагри Бирди наряду с тем, что указывает черкесское происхождение Баркука, отмечает, что он был выходцем из черкесского племени Каса (Kasa)²⁶. Это очень интересно в плане возможной связи арабской формы *джаркас* с арабской же раннесредневековой формой *кашак* (кашк, касак и т.п.), которая особенно хорошо известна благодаря энциклопедии ал-Масуди (сер X в.): «За царством аланов находится народ, называемый кашак и живущий между горой Кабх и Румским морем»²⁷. Глубокая укорененность элемента *кас* в этнонимической традиции Кавказа показана в статье Б.Х. Бгажнокова²⁸. Вполне вероятно, что этноним *чаркас* действительно развился на основе более древнего этнонима *кас*.

Через сто лет после Галонифонтибуса, синонимичность этнонимов *черкесы* и *зихи* подтверждена весьма сведущим наблюдателем, генуэзским сановником, путешественником и интеллектуалом Джорджи Интериано, который дал предельно ясное описание связи этих двух этнонимов с самоназванием адыгов: «Зихи – называемые так на языках: простонародном (volgare, т.е. народная латынь. – С.Х.), греческом и латинском, татарами же и турками именуемые черкесы, сами себя называют – адига»²⁹. «Zychi, in lingua uulgare, greca, e latina così chiamati e da' Tartari, e Turchi domandati Ciarcassi, et in loro proprio linguaggio appellati Adiga»³⁰.

Османский историк Ашик Пашазаде (1393? – 1484?) использует определение «черкесское племя» (Çerkez ta'ifesi) для правящей аристократии мамлюкского Египта³¹.

В османских источниках начиная с 70-х гг. XV в. мы видим целый набор определений, связанных с Черкесией. У Кемалпашазаде в 1475 г. фигурирует определение *Çerkes-Diyârî* «Черкесская земля». В 1539 г.: *Çerkes-Vilâyeti* «черкесский вилайет», *Tâife-i Çerâkise* «черкесское племя». В 1560 г.: *Çerâkise-Yaluları* «черкесские имения». В 1567 г.: *Memâlik-i Çerâkise Banları* «Мамлюкские-черкесские баны», *Memleket-i Çerkes* «государство черкесов», *Çerkes-Bilâdi* «страна черкесов», *Çerkes-Eli* «владение черкесов»³².

Таким образом, этноним *черкес* для определения зихов (адыгов) впервые появился и получил распространение в среде восточных народов. Его быстрое утверждение было обеспечено обширными границами монгольской империи, тем влиянием, которое исходило из ее канцелярий, и историко-географическими сочинениями арабо-мусульманских авторов Золотой Орды и государства Ильханов.

В источниках, связанных с италийским присутствием в Черкесии, упоминается территориальное объединение гетиков. Так, в 1472 г. Заккария де Гизольфи писал консулу Каффы, что задерживать должников «он никоим образом не может из-за

близости князей и народа гетиков (geticorum)»; «quod fieri nullo modo potest propter vicinitatem dominorum et populorum geticorum»³³.

Под гетиками, очевидно, имеются в виду зихи (черкесы). Но почему они названы гетиками? Разгадка проста. В адыгской этнонимике есть такое название, как *хытук* «островитяне», которым определялось адыгское же население Таманского полуострова³⁴. Хы «море», хытыку «коса», тыку «кут»³⁵. Тыку наблюдается в составе ряда топонимов – Псейтук, Хаштук и пр.

В 1446 г. власти Каффы обратились к зихскому (черкесскому) князю Уздемороку (Usdemoroch dominus Gethiticorum), как к посреднику в их территориальном споре с крымским ханом³⁶. Соответственно, Уздеморок был князем Хытука или «Острова». Основную часть хытукцев составляли хегайки (хеххадчь у Хан-Гирея, шегайки у Челеби). В XVI–XVIII вв. территория расселения хегайков включала район Анапы и Таманский полуостров. Калькой адыгского хытук являлось турецко-татарское адале «островитяне», при ада «остров»³⁷.

Этнонимия Черкесии в XIII–XV вв. приобретает характер устоявшейся системы с четким обозначением этноса, занимаемой им территории, а также отдельных феодальных владений³⁸.

Примечания

1. *Pelliot P.* Histoire secrète des Mongols. Restitution du texte mongol et traduction des chapitres I à VI. Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, Paris, 1949. P. 108, 111.

2. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.;Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. С. 37. Далее – СМОИЗО.

3. СМОИЗО. Т. II. С. 15.

4. *Pelliot P.* Notes on Marco Polo. Ouvrage posthume publié sous les auspices de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres et avec le concours du Centre national de la Recherche scientifique. Paris: Imprimerie Nationale, Librairie Adrien-Maisonneuve, 1959. P. 608.

5. De facto Hungariae magna a fratre Riccardo (Iuliano) invento tempore Gregorii papae noni // Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia maximam partem nondum edita ex tabulariis Vaticanis deprompta collecta ac serie chronologica disposita ab Augustino Theiner. Vol. I. Romae: Typis Vaticanis, 1859. P. 152.

6. The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis, as printed for the first time by Hakluyt in 1598, together with some shorter pieces; edited by C. Raymond Beazley. L.: Printed for the Hakluyt Society, 1903. P. 68.

7. Ibid. P. 97.

8. Ibid. P. 97.

9. *Плано Карпини Дж. дель.* История монгалов / Дж. дель Плано Карпини. 3-е изд. Путешествие в восточные страны / Г. де Рубрук. 3-е изд. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. С. 74.

10. Там же. С. 89, 109.

11. Itinerarium fratris Willielmi de Rubruquis de ordine fratrum Minorum, Galli, Anno gratie 1253. ad partes Orientales // The texts and versions... P. 145.

12. *Pelliot P.* Notes on Marco Polo. P. 606–607.

13. *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer. T.1: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290. T. XII de la collection "Documents et recherches sur l'économie des pays byzantins, islamiques et slaves et leurs relations commerciales au Moyen Âge", sous la dir. de P. Lemerle, Paris: La Haye, éd. Mouton, 1973. P. 93.

14. *Bratiani G.I.* Actes des Notaires Génois de Péra et de Caffa de la Fin du Treizieme Siècle (1281–1290). Bucarest: Cultura Nationala, 1927. P. 271–272.

15. *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer. T.1. P. 81, 86, 88, 90, 103.

16. *Balard M.* La Romanie génoise (XIIe-début du XVe s.), Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome, fasc. 235, 2 vol., Gênes-Rome, 1978. Vol. 1. 494 p. Монография издана в серии ASLSP: Atti della Società Ligure di Storia Patria. Nuova Serie. Vol. XVIII (XCII). Fasc. I. Maître de conférences à l'Université de Reims. P. 291, 300, 303.

37. *Ферран*. Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар, в 1709 г. // АБКНКА. С. 110–111.

38. *Хотко С.Х.* Черкесия и княжество Крemuk на «Карте мира» (Mappamondo) Фра Мауро, 1459 г. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп: изд-во АГУ, 2014. Вып. 3 (144). С. 96–101.

S.Kh. Khotko

ETHNONYMS OF THE NORTHWEST CAUCASUS IN XIII–XV CENTURIES: INTERCONNECTION OF LEADING TERMS

An ethnonim Circassian and, accordingly, the name of the territory – Circassia, were approved in the ethnonymic and geographical nomenclature of the Northwest Caucasus. This term is synonymous with old term *Zikhs* (name of the territory – *Zikhia*). The article examines the question of the causes of the introduction of a new term, and the circumstances that contributed to its statement in historical literature as the main name for Adyghe ethnic group.

Keywords: *Zikhi, Zikhia, Circassians, Circassia, Ciarcassi, Tharquesia, sarkäsüt, ğärkäs, Τζάρκασοι, Çerkes-Diyârı, Memleket-i Çerkes, Çerkes-Bilâdı, Çerkes-Eli, Çerkes-Vilâyeti, Tâife-i Çerâkise, Çerâkise-Yahıları, Memâlik-i Çerâkise Banları, Çerkes Vilâyeti Beğleri, geticorum.*

М. Ч. Кучмезова

НОРМЫ СОЦИАЛЬНЫХ КОНТАКТОВ РОДСТВЕННИКОВ ПО БРАКУ У БАЛКАРЦЕВ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье показаны обряды и этикетные нормы, регулирующие взаимодействие и взаимоотношения родственников по браку, их динамика и трансформации; формы брака и их мотивация; национальные символы и ценности социума в исторической перспективе и поликультурном пространстве Кавказского региона и России.

Ключевые слова: экзогамия, родственная солидарность, мононациональная и национально-смешанная семья, этнокультурная граница, социальное равновесие, толерантность, престиж.

Родство по браку «есть отношение, существующее между одним из супругов и родственниками другого, а также между родственниками обеих супругов»¹. Отношения между родственниками по браку санкционируются обществом. Социальными регуляторами являются моральные нормы, обычаи, традиции, корпоративные установки.

Отношения свойства у балкарцев – это отношения представителей разных экзогамных групп. В прошлом экзогамные запреты у балкарцев были весьма строгими и охватывали в целом кровных родственников, но существовали брачные запреты и в кругу людей искусственного родства. В наше время бывают случаи женитьбы молодых людей из родственных фамилий в третьем-четвёртом поколении. Это не приветствуется общественным мнением, но не бывает строгого наказания, как в прошлом. Раньше брачную пару, нарушившую экзогамный запрет, могли выдворить за пределы их оседлости. Совершеннолетние парень и девушка должны были знать своё родословие минимум до седьмого колена.

Запрет кровосмешения между близкими родственниками и иные интересы вынуждали искать брачного партнёра из другого рода и общины. Были распространены браки между представителями социальных верхов внутри этноса и за его пределами. В традиционном обществе браки облекались в своеобразные ритуальные формы, многие из которых уходили корнями в древность.

Свадьбе у балкарцев предшествовали ритуалы, связанные с выбором девушки (невесты), её сватовством. Местом встречи и знакомства молодых людей в традиционном обществе являлись *свадьбы, вечеринки, календарные праздники, посиделки, гадания, изеу (взаимопомощь)*. Любое коллективное общение молодёжи происходило с разрешения старших членов семьи, с соблюдением правил этикета и предписаний морально-нравственного кодекса балкарцев «Тау адет».

Согласие на брак девушки и парня родственников с обеих сторон было неизменным условием ритуального оформления любого брачного контракта и союза. Сейчас молодые люди знакомятся при совместной учёбе в вузах, училищах, спортивных форумах и т. д. Их решение связать свои судьбы в браке встречается родственниками без особых возражений при положительной личностной характеристике как самих молодых людей, так и их семей. Материальный достаток и хорошая репутация семей одной и второй стороны были и остаются условием успеха, задуманного свадебного мероприятия. Важную роль играет соблюдение принятых норм и ценностей в гомогенной этнической среде, а

также экономические, социальные, культурные, религиозные и другие условия, существующие в обществе.

Вся свадебная обрядность, начиная со сватовства (*келечилик жюрютген*) и завершая взаимными визитами родственников жениха и невесты (*жуукъ жокълагъан, жуукъ чакъырыу*), – это комплекс всевозможных обрядов, закрепляющих родство по браку и дальнейшее взаимодействие их в различных жизненных ситуациях: к примеру, похороны, посещение больного, проводы в армию, торжества по любому поводу в обоих домах и т. д. Каждое из этих терминов маркирует конкретное обрядовое действие, так или иначе вовлекая как одну, так и вторую сторону брачного союза.

Вопросы *калыма* (в наше время практикуется завуалированно) и мусульманского бракосочетания (*неках*) решались адатами, шариатом. Остальные проблемы между свойственниками регулировались этикетными установлениями. В них, так или иначе, просматриваются предупредительно-уважительно-почтительные поступки и нормы поведения контактирующих персонажей и групп.

При выборе брачных партнёров учитывается приверженность мусульманской религии, соблюдение привычных обычаев, традиций, родной язык. Количество лиц, включённых в отношения родства по браку, зависит от различных обстоятельств: фактическое число кровных родственников, близость проживания, культурные традиции. При этом культуру следует рассматривать и как открытую художественно-эстетическую систему.

Общим термином для обозначения родства по браку или свойства у балкарцев является *жуукъ юлюш* (*жуукъ – родственник, юлюш – доля, часть целого*). Иногда родственников по браку называют *жангъы жуукъ* (*новое родство*). Родственников со стороны зятя именуют *эр жуукъ*, со стороны снохи – *келин жуукъ*. Молодожёны по отношению к группе родственников по браку именовались *келин* (сноха) и *киеу* (зять). Естественно, такая система терминов возрождается с каждой новой свадьбой представителей следующих поколений и употребляется в этнической среде.

Главным функциональным ритуалом, предшествующим свадьбе, являлось сватовство. Оно представляло собой переговоры семей, которые были заинтересованы в заключение брака с обязательным соблюдением определённых примет, ритуалов. Казалось, что в большинстве случаев сваты склонны принимать, прежде всего, условия стороны невесты, как того требовал этикет. Вообще в отношениях родственников по браку к инициативе и приоритетам, предъявленным стороной невесты, родня жениха относилась традиционно – с готовностью их исполнить. Это подчёркивало престиж избранницы и её семьи. Во время сватовства родственники молодых стремились обсуждать серьёзно все условия свадебного контракта, поскольку они сохраняли серьёзный вес и в дальнейшем. Достаточно вспомнить династические браки, которые сродни дипломатическим отношениям двух субъектов, ориентированных на плодотворные и толерантные отношения.

По своей сути сватовство – это получение согласия на брак у родителей и близких родственников невесты. Сваты, выражая интересы обеих сторон, достигали в прошлом договорённости о размере *калыма* и условий его получения. Сегодня процедура сватовства приобретает несколько упрощённый характер. Но содержание – поднять авторитет невесты, выказать почтение её родственникам, а также признание согласия на желанный брачный союз обеих сторон – остаётся. Сватовство сегодня следует за тем, когда есть предварительное согласие самих молодых, не всегда совпадающее с желанием родителей. В прошлом все было наоборот.

Сегодня многие обряды приобретают номинальное значение. Например, в городе сваты обсуждают время, формы торжественного банкета в кафе или ресторане с обоюдного согласия как семьи жениха, так и семьи невесты.

Обговариваются расходы с обеих сторон. Таким образом, модифицируются функции и опыт предшествующих поколений в оформлении многих обрядов.

В структуру свадьбы помимо сватовства входит привоз невесты в дом жениха, ввод молодой в «большой дом», т.е. приобщение к очагу новой семьи, визит жениха в дом родителей невесты, поочерёдные визиты родителей жениха и невесты, обряды приёма их в обоих домах. Здесь также нарушается сценарий традиционной свадьбы. Следовательно, выпадают отдельные обряды и обычаи. В прошлом после совершения мусульманского брака «неках», что происходило в результате удачной миссии сватов, считался заключённым свадебный контракт. После этого следовал ряд обрядов. Например, сторона жениха в знак породнения двух семей делала жертвоприношение (*курманлыкъ*): резали барана, разделяли тушу по суставам. Части, считавшиеся почётными по этикету, с ритуальными блюдами и сладостями складывались в корзину (*четен*) и посылались в дом невесты. Обряд назывался «*къач табакъ*» (*къач-крест, дух, табакъ-поднос*) и имел магический смысл. Естественно, брачными партнёрами выступали представители неродственных фамильных кланов. Браки между чужаками через потомков породнившихся сторон превращали контакты и связи в системные союзнические отношения. Помощь и участие в делах выполнялись с соблюдением принятых в обществе условностей и правил этикета, необходимых для поддержания престижа и статуса каждой породнившейся фамилии.

Подготовка и проведение собственно свадьбы приобретали общинный масштаб и характер. Особую активность, участие и материальную помощь оказывали кровные родственники каждой стороны. Многолюдность и зрелищность сохраняется и в современной свадьбе.

Одним из основных моментов свадьбы считается комплектование свиты жениха (*киеу жёнгер*), которая отправляется за невестой. Раньше свита жениха состояла из всадников в национальной одежде. Сейчас – кортеж из легковых машин. Красочным оформлением остаются знамя семьи – «юй байракъ» (*символ брачного союза*) и реже – конус на древке типа женской шапочки, обшитый тканью и нанизанный грецкими орехами – «къоз бёрк» (*олицетворение многодетности – благодати свыше*)². Состав, оформление, репутация свиты жениха служили знаком социального престижа его стороны. Этот момент становился почётным и для родни невесты.

Значимым моментом традиционной свадьбы был ритуал знакомства зятя со старшими родственниками невесты. Он выполняется до сих пор, сопровождаемый элементами некоторой импровизации. К старшим родственникам невесты, которые садятся полукругом, друзья подводят зятя, сопровождая свой ход песней «Орайда». Им здесь устраивают всевозможные испытания: поднятие «кубка зятя» (*киеу аякъ*), наполненного до краёв алкогольным напитком, не расплескав, попытка схватить шапку зятя, уличив момент, чтобы вернуть за шуточный выкуп. Зятя подводят к старшим, с которыми он здоровается поочередно и почтительно. Затем зятя сопровождают к столу, накрытому в его честь блюдами национальной и современной кухни. За этим и другими столами сохраняется в основном застольный этикет с авторитетной ролью тамады, рассаживанием участников застолья по возрасту, подачей мяса обязательно принесённого в жертву животного (*курманлыкъ*), ритуальное распределение правой части головы этой жертвы (*баи жарты*) лицом, кто самый старший из мужчин за общим свадебным столом. Хозяева и гости, где бы ни происходило застолье, должны вести себя чинно, как требуют того этикет и народные традиции. В старину честь и достоинство, сдержанность в еде и в питье, скромность и тактичность участников застолья считались признаком хорошего тона. Нарушитель публично получал порицание от старших. Сейчас на столах любого торжества наблюдается разнообразие спиртных напитков. Бывают, к сожалению, и любители этого зелья.

Кульминацией торжества, главным звеном свадебной обрядности, когда обязательно присутствовали наиболее авторитетные лица, представляющие семьи жениха и невесты, является исполнение обряда снятия платка-покрывала (*баиш ау алгъан*) или ввод невесты в большой дом (*юйге кийирген*). Большой дом (*уллу юй*) – это помещение, где пребывал постоянно глава семьи (*юй тамата*), находился священный очаг (*от жагъа*), опорный столб дома (*багъана къазыкъ, орта чигинжи*) – *сакральная конструкция в сакле*. «Уллу юй», символически считался организующим центром жизни семьи, дающим семейному коллективу ориентир этических и морально-нравственных ценностей. Именно сюда приводили молодую из комнаты новобрачных (*отой*). Невеста касалась рукой «*орта чигинжи*», что означало приобщение к новому очагу и получение склонности домашнего духа. После этого следовал обряд «*баиш ау алгъан*» (*снятие «платка-покрывала»*). Невесту выводили к родственникам жениха и гостям, покрытую (раньше поверх традиционной шапочки) дорогими платками (*гранча, мухариске*) так, чтобы лицо оставалось закрытым. Её вели, держа под руки, две девушки. Звучала величальная «Орайда». Платки, кроме одного, снимал с головы невесты осторожно камчой (сейчас палочкой) юноша из рода жениха. Старшие по возрасту мужчины и женщины, подойдя поочередно, обняв невесту, приветствовали ее благопожеланиями. Родственники мужа называли её *келин*, а зятя родственники жены *киеу*. Термины системы родства по браку у балкарцев идентичны с теми, которые встречаются у многих тюркских народов³.

Согласно обычаю, сноха должна была выказывать знаки особого почтения, уважения и внимания новым родственникам. Произношение ею настоящих имён старших родственников мужа было табуировано. Избегалась встреча со многими из них. Вербальное общение облекалось в вежливую и ласкательную форму. Порядок избегания касался и зятя относительно родственников жены.

В народе был довольно высок почёт и уважение к родителям молодых. Особые знаки почтения оказывались матери невесты. Для встречи родителей невесты и в современной свадьбе приглашают не только родственников, но всех соседей, друзей и коллег по работе, особенно тогда, когда совмещаются два ритуала: снятие платка-покрывала невесты и приём её родителей. Для гостей, прибывших со стороны невесты на свадебный пир, накрываются, как обычно, два стола: один – для мужчин, другой – для женщин. Женщинам наносит визит вежливости мать жениха вместе с двумя-тремя спутницами, чтобы приветствовать мать невесты. Балкарцы верят в магию слова, поэтому мать жениха использует «*алгъыш*» (благопожелания), чтобы выразить готовность доброго участия в судьбе невестки, дружеского расположения к её родителям и роду в целом, готовность в дальнейшем делить с ними радость за удачи и успехи общих внуков, которые принесут хвалу и славу породнившимся семьям, фамилиям. Для нравственного становления личности внуков и правнуков имело положительное значение не только любовь и забота, обращённые к ним со стороны отцовских и материнских родственников, но и наглядный пример уважительного взаимодействия обеих групп свойственников. В свадебных ритуалах закладывается и определяется мотивация будущих хороших отношений породнившихся фамилий.

Современная городская свадьба устраиваются в кафе и ресторанах. Сюда съезжаются участники с обеих сторон (аренда помещения и расходы на праздничный стол оплачиваются семьями жениха и невесты). Гости съезжаются к моменту приезда молодых после регистрации брака в ЗАГС-е и религиозного оформления брака в мечети (*некях*). Рассаживаются в одном зале, но обособленно сторона жениха и невесты. За общий стол садятся старшие с обеих сторон. Импровизируются ритуалы: снятие платка-покрывала невесты и представление жениха родителям невесты.

Инновацией становятся случаи гражданской регистрации брака и «*некях*» в зале ресторана, отдельный стол, за которым сидят виновники торжества в

обществе подруг невесты (*дигиза*) и дружка жениха (*улан нёгер*). В прошлом молодые в дни свадьбы виделись только в ночное время суток.

До сих пор бытует обычай «*сый салыу*» (дарение): две-три женщины со стороны невесты демонстрируют перед собравшимися гостями подарки близким родственникам жениха в упакованных красочных пакетах, бархатные коробочки с золотыми изделиями. Мы были свидетелями свадьбы, когда публично в качестве подарков перечислялись более десяти изделий, некоторые с бриллиантами⁴. Подарки стороны жениха, не уступающие по дороговизне, предназначены в основном самой невесте и её родителям. Оценка презентам дается женской частью гостей. «Подарки превратились практически в имущественное обязательство, тяготеющее над породнившимися семьями. Такой оборот дела не устраивает население, но обычай сам по себе не угасает. С другой стороны, дары имеют свое функциональное значение. Они призваны материально закрепить возникшие между семьями отношения и консолидировать существующие родственные связи. Таким образом, дарообмен сохраняется в силу давней традиции и подвергается относительному контролю общественного мнения», – пишет Г.А. Сергеева⁵.

В одном ряду с обычаем обмена подарками следует назвать и приданое, бытующее в прошлом и в настоящее время. Правда, изменён состав самого приданого. Состоятельные семьи не ограничиваются при комплектовании приданого предметами интерьера, а дают машины, квартиры. Приданое было призвано укрепить материально молодую семью, при этом оставалось неотчуждаемой собственностью жены. Кроме того, приданое считалось одним из средств утверждения престижа девушки, а равно и ее семьи.

Примечания

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи. М., 2005. С. 27.
2. Кучмезова М.Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиция и современность. Нальчик, 2003. С. 113.
3. Тадина Г.А. Алтайская свадебная обрядность. Горно-Алтайск, 1995. С. 25.
4. Полевой материал.
5. Сергеева Г.А. Свадьба у народов Дагестана в XX в.: общее и особенное// Свадебные обряды народов России и ближнего зарубежья. М., 1993. С. 62.

M.Ch. Kuchmezova

NORMS OF SOCIAL CONTACTS OF RELATIVES ON MARRIAGE AT BALKARS: TRADITION AND PRESENT

The ceremonies and etiquette norms regulating interaction and relationship of relatives on marriage, their dynamics and transformation, a form of marriage and their motivation, national symbols and values of society in historical prospect and multiethnic space of the Caucasian region and Russia are shown in article.

Keywords: an exogamy, related solidarity, mononational and the national mixed family, ethnocultural border, social balance, tolerance, prestige.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 94 (470.64)

Б.Х. Бгажноков

ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ СВОЙСТВА МАЛЫХ МНОГОЭТНИЧНЫХ ОБЩЕСТВ (По материалам исследований в Кабардино-Балкарии)*

Нравственная экология малых территорий и обществ имеет свою, в том числе и психологическую специфику, с которой необходимо считаться, выстраивая ту или иную стратегию экономического и культурного развития этих обществ. В противном случае они становятся неэффективными, заметно отстают в своем экономическом, социальном и культурном развитии от больших обществ.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, малое общество, культурная политика.

I

Кабардино-Балкария – республика в составе Российской Федерации, малое, многокультурное общество и государство с высокой плотностью населения, с четко обозначившейся в постсоветский период экономической и культурной отсталостью. В общем списке регионов РФ Кабардино-Балкария неизменно в зоне самых худших¹. В рейтинге социально-экономического положения субъектов она занимала 75-ое место по итогам 2011 г., 78-ое место – по итогам 2012 г., 77-ое место – по итогам 2013 г. В 2014 г., прибавив одну позицию, – на 76-ом месте. Аналогичным образом распределяются места республики в рейтинге регионов по качеству жизни – 77-ое место в 2013 г. Особенно низкими являются показатели экономического развития и развития малого бизнеса. По этим показателям в 2013 г. Кабардино-Балкария находилась на 79-ом месте в общем списке субъектов РФ. А по доле прибыльных предприятий – на 65-ом месте. В зоне неблагополучных регионов РФ остается республика не только по уровню социально-экономического положения и качеству жизни, но в еще большей степени – по уровню социального самочувствия и самоуважения населения. В рейтинге социального самочувствия субъектов РФ за 2013 г. Кабардино-Балкария на 78-ом месте.

В то же время перед республикой встает объективно множество других проблем, только косвенно связанных с экономикой. Среди них ограниченность природных ресурсов, скученность населения, необходимость примирения национальных интересов и преодоления этнического фамелизма, проблемы интеграции в общероссийское и мировое социокультурное пространство. Отчетливо дают о себе знать аномическое разделение труда, кадровый голод при избытке специалистов

* Перепечатка из журнала «Вестник российской нации». № 5. 2015. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 13–06–00666 «Методика выявления и анализа факторов, сдерживающих устойчивое развитие Северокавказского региона (на примере Кабардино-Балкарии)».

с высшим образованием, более чем скромное государственное субсидирование политики мультикультурализма, слабая вовлеченность бизнеса в обеспечение экономического и культурного роста и развития общества.

Спасают положение трудолюбие и хорошо отработанные традиции толерантного сознания и поведения местного, в том числе и русского населения, традиционно развитое сельское хозяйство, высокая культура земледелия и скотоводства. Можно назвать, кроме того, массу других преимуществ, которыми располагают жители республики: хороший климат, красота и обзримость территории, сравнительно развитая инфраструктура, высокая общая грамотность населения. При крайне низком уровне экономического развития и доходов населения в республике прекрасные экологические и климатические условия (9-ое место в рейтинге регионов по качеству жизни), схожие с условиями Швейцарии. Достаточно высоки показатели здоровья и уровня образования населения (17-ая позиция). Обращают на себя внимание и другие, сравнительно хорошие показатели: жилищные условия (39-ое место), более или менее развитая транспортная инфраструктура и освоенность территории (40-ое место).

Особого внимания заслуживает большой авторитет традиционных принципов и норм этической рационализации и организации жизненной среды. Отметим в данной связи, что в малом обществе, в отличие от большого, отношения спрессованы, преобладают более тесные, повторяющиеся контакты, при которых собственное бытие воспринимается как неотъемлемая часть бытия других людей. Человек жестче привязан к социальному окружению, строже контролирует и отслеживает свои действия и складывающееся о нем мнение.

Высоко мотивирован и постоянно задействован в этих условиях как внутренний, так и внешний локус контроля, что отражено в известном кабардинском афоризме: «Подумай, прежде чем сказать, оглянись, прежде чем сесть». Тем самым подчеркивается исключительная ценность развитого социального внимания, тесного взаимодействия внутреннего и внешнего контроля. В узком спектре типовых, повторяющихся встреч и ситуаций малого общества, люди воспринимают друг друга с учетом благоприятного или неблагоприятного опыта общения в прошлом. Поэтому много внимания уделяется тому, чтобы произвести на людей хорошее впечатление, обеспечивая тем самым перспективу приятных и полезных контактов в будущем. При прочих равных условиях в малом обществе человек больше заботится о своей репутации и самопрезентации.

В силу этих причин у народов Кабардино-Балкарии большое развитие получила культура эмпатии. Сформировался своего рода культ добрых дел – *псана*. В трудную минуту человек находит сочувствие, понимание и помощь не только со стороны близких родственников, друзей, но и со стороны людей из дальнего окружения, малознакомых, даже незнакомых. В повседневном быту простые жители Кабардино-Балкарии приветливы, вежливы, готовы услужить, уступить, прийти на помощь. Сложившаяся исторически почтительность, благожелательность, благодарность местного населения улучшает общую ситуацию в республике, выравнивает отношения, компенсирует некоторые слабые стороны малого общества. Великодушие, помощь и благодарность, как свидетельствуют данные социологов и психологов, снижают негативные эмоции и уменьшают депрессию. Положительно сказывается это даже на демографической ситуации: при наличии доверия, крепких и позитивных социальных связей: дружеских, родственных, служебных – смертность сокращается более чем в три раза. И в самом деле, уровень смертности в Кабардино-Балкарии сравнительно низкий.

Поддерживается вместе с тем привязанность и любовь к республике, к родному краю. Рано или поздно приходит понимание, что *гражданский патриотизм – бесценный социальный капитал и высокое нравственное чувство*. Уроженцы

Кабардино-Балкарии, по разным причинам покидающие республику, болеют за нее душой, мечтают вернуться обратно, принести пользу своей малой Родине.

II

Все сказанное действительно имеет место и оказывает благотворное влияние на состояние кабардино-балкарского общества. Вместе с тем приходится признать, что *в полной мере воспользоваться преимуществами малого общества в Кабардино-Балкарии не удалось. Наибольшее распространение и гипертрофированное развитие получили его слабые стороны.* Поэтому особенно важно показать, почему и как именно действуют и проявляются слабые стороны малого общества, какое влияние оказывают они на ситуацию в республике.

Заметим с самого начала, что малые общества (и в том числе малые общества) в больших странах испытывают трудности самоорганизации и развития уже в силу малого размера социального поля и складывающегося на этой почве партикуляристского характера ролей, стандартов мышления и поведения. В узком пространстве небольших республик и областей, где практически все прямо или косвенно связаны друг с другом родственными или другими узами, где их пути многократно пересекаются, обычно гораздо трудней действовать самостоятельно, сохранять и отстаивать свое мнение, независимость своих суждений. Гораздо сложнее быть самим собой и реализовать себя как личность. Трудно даже за пределами групп регулярного взаимодействия (родственники, соседи, сослуживцы и др.) избежать частых и не всегда приятных, удобных контактов и тесного общения с одними и теми же не всегда приятными людьми.

Невозможно плохо отозваться о ком-либо и затем никогда с ним не встречаться или не сталкиваться, не соприкасаться с его сторонниками, друзьями, родственниками. Трудно из-за каких-либо разногласий уйти с одной работы и устроиться на другую, более престижную или равноценную. С другой стороны, часто руководитель учреждения не смеет, не решается уволить нерадивого работника, сознавая, что может вызвать недовольствие его покровителей, родственников, друзей.

Заметным сдерживающим развитие фактором становится малый размер общества на фоне анонии и сравнительно большой плотности населения. Возникающая на этой почве высокая конкуренция, скрытая и открытая борьба за рабочие места и должности соединяется с завышенными притязаниями и ожиданиями, иждивенческими и патерналистскими настроениями. Порождает склоки, зависть, нездоровое (невротическое) соперничество. Отсюда противостояние различных групп населения, династических, местнических (территориальных) и этнических кланов. Обычным явлением становится хорошо отработанная система дезинформации, запуска ксенофобски окрашенных коллективных писем, просьб и предложений, анонимных жалоб и доносов, бессмысленных споров и разбирательств. И это еще больше расшатывает устои кабардино-балкарского общества.

Даже религию и религиозную культуру местного населения удалось расколоть на культуру традиционного ислама, тесно связанного с обычаями и традициями местных народов, и культуру чистого ислама, якобы полностью отрицающую эту связь. И этот раскол все больше и больше дает о себе знать в умонастроениях, в поведении, даже во внешнем облике людей. В течение 2009–2015 гг. в Кабардино-Балкарии произошло несколько сотен взрывов, обстрелов, терактов². Режим КТО (контртеррористической операции), перестрелки и боестолкновения в различных городах, селах и районах республики стали повседневной реальностью. Погибли с обеих сторон тысячи молодых людей. По оценке, озвученной весной 2011 г. в

Общественной палате РФ, Кабардино-Балкария охвачена «тлеющей гражданской войной»³. О том же заявил недавно один из членов общественной палаты КБР (М. Хоконов). По его словам, это «латентная гражданская война». И ее необходимо рассматривать не только как терроризм в чистом виде, а как нечто более глубокое⁴. В таком же духе высказываются шокированные происходящим простые жители республики⁵.

С другой стороны, в еще большей степени обеспокоены конфликтной ситуацией и состоянием религиозной культуры в Кабардино-Балкарии и на Северном Кавказе священнослужители, социологи, этнологи. По их мнению, жесткий и прямолинейный курс на борьбу с терроризмом, без общественного диалога, без проведения действенных реформ, нацеленных на искоренение причин насилия и экстремизма, «вызывает ответную реакцию»⁶, «постоянно воспроизводит «замкнутый круг насилия»⁷. И в самом деле, есть достаточно жесткая связь терроризма с общей ситуацией в регионах Северного Кавказа. Но не столько даже с экономической отсталостью, сколько с системным кризисом, с низким социальным самочувствием и выученной беспомощностью населения. Правильно сказано, что *«начало терроризма не там, где реальная бедность, а там, где создают ощущение бедности, несправедливости и безысходности»*⁸.

Большим препятствием для устойчивого развития малых многонациональных территорий, подобных Кабардино-Балкарии, является, кроме того, более чем скромное государственное субсидирование культуры, науки, образования, воспитания, инициатив и проектов социальной, культурной самоорганизации. Все более ощутимыми становятся трудности, связанные с содержанием громоздкого аппарата управления, большого штата контролирующих, проверяющих органов, работников правоохранительной сферы. Экономическая отсталость идет рука об руку с аномическим разделением труда. Рабочие места и должности распределяются не по способностям и реальным заслугам, а по некоторым другим соображениям. Принимаются во внимание наряду с деловыми качествами и даже в большей степени такие характеристики, как связь с каким-либо кланом, нити родства, характер и масштабы знакомств и др. Учитываются, кроме того, распространенные о человеке слухи, а также некоторые личные качества: исполнительность, послушание, и др.

Ощущается обусловленная аномическим разделением труда нехватка специалистов в различных сферах деятельности при излишке дипломированных, но неопытных и недостаточно грамотных работников. Прямо связано с этим архаичное, унаследованное от советских времен бюрократическое продвижение по службе с учетом работы в партийных органах, в комсомоле, в профсоюзе.

Ощутимые проблемы и препятствия для стабильности и устойчивого развития республики создает практика замены каждым новым руководителем учреждения подчиненного ему персонала. В малом обществе при сравнительно малом числе высококвалифицированных специалистов такие замены приводят нередко к сбоям в работе коллектива, снижают его производительность, ухудшают психологический климат. Это понимают все, но не все и в полной мере учитывают в своей работе. Тотчас после смены руководства на всех сколько-нибудь значимых постах старые кадры заменяются новыми людьми. Господствует мнение, что новые назначенцы «не станут вставлять палки в колеса» и будут лучше работать лишь потому, что являются членами или сторонниками победившего клана, что, конечно, не всегда соответствует действительности. Кроме того, нередко практика такого рода замен заставляет работника думать и заботиться не только и даже не столько об эффективности своего труда, сколько о том, чтобы сохранить место при вероятном следующем руководителе.

Многие такого рода замены вместо пользы приносят вред еще и потому, что в малом обществе в условиях хронического кадрового голода большого (и

хорошего) выбора у работодателей нет; убедившись в том, что произведенная замена оказалась неудачной, они лихорадочно ищут новую замену. И столь же поспешно и необдуманно подыскивают «теплое» и престижное место для освобождаемого работника – чтобы не обидеть своего (реального или мнимого) сторонника. И так до бесконечности. *Препятствующая устойчивому развитию общества «кадровая чехарда» – неотъемлемое свойство большинства малых обществ РФ.*

С другой стороны, в элите кабардино-балкарского общества некоторые «избранные», «неприкасаемые» лица, опираясь на силу и мощь своих референтных групп и кланов, неоправданно долго сохраняют свои должности и влияние, оказывая, как правило, тормозящее влияние на развитие общества, на продвижение новых кадров. Особенно касается это номенклатуры и функционеров старого советского образца. Они востребованы и в самом преклонном возрасте, после того, как давно сложили свои полномочия министров, депутатов, высших милицейских и других чинов. Под их эгидой создаются обычно разного рода «комитеты», «советы старейшин» и другие, как правило, опекаемые властью объединения, многие из которых способны только расшатать ситуацию в республике или затормозить ее социально-экономическое и культурное развитие. Из их числа набирается основной костяк «Общественной палаты», «Народного фронта», «Международной черкесской ассоциации», «Совета старейшин балкарского народа» и др.

Конечно, подобных проблем хватает и в большом обществе. Но в малых, экономически и культурно ослабленных обществах, они проявляются особенно остро и болезненно. Поэтому при каждом новом назначении люди ищут связь этого назначенца с высшим руководством и господствующими кланами, кропотливо, без усталости изучая его происхождение, родственные и дружеские связи, карьерный рост, биографию в целом. Но не только из простого любопытства, а для выстраивания новых отношений с изменившейся социальной реальностью. Такая, как принято говорить, «управляемая близость»⁹ сковывает действия чиновников, препятствует исполнению функциональных обязанностей, реализации в полной мере лучших творческих планов и возможностей. Как правило, в малом обществе человека оценивают не столько по его личным достоинствам, сколько по силе и авторитету группы, которую он представляет, по степени лояльности к сложившемуся, пусть даже неудобному, устаревшему, но привычному укладу жизни. *Династические, территориальные, этнические и другие кланы, соперничая, и тесно взаимодействуя друг с другом, определяют всю политику в республике, навязывая обществу свое, не всегда верное видение ситуации, и субъективное, эгоистическое представление о задачах, стоящих перед республикой.*

Налицо, одним словом, все признаки социальной энтропии. Она, как известно, является показателем беспорядка, нестабильности в обществе, мерой его отклонения от нормального состояния и устойчивого развития социальной системы. Не будучи знакомым со всеми хитросплетениями сложившихся на этой почве отношений, с распределением сил и влияний между кланами и внутри кланов, трудно взаимодействовать с социальным окружением и понять, как вести себя в каждом конкретном случае. В малом и ослабленном обществе при недостатке подобной информации многократно возрастает вероятность испортить хорошо сложившиеся личные и деловые отношения, навредить репутации или карьере. Степень неопределенности, одним словом, очень велика и держит людей в постоянном напряжении. Невозможно даже представить, почему некоторые люди и группы пользуются официальным признанием и всеми связанными с этим благами и привилегиями, а другие, подчас превосходящие их по опыту, по профессиональным и человеческим качествам, остаются в тени или не у дел.

Но для жителей малых обществ и территорий особых вопросов в данной связи уже почти не возникает. Население в большинстве своем смирилось, согласилось

с тотальным искривлением сознания априори, согласилось как с неизбежным злом и всеобщим правилом жизни, что, собственно, и является одним из признаков социальной и моральной патологии. Как нечто привычное и вполне нормальное воспринимается в этих условиях громадная дистанция между доходами богатых и бедных слоев населения, прямо связанная с этим коррупция во всех сферах государства и общества.

Наблюдая за этим, впору задуматься о худших сценариях развития событий – о том, как будут жить и поведут себя в этих условиях новые поколения жителей Кабардино-Балкарии. Сейчас уже выросло и активно включилось в сложную жизнь республики поколение плохо воспитанных и образованных молодых людей, получивших низкую общекультурную и профессиональную подготовку в семье, в дошкольных, средних, средних специальных и высших учебных заведениях Кабардино-Балкарии. Для республики, в которой, по словам главы Рособрудзора С. Кравцова, «единственный государственный экзамен превращен в предмет бизнеса», в этом нет ничего неожиданного. Как нет ничего неожиданного и в том, что по итогам 2013–2014 учебного года в общероссийском рейтинге качества образования республика оказалась в тройке самых худших.

Стаким положением в сфере воспитания и образования, в духовно-нравственной атмосфере республики прямо связан отбор на престижную работу молодых людей, представляющих наиболее влиятельные кланы. Людей в большинстве своем амбициозных, циничных, с ограниченным кругозором, с жадной жаждой успеха и продвижения любой ценой, невзирая на мораль, законы, авторитет традиционных ценностей и норм. С другой стороны, кадровой политикой такого рода обусловлен отток трудоспособного населения, в ходе которого значительная, как правило, не худшая, часть населения, перемещается регулярно в большие страны и города. Применения своим силам и способностям в Кабардино-Балкарии многие люди не находят и потому вынужденно, не без сожаления покидают ее, в надежде на то, что их возможности будут востребованы в большом обществе.

Но желание вырваться в большое общество имеет и некоторые другие основания, связанные с тем, что здесь отношения людей более свободны и обезличены. В условиях больших городов и стран они быстрее и чаще вовлекаются в разнообразные новые связи, сравнительно легко забывая о неприятностях, нанесенных обидах. Широта и разнообразие повседневных контактов позволяет легко отвлекаться и забывать о них. И в самом деле, как правило, в большом обществе уменьшается значение родственных, этнических, территориальных и других частных связей, теряет силу острота чувств, разъедающая малое общество, таких, как ревность, зависть, ненависть, месть. «В занятиях, связанных в большом государстве с крупными интересами, эти субъективные стороны сами собой отмирают, и создается привычка исходить из всеобщих интересов, воззрений и дел», – писал в данной связи Г. Гегель¹⁰.

Но миграционная убыль, в известной мере даже полезная для больших обществ (с большим, неисчерпаемым человеческим капиталом), для малых и ослабленных территорий оборачивается заметным снижением силы населения, что, собственно, и имеем мы в Кабардино-Балкарии.

Между тем все больше и больше дает о себе знать экономическая отсталость, нехватка средств, необходимых для удовлетворения элементарных запросов общества. Тяжелой ношей для маленькой республики становится содержание бюджетников, аппарата различных бюрократических организаций и ведомств, строительство и ремонт дорог и жилья, выдача пособий по бедности и безработице и т.д. Решить в полной мере существующие финансовые проблемы за счет внутренних резервов не удастся. И прежде всего потому, что в силу указанных выше причин в республике не действуют эффективные формы управления и самоорганизации общества, механизмы здоровой конкуренции, призванные

выдвинуть по-настоящему грамотных и талантливых профессионалов, мастеров своего дела. Нет или недостает ярких личностей, признанных авторитетов.

Не спасают положение и чиновники, назначаемые федеральным центром. Чаще всего они плохо ориентируются в проблемах Кабардино-Балкарии, не проявляют должного внимания, интереса и уважения к истории, к богатым культурным традициям местного населения. Не будучи в то же время активными проводниками, пропагандистами общероссийского самосознания и патриотизма, чаще всего эти чиновники окунаются с головой в повседневную жизнь и разборки местных кланов, принимают безоговорочно сложившиеся в их среде правила игры. Этим объясняется крайне низкий авторитет таких назначенцев, отсутствие ощутимой поддержки со стороны простых жителей Кабардино-Балкарии. Одновременно и неизбежно это ведет к охлаждению традиционно теплых и дружеских внутринациональных и межнациональных отношений, препятствует сплочению кабардино-балкарского общества и как следствие – к оттоку трудоспособного, прежде всего русского, населения.

Актуальным остается в этих условиях широко обсуждаемый черкесский вопрос. В основе своей это вопрос о выживании и развитии разделенного адыгского народа, о сохранении целостности и суверенности его языка и культуры¹¹. Но кризис этничности связан у кабардинцев и у других адыгских народов не только с последствиями военных и политических катаклизмов, не только с геноцидом и депортацией в период Кавказской войны, с беспрецедентной фальсификацией черкесской истории. Он связан также и с нынешним состоянием нравов, с катастрофическим снижением уровня критической грамотности, национального самосознания, политической и общей культуры адыгского населения, с низким уровнем государственного мышления и поведения¹².

Поэтому внутри черкесского вопроса необходимо рассмотреть и исследовать не только его исторический дискурс, обусловленный событиями прошлого, перипетиями их правильной или неправильной интерпретации, проблемами признания и непризнания геноцида. Важно обратить внимание и на современный нравственно-экологический дискурс данного вопроса. Отчетливо проступают в нем черты усталости, растерянности населения, экономической, политической и общекультурной дезориентации. И как следствие этого – симптомы беспрецедентного рассогласования и «рассеяния культуры». Однако под этим или каким-либо другим предлогом нельзя ставить под сомнение само существование черкесского вопроса¹³. Такие попытки еще больше дезориентируют и расшатывают кабардино-балкарское общество, вызывают брожение в многомиллионном черкесском сообществе.

То же самое касается не столь широко известного и обсуждаемого, но не менее острого и важного балкарского вопроса. При всем разнообразии его толкований¹⁴, с точки зрения самих балкарцев он сводится к их воссоединению, к обретению большей самостоятельности, к воссозданию социально-политической и культурной автономии Балкарии путем выделения из состава КБР. Следует отметить в данной связи, что присоединение Балкарского округа Горской ССР к Кабардинской автономной области признавалось нецелесообразным (с точки зрения балкарских представителей и лидеров – М. Энеев, А. Гемуев) еще в начале января 1922 г. и подкреплялось следующими соображениями:

«1. Балкария представляет совершенно отдельную народность с самостоятельным языком, особыми условиями быта, характера и т.д.

2. В хозяйственном отношении Балкария имеет свои особенности. В Балкарии господствует скотоводческое хозяйство, тогда как в Кабарде преобладает земледелие.

3. Балкария испокон веков была в полной зависимости от Кабарды экономически и политически, что является одной из причин ее отсталости в хозяйственном

и культурном отношении. Слияние с Кабардой до уничтожения экономического господства Кабарды вследствие ее многоземелья и при наличии национального неравенства означает продолжение старой политики»¹⁵.

Прошло уже почти 100 лет с этого времени, но в этой общей картине, осложненной депортацией 1944 г., мало что изменилось. А главное, мало что изменилось в настроениях балкарских элит. И это понятно. *Несмотря на воссоздание автономии и реабилитацию балкарского народа, Кабардино-Балкария не состоялась как государство в составе РФ, объединенное общей культурой и едиными интересами.* Главным образом в этом повинны управлявшие республикой партийно-советские лидеры. Вместо того, чтобы развивать и поднимать балкарские населенные пункты и районы до уровня кабардинских, они пошли по самому простому и ложному пути: передачи балкарцам этнических территорий кабардинцев и планомерного расселение балкарцев в кабардинских населенных пунктах. Вместо ожидаемого резкого подъема хозяйства и культуры балкарцев, в конечном итоге это привело к прямо противоположному результату – к взаимному торможению социально-экономического и культурного развития народов республики, к системному кризису территории.

Между тем ситуация сама по себе не предрасполагала к такому повороту событий. Полстолетия назад, как и в начале 20-х гг. прошлого века, Кабардино-Балкария была территорией с прекрасными стартовыми условиями, с трудолюбивым и предприимчивым населением, с большим потенциалом модернизации и устойчивого развития. Теперь приходится только сожалеть о том, что инициированное из лучших побуждений, но плохо продуманное и организованное возрастание объема и многообразия контактов между кабардинцами и балкарцами привело к возрастанию поводов для возникновения конфликтов. То есть произошло то, о чем предупреждали в свое время М. Энеев и А. Гемуев. Даже хуже того: экономическое и общекультурное развитие республики в целом, не поднявшись до уровня развития предгорных и равнинных (традиционно кабардино-русских) территорий, опустилось до крайне низкого уровня горных (традиционно балкарских) территорий.

Иначе говоря, *из-за плохого управления и администрирования в республике был нарушен принцип культуросообразности – один из самых главных для развития социоэтнических систем.* В условиях партийно-советского администрирования и хозяйствования это было еще не так заметно. Социокультурные различия сглаживались стабилизирующим влиянием русского населения и действием четко выстроенных идеологических установок и стандартов управления. Затем эти различия и противоречия проявились отчетливо и *на волне перестройки вызвали к жизни движение балкарского народа за выделение из республики.* Балкарская элита, так же точно, как и в начале 20-х гг. прошлого столетия, видит свою задачу в том, чтобы обрести самостоятельность, равную той, что имеют в большинстве своем другие народы Северного Кавказа, в чем нет ничего предосудительного и говорит нам лишь о том, что в данном конкретном случае опыт этнической кооперации (контаминации) и смешанного правления, насчитывающий без малого 100 лет, оказался неудачным. Вдобавок ко всему *в последние десятилетия наметилась тенденция превращения смешанного правления из пропорционального в паритетное, что ведет не к ослаблению, а к увеличению конфликтного потенциала, к торможению социально-экономического развития республики, способствует воспроизводству на ее территории худших черт малого общества.* В частности, отношения между кабардинцами и балкарцами приобретают все больше и больше форму аморального в своей основе этнического фамилизма. Одна из сторон пытается расширить ближайшую, доступную выгоду для своей этнической группы, исходя из пропагандируемого, в том числе и в СМИ, допущения, что другая сторона поступает и будет поступать точно также.

То есть в полном соответствии со своими узкоэгоистическими этническими потребностями и интересами, а не с интересами всей республики.

III

Как видим, в Кабардино-Балкарии, как и в любом малом обществе, на малых территориях множество разнообразных нравственно-экономических и других проблем. При плохо организованном управлении они остаются нерешенными в течение многих десятилетий и тем самым препятствуют устойчивому развитию социальной системы, а при крайне неблагоприятном стечении обстоятельств могут и взорвать ситуацию.

Управлять таким обществом с таким «букетом» проблем нелегко. Руководителям многотитульных республик приходится прилагать немало усилий, чтобы раскрепостить сознание населения, сблизить интересы различных общин и групп, сплотить общество. Но в Кабардино-Балкарии, как мы убедились, нет необходимых для подобного развития событий общезначимых целей и установок. К тому же катастрофически не хватает финансовых средств и людских ресурсов, а те, что есть, используются нерационально, часто не по назначению, что прямо связано с плохо поставленной кадровой работой. Не только в сфере материального производства, но и в сфере образования, науки, культуры, СМИ, в правоохранительных органах нужны грамотные и честные специалисты, способные удовлетворить возрастающие социальные потребности населения, потребности реформирования и модернизации общества. Имеющиеся специалисты не справляются с данной задачей из-за сложности и большого объема накопившихся проблем, то есть не только по субъективным, но и по объективным причинам, которые обусловлены малым размером общества.

Основной вывод, который мы должны сделать из всего вышеизложенного, состоит в том, что ситуация малых территорий России нуждается в специальных исследованиях. В каждом конкретном случае она имеет свою специфику. И с ней необходимо считаться, если мы хотим выстроить хорошо продуманную, внятную стратегию экономического и культурного развития регионов РФ, их интеграции в жизнь всей страны.

Но есть, как мы видим, и некоторые общие закономерности и проблемы, что также хорошо видно на примере Кабардино-Балкарии. Малые общества и жители небольших территорий вынуждены учиться жить вместе, исходя из общих нравственно, а значит и рационально аргументированных целей и задач, постоянно адаптируясь и приобщаясь к глобальному миру, к меняющимся условиям среды. К этому обязывает богатая культурная история всех народов России, а в случае с Кабардино-Балкарией – необходимость защиты чести и достоинства республики, ее интересов и ценностей, необходимость достойного выхода из кризиса и улучшения общей ситуации с учетом майских указов Президента РФ, общероссийских национальных интересов, планов и программ.

Нравственная экология малых территорий и обществ имеет свою, в том числе и психологическую специфику, с которой необходимо считаться, выстраивая ту или иную стратегию экономического и культурного развития. В противном случае они становятся неэффективными, заметно отстают в своем экономическом, социальном и культурном развитии от больших или сравнительно больших обществ, а в нашем случае – от развития Российской Федерации в целом. Особого внимания заслуживает тот факт, что при прочих равных условиях именно в таком, узком и относительно автономном социальном пространстве создается благоприятная почва для режимов авторитарного свойства или, как имеет место в большинстве субъектов РФ, – для консервации подобных режимов.

В многосубъектных республиках на эту, в целом не вполне благоприятную ситуацию накладывается интерференция навыков культуры, столкновение интересов различных народов, у которых в силу самой специфики этнических и социальных различий развивается иногда гипертрофированное чувство национальной идентичности. Действия, продиктованные такого рода чувствами, еще больше осложняют процесс рациональной культурной и социальной самоорганизации общества. Силы, время и средства, которые в других условиях могли быть направлены на развитие и созидание процветающего общества, тратятся на нездоровое соперничество, бессмысленную борьбу за наибольшее число престижных должностей, званий, чинов. Подозрительность, обида, ощущение несправедливости, бессилия в таких условиях возникают гораздо чаще у наиболее малочисленных народов. Но и у многочисленных народов накапливаются практически те же самые переживания. Обычно это претензии с акцентом на том обстоятельстве, что малочисленные народы имеют непропорционально большее реальное право на сохранение и развитие, на представительство в структурах власти, во всех других престижных сегментах общества.

Доминирование слабых сторон малых территорий и обществ порождает неизбежно системный кризис этих территорий. Население в этих условиях не является или очень редко становится достаточно сплоченной социальной единицей, объединенной на общероссийских национальных началах. Особенно в экономически отсталых регионах РФ, где еще не сложилось демократическое единство, не выработаны и не действуют эффективные методы управления, способные преодолеть негативные следствия малого размера общества.

Примечания

1. Подробно см. в статье: *Бгажноков Б.Х.* Системный кризис малых территорий // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2014. № 3(22).
2. *Кабардино-Балкария*: хроника взрывов, обстрелов и терактов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkas-uzel.ru/blogs/1927>.
3. *Шевченко М.* Из выступления на общественных слушаниях по проблемам радикализации молодежи в Кабардино-Балкарской Республике в Общественной палате РФ 15 апреля 2011 г.
4. *Гусейнов О.* В КБР люди молчат // Газета Юга. 2014. № 21 (1054). 22 мая. С. 2.
5. *Гукова Р.* Молчать сил нет ... // Газета Юга. 2014. № 33 (1118). 13 августа. С. 9; *Она же.* Остановить бессудные казни [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fogum.ru > showthread>.
6. *Гацалов Х.* Насилие властей вызывает ответную реакцию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkas-uzel.ru/articles>.
7. *Стародубровская И.В., Соколов Д.Д.* Истоки конфликтов на Северном Кавказе. М., 2013. С. 234.
8. *Тишков В.А.* Социально-культурный аспект феномена терроризма // Социальные и психологические проблемы борьбы с терроризмом. М., 2002.
9. *Lowenthal D.* Social features // Small states. London, 1987.
10. *Гегель Г.* Философия права. М., 1990. С. 335.
11. *Боров А.Х.* Черкесский вопрос как историко-политический феномен. Нальчик, 2012; Черкесский вопрос: история, проблемы и пути решения. Нальчик, 2012; *Черкесский вопрос*: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления. Нальчик, 2013; *Тишков В.А.* Махаджирство и черкесский вопрос [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kavpolit.com/muxadzirstvo-i-cherkesskij-vopros/>
12. *Бгажноков Б.Х.* Черкесский вопрос // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2013. №1 (20). С.125.
13. *Думанов Х.М.* Черкесской проблемы в России не существует [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kabardino-balkaria.kavkaz-uzel.ru/articles/177179/>; *Матвеев В.А.* Черкесский вопрос: современные интерпретации и реалии эпохи. М., 2011.

14. Боров А. Депортация и реабилитация балкарского народа как проблема общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. IV.

15. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 1; История многовекового содружества. Нальчик, 2007. С. 351.

В.Н. Bgazhnokov

**POSITIVE AND NEGATIVE FACTORS
OF SMALL MULTIETHNIC SOCIETIES**

(By the materials of researches in Kabardino-Balkaria)

Moral ecology of small territories and societies has its own psychological specific to accept and build a strategy of economic and cultural development. Then it becomes ineffective and noticeably lag behind in economic, social and cultural development of large societies.

Keywords: Kabardino-Balkaria, small society, cultural politics.

Р.Х. Тазиев

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

В статье в краткой форме освещаются виды миграционных явлений в мире в динамическом развитии (уход некоторых из них в историю и, наоборот, рост иных разновидностей). Кабардино-Балкария, с одной стороны не избежала переселенческих процессов в русле развития глобальных явлений, с другой – здесь наблюдаются присущие каждому региону особенности местного порядка (например, в степени проявления мигрантофобии со стороны коренных народов).

Ключевые слова: миграционные процессы, колонии, гастарбайтеры, внешняя колонизация, внутренняя колонизация, мигрантофобия.

Миграции, как правило, подразумевают перемещения людей, связанные со сменой места жительства. Хотя понятия «миграция» и «колонизация» в принципе идентичны, они имеют определенные отличия. Последнее было особенно характерно для начального периода истории человечества и имело целью заселение (чаще одновременно и хозяйственное освоение) пустующих или редко заселенных земельных массивов. Это т.н. «классическая» колонизация¹. Кроме того, колонисты указанного вида чаще, чем обычные мигранты, мигрируют организованно, сообща. Хотя указанный вид миграционных процессов также имеет два аналога – «внешний» и «внутренний», указанный последним вид переселенческих процессов встречается все реже и реже (например, в России подобный вид переселения людей в массовом порядке в последний раз имел место после Столыпинской аграрной реформы – «внутренняя» колонизация Сибири и Д. Востока).

Со временем (с освоением и заселением человечеством практически всего Земного шара), первоначальное и основное понятие «колонист» все чаще уступает место словосочетанию «мигрант» или в данное понятие вкладывается несколько иное значение. В настоящее время под словом «колонизация» все чаще подразумевается иностранная диаспора (реже в виде «утечки умов», а чаще в виде «продажи» физической рабочей силы – «гастарбайтеров»), как правило, освоившая в новых местах обитания определенное замкнутое пространство (например, квартал в городских условиях) и проживающая компактно.

Если выше мы имели в виду в основном добровольные мотивы переселенческих процессов, то ниже кратко можно рассмотреть противоположные ему варианты, т.е. «миграции», как правило, в условиях наличия принудительных мер. Например, если перемещения турков-месхетинцев от государственных границ СССР (Грузии) во время ВОВ классифицируется как «депортация», то их скоротечный отъезд из Таджикистана в 70-е гг. XX в., вызванный конфликтом с местным населением на этнической почве, – уже в форме бегства.

Имея в виду один из принудительных видов перемещения людей, (депортацию), стоит отметить, что в настоящее время в основном преобладают т. н. «единичные» варианты (когда, например, по требованию правительства одного из государств препровождаются на родину и передаются в руки правоохранительных органов

граждане, нарушившие закон у себя в стране). Но в недалеком прошлом, имели место передвижения населения, связанные с его социальной или национальной принадлежностью. Например, в сельских районах СССР в 30-е гг. XX в. имели место процессы «раскулачивания» с последующей высылкой данного социального слоя в иные, более отдаленные районы страны. Примером депортации может служить также перемещение целых народов во время ВОВ в Средней Азии и Сибирь (балкарцы, ингуши, калмыки и др.). Другой, более ранний, но известный пример: геноцид и депортация (изгнание) черкесов в страны Ближнего Востока в XIX в.

Примером редких массовых перемещений населения (т. н. «депортация – рокировка») могут служить обмены населения (т. н. этнические рокировки). После окончания Кавказской войны на место изгнанных в Турцию черкесов (более 1 млн человек) царское правительство переместило русских, украинцев, армян, греков, чехов, молдаван, эстонцев². Например, за 6 лет – с 1858-го по 1864 г. – на Кубань и Черноморское побережье Кавказа переселилось (не говоря уже о других народах) более 50 тыс. греков. «Эта массовая этническая «рокировка», не имевшая аналогов в мировой истории, была выгодна и Турции, и России. Первая считала, что за счет уменьшения численности христиан, ослабеет накал национально-освободительного движения в стране. Вторая приобретала плодородные земли и одновременно освобождалась от беспокойного коренного населения.

После Первой мировой войны (или, вернее, после англо-греко-турецкой войны 1919–1922) одним из пунктов Лозанского мирного договора (1923), было переселение греческого населения Кавказа в Грецию³. Массовые обмены населения имели место в Европе и после Второй мировой войны (например, касающиеся Судетской области Чехословакии и т. п.). Мотивы и цели подобных «депортаций – рокировок» могли различаться существенным образом. Если массовые обмены населения после Второй мировой войны имели целью усилить этническую однородность отдельно взятой страны (чтобы в дальнейшем минимизировать конфликты на национальной почве, например, между чехами и немцами), то иные принудительные переселения имели противоположные задачи. Например, этнические смешивания населения с целью дальнейшей ассимиляции коренного народа или его части (подобный опыт передвижения населения имел место еще до н. э. Например, цари древней Ассирии коренное население завоеванных стран переселяли в отдаленные области империи с целью сломить его дух, а в конечном итоге – и ассимилировать).

Таким образом, можно говорить, о наличии разнообразных причин, приводящих население к смене своего места жительства.

Кроме отдаленных в географическом отношении стран с малопривлекательным (суровым) для проживания климатом (где миграционные процессы минимизированы), все иные территории в той или иной степени подвержены «внешним» миграциям. При этом в прошлом (имеется в виду с началом Великих географических открытий) преобладали перемещения населения из метрополии во вновь открытые страны (в основном с целью захвата и ограбления). Иначе говоря, население из более развитой в экономическом отношении страны «переезжало» в менее развитые области. В настоящее время положение изменилось: преобладает миграция из менее «продвинутой» в экономическом отношении страны в более развитую (в основном с целью повышения своего жизненного уровня (реже – статуса)).

Как известно, европейские страны и особенно США всегда были в центре внимания мигрантов всех разновидностей, но за последние несколько десятков лет положение в определенной степени изменилось и здесь. В последние годы в целом наблюдается тенденция к росту миграционных процессов. Данному обстоятельству способствует несколько факторов, в том числе и «прозрачность» границ многих европейских (и не только) государств и их ассоциаций.

Можно отметить, что новому явлению в области миграционных процессов по отношению к Западной Европе в определенной мере заложило население Турции, которое еще в 70-е гг. прошлого столетия стало в массовом порядке переселяться в Германию. По оценкам специалистов, в настоящее время в Германии проживает несколько миллионов турок.

Дальнейшему наращиванию миграционных потоков в Западную Европу способствовало сплочение Евросоюза в организационном отношении. Чем ближе становилась законодательная база участников блока, тем, наоборот, «прозрачнее» ее границы. В настоящее время миллионы переселенцев (в основном из Азии и особенно из Африки) нашли свою вторую родину в Европе, а еще для миллионов переезд в Европу является мечтой (т.н. потенциальные мигранты). Кроме экономических причин, побуждающих африканцев и азиатов к переселению, можно отметить наличие (особенно в Африке) очень нестабильной политической обстановки, поэтому в составе переселенцев наблюдается немалая доля беженцев, уходящих в географическом отношении подальше от мест конфликтных ситуаций. В настоящее время тысячи мигрантов, рискуя жизнью, систематически предпринимают новые попытки добраться до Европы через Средиземное море, что для многих из них оканчивается трагически.

Миграционные процессы не обошли стороной и Кабардино-Балкарию. Например, с началом строительства Моздокского поселения (1763) и особенно с последней четверти XVIII в. началась более или менее массовая колонизация края «инородным» населением. Можно отметить в определенной степени двойственный характер подобных переселений, когда (несмотря на славянскую основу колонистов) наблюдалось переплетение социальных (военное, мирное население) и этнических (русские, украинцы и т. д.) моментов. В указанное время, кроме Моздока, был образован ряд населенных пунктов (Котляревская, Прохладная, Приближня, Александровское, Екатериноградская, Пришибская, Солдатская).

После крестьянской реформы 1861г. и в особенной степени Столыпинской аграрной (1907) «казачья – солдатская» колонизация края, в основном стала сменяться крестьянской. Данному обстоятельству способствовали и итоги Кавказской войны, после которой десятки и сотни тысяч адыгов оказались на чужбине.

Вслед за славянской колонизацией края в начале XIX в. (по другим источникам – в 40-е гг. данного столетия) в Кабарду стали переселяться горские евреи (обосновавшиеся недалеко от слободы Нальчик). Грузинское население стало прибывать в пределы края в первой трети XIX в.; немецкое – примерно в середине данного столетия. Если более или менее массовое заселение Кабарды осетинским населением еще датируется XIX в. (последняя ее треть), то заселение края армянской диаспорой уже частично не укладывается во временные рамки этого столетия (конец XIX – начало XX в.).

Кроме того, в КБР есть национальности, прибывшие на ее территорию сравнительно недавно – на рубеже конца XX – начала XXI в. Это главным образом вайнахские народы и абхазы.

Кроме отличий во времени переселения в край различных этносов, были и различные причины, побудившие их к смене своего местожительства. Например, если миграционные процессы русско-украинского населения в Кабарду можно обозначить как сочетание мирной и военной колонизации, то немецкое население к переезду в край в основном стимулировало малоземелье. Грузинские и особенно армянские переселенцы пытались сочетать здесь земледельческий труд с кустарным промыслом. А горские евреи кустарный промысел совмещали с розничной торговлей. При этом часть осетинского населения, среди которых также было немало кустарей, в пределы края

переселялись поэтапно (начиная со статуса арендатора с последующим выкупом обрабатываемого земельного участка). Подобное сезонное отходничество в конечном итоге заканчивалось «безвозвратным» переселением. Появление корейцев в пределах республики можно квалифицировать как последствия массовой (этнической) депортации, а турок-месхетинцев, чеченцев и отчасти абхазов – в качестве беженцев.

Увеличение миграционных потоков в эпоху глобализма подвело под общее правило и Кабардино-Балкарию. Если на миграционном учете в 2010 г. в КБР состояло «всего» 10 791 иностранных граждан и лиц без гражданства, то в 2013-м эти показатели увеличились до 19 235 (т.е. наблюдалось практическое его удвоение). Подобные тенденции, как правило, характерны и для всего Северо-Кавказского региона (сказанное в меньшей степени касается Чеченской и Ингушской республик). При этом отдельные лидеры общественных объединений выступают за максимальную прозрачность в таком щепетильном вопросе. «Общественность должна знать, кого берут на работу, и насколько хорошо эти люди знают нашу культуру...»⁴. Например, в соседнем Ставропольском крае за 5 месяцев 2015 г. поступило 3500 заявлений от иностранцев на оформление патентов на трудовую деятельность⁵.

Увеличение численности иностранных граждан и лиц без гражданства в КБР продолжилось и в следующем году, хотя и несколько более низкими темпами (на 4%)⁶. При этом, львиную долю из числа въезжающих в Кабардино-Балкарию составляют жители Узбекистана (57,8%). Далее соответственно следуют две Закавказские страны – Азербайджан – 12%; Армения – 6%. Таким образом, из этих трех (Среднеазиатской и Закавказских стран) в автономную республику въезжает чуть более 3/4 (75,8%) иностранных граждан. В первую пятерку также входят: Украина – 4,6%, Турция – 4,4%. Другие страны «делегируют» в КБР много меньше своих сограждан.

Также определенный интерес представляет общая география исхода иностранных переселенцев в Кабардино-Балкарию (гастарбайтеров, туристов, деловых людей и т.п.) Например, сюда чаще едут из Ближнего зарубежья, где представлены почти все бывшие союзные республики (практически, кроме Прибалтийских республик, Беларуси и Туркменистана). Из Дальнего зарубежья едут в основном из Турции, Сирии, Иордании, США, Италии, Германии, Кореи, Израиля, Вьетнама. Также (практически на уровне статистики) в КБР зафиксированы мигранты из Афганистана, Индии, Марокко, Палестины, Абхазии, Египта, Австралии, Туркмении, Литвы, Ливана.

Таким образом, даже в относительно небольшой республике, как Кабардино-Балкария, представлены иностранные граждане со всех континентов Земного шара (Европы, Азии, Африки, Америки и даже Австралии), что в косвенной степени свидетельствует о довольно широком распространении миграции в современном мире и возможно появление специфических проблем в странах (регионах), ставших объектами миграции.

Свои интересы в КБР имеет следующая категория иностранных граждан: рабочие (гастарбайтеры); родственники; туристы; бизнесмены; учащиеся; беженцы. Если при этом из Узбекистана, Азербайджана, Турции, Армении, Таджикистана практически едут лишь с целью заработка, то выходцы из Израиля и Грузии стараются совмещать работу (в основном физическую) с деловой активностью. Сирийские и иорданские граждане (в основном здесь представлена адыгская диаспора) в КБР, как правило, едут на учебу и для свидания с родственниками (т.н. «частные визиты»). Из Германии в основном приезжают в качестве туристов, хотя не исключено, что некоторые из них (как впрочем, и украинцы) уделяют определенное внимание и проживающим здесь родственникам. Интересы в КБР граждан развитых стран (США, Италия), как

и следовало ожидать, – деловая активность вперемежку с туризмом. Особый интерес представляют иностранные граждане, прибывающие из Казахстана и Кыргызстана, которые, в отличие от других земляков из Средней Азии, как правило, не интересуются заработком и трудовой деятельностью. Основная цель их переезда в республику – «частные интересы» (т.е. для свидания с людьми, связанные с ними родственными узами).

С другой стороны, хотя прибывающие из Молдовы в числе причин указывают на исключительно «частный» характер своего переезда в Кабардино-Балкарию, как будет сказано ниже, «анкетные» не всегда данные совпадают с жизненной практикой данных переселенцев.

Как сказано выше, в небольших и средней величины городах страны (в том числе и Кабардино-Балкарии) не наблюдается ярко выраженной неприязни (ксенофобии) к гастарбайтерам и приезжим, в частности. В КБР подобная ситуация в основном складывается по двум причинам: свойственная коренному населению традиция толерантности, гостеприимства; отсутствие массовых уголовных преступлений (как бы не сглазить) со стороны переселенцев. Например, в 2013 г. на территории КБР иностранными гражданами совершено 11 преступлений (что составляет 0,2% от общего числа в целом в республике).

С другой стороны, настораживают увеличение (в два раза) числа правонарушений со стороны иностранных граждан и статьи, по которым были совершены преступления, – «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», «незаконное приобретение, хранение, переработка наркотических и психотропных веществ»; «разбой». При этом, в незаконном приобретении, хранении, переработке наркотических и психотропных веществ в основном замешаны мигранты из Азербайджана, Молдовы, Украины; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью совершают граждане Азербайджана, Сирии; разбой – Беларуси и т. п.

Непонятны мотивы преступлений против переселенцев, бежавших от театра военных действий в Сирии. При этом Правительство КБР и некоторые общественные организации оказывают сирийским беженцам и материальную, и моральную поддержку, что, кроме всего прочего, имеет политическое значение. Сочетать не только политический, но и моральный фактор по отношению к сирийским беженцам призывают известные журналисты и правозащитники страны. Например, Максим Шевченко считает, что «...для 5–10 тыс. сирийских черкесов может найтись место в Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Краснодарском крае»⁷. В интернете от имени М. Шевченко была названа еще более внушительная цифра для России в целом – от 50 до 100 тыс. Ср.: «...Россия могла бы принять от 50 до 100 тыс. черкесских беженцев из Сирии»⁸.

В том же плане высказывается и член Президентского совета РФ Андрей Бабушкин: «Хотя более 20 тыс. человек покинули Сирию, их родина – Россия – приняла не более 15% беженцев»⁹. Правда, по словам первого все не так просто, как кажется на первый взгляд. Например, в большой степени не совпадает информация, полученная из Дамаска (от потенциальных беженцев) и УФМС РФ. Первые ссылаются на факты отказа Российского посольства на выдачу виз (сверх установленных квот). А по данным УФМС, в 2014 г. за получением гражданства РФ обратились всего 60 граждан Сирии¹⁰, что вызывает определенные сомнения.

В заключение можно отметить, что, несмотря на наличие большого разнообразия типов миграционных потоков, многое со временем уходит в прошлое (например, массовые депортации населения, в том числе т.н. «рокировки», основанные на социальной или национальной почве. Вместе с тем как следствие мировых глобальных процессов и повышения прозрачности государственных границ наблюдается рост не столько «внутренней» миграции, а его «внешнего»

аналога», т.е. межгосударственных перемещений населения. При этом люди (в том числе и «гастарбайтеры») перемещаются в основном из менее «продвинутой» в экономическом отношении страны в более развитую.

Примечания

1. Инициатива «колониистского» движения может исходить как от населения в целом, так и от властей. Например, в Северо-Кавказском регионе (при царизме) вдоль кавказской линии по инициативе «сверху» были созданы военные поселения.
2. Эльпида (историко-культурный альманах). Краснодар, 1993. С. 9.
3. В отличие от договора 60-х гг. XIX в. между Россией и Турцией, когда со своих исконных мест переселялись коренные народы, Лозанский более напоминал обмен населением (т.е. возвращение части народа к своим этническим корням). Договор не коснулся черкесов, которые так и остались за пределами своей исторической родины.
4. Аргументы и факты. 2015. № 22.
5. Там же.
6. Данные миграционной службы республики.
7. Известия. 2015. 10 сент.
8. <http://www.svoboda.org/contentarticle/27240713.html>
9. Московский комсомолец. 2015. 3 сент.
10. Подробнее там же.

R.H. Taziev

FEATURES OF MODERN MIGRATORY PROCESSES IN KABARDINO-BALKARIYA

In article in the brief form types of the migratory phenomena in the world in dynamic progress (leaving of some of them in history and, to the contrary, growth of its other versions) are shined. Kabardino-Balkariya, on the one hand, not having avoided переселенческих processes in a vein of progress of the global phenomena, with another, the given phenomenon is shown here with features of the local order inherent in everyone region (for example, in the form of display of a degree migrantophobia from native peoples).

Keywords: migratory processes, colonies, gasterbaytory, external colonization, internal colonization, migrantophobia.

УДК 811.352.3'367.628

А.А. Афаунова

СУЩНОСТЬ МЕЖДОМЕТИЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА И ПРИНЦИПЫ ИХ КЛАССИФИЦИРОВАНИЯ

К проблеме классификации междометий в кабардино-черкесском языке в разных источниках подходят по-разному. В данной статье отражена наша точка зрения относительно того, по каким принципам их нужно делить (по половому признаку, основному значению, образованию и т.д.).

Ключевые слова: междометия, гендер, половозрастные признаки, основное значение, способы образования.

Яркой приметой междометий кабардино-черкесского языка является их многозначность, потенциальная возможность выразить посредством одного звукового комплекса порой прямо противоположные значения. Многозначность является характерной особенностью непроемных междометий. Но и среди произмных также имеются полисемантические междометия, например, слова-обращения к сверхъестественным существам:

[Замирэт:] – *Тхъэ, сэ зыми зыхуезмыгъэщIа си гъащIэм ба. Мамэ мыгъуэм зэпымычу къыджилэу цытац...*

[Ларисэ:] – *А-а, иджы дунейр нэгъуэщIуц¹.*

[Замират:] – Я никому не давала себя целовать. Мама бедная постоянно говорила...

[Лариса:] – А-а, сейчас другое время». В этом предложении междометие *а-а* выражает пренебрежение говорящего к предмету разговора.

«Ярэби, делэ сыхъуу ара?» – игу къокI абы (МэчрэИл), къэгъузэвауэ къыщолэтри гъуджэм йопхъуэ².

«Неужели я схожу с ума?» – думает он (Мачраил), вскакивает взволнованно и хватает зеркало». Междометие *ярэби* выражает сомнение, догадку.

В исследованиях по междометиям проводится их классификация по разным критериям: по половому признаку, значению, образованию и т.д.

Одни и те же эмоции у мужчин и женщин выражаются разными эмоциональными словами. Для «женских» междометий характерна большая выразительность, экспрессивность, а также более частое использование нежных, ласковых и тонких нюансов чувств. Спектр их чувств более широк – от смущения до проявления горя и отчаяния. Исследования показывают, что различия между мужским и женским вербальным поведением наиболее ярко проявляются в формулах благопожеланий, проклятий, клятв, приветствий. Например, междометия *Iау, Iэу, Iагъ, Iагъу* выражают удивление или недовольство; *зиунагъуэрэ* (подумать только); *сэлам алейкум, уалейкум сэлам* (формы приветствия); *тхъэр согъэщIуц, згъэщIаи, къурлэнкIэ солуэ* («клянись») и т.д. характерны только для речи мужчин. Междометия *анна (мыгъуэ)* (ну, неужто, неужели), *адыдыд (мыгъуэ/гуцэ)* выражают ужас, опасение; *алеи (мыгъуэ)* выражает удивление, восклицание; *асымыгъуэ* выражает разочарование,

безысходность; *алыхь* (*дыдэ/дыцэ*), *тхьэ* (*дыдэ*) (клянусь) и т.д. употребляются только в речи женщин.

В числе самых употребительных клятвы, производные от слов *Алыхь* «Аллах», *Тхьэ* «бог» в различных интерпретациях: в «*мужских*»: *уэлэхьы*, *уэлэхьы-билэхьы*, *тхьэр согъэпцI*, *згъэпцIаи*, *къурIэнкIэ соIуэ* (клянусь) и т.д.; в «*женских*»: *алыхь* (*дыдэ/дыцэ*), *тхьэ* (*дыдэ*) («клянусь») и т.д.

В языке выделяется и группа междометий, употребляемая как в речи мужчин, так и в речи женщин: например, *еу-уей* (выражает сожаление, сочувствие); *бетэмал* (выражает сожаление, досаду); *ей* («эй») – выражает обращение); *ИыIыхьы* (выражает удивление) и т.д.

Отмечены случаи употребления мужчинами в своей речи некоторых «женских» междометий (*тхьэ*, *ди тхьэ* и т.д.) и, наоборот, женщинами – «мужских» (*уэлэхьы*, *уей* и т.д.), что, на наш взгляд, обусловлено воспитанием, окружением человека, в котором он вырос. Подобная речь стилистически ярко окрашена. Указанные особенности часто используются как прием в художественной литературе.

Например:

Амиран и нэгум занцIэу къыцIидзэжац Мазизэ и нэпсыр.

«Ди тхьэ, – къэскIац ар, – си гъацIэм слъэгъуатэкъым апхуэдэ нэпс пIацэ. Абы и нитIыр цэ?...»³.

«Амиран сразу вспомнил слезы Мазизы.

«О боже, – вздрогнул он, – никогда не видел таких крупных слез. А ее глаза?...».

Наряду с половой принадлежностью, на выбор междометий влияет и возрастной критерий; например, характерны для речевой практики взрослых и людей пожилого возраста такие междометия, как *зиунагъуэрэ*, *тхьэ соIуэ*, *Iэна гуцэ*, *уей*, а для детской речи – *уарэ*, *уэсысыс*, *ИыIы*, *ы-ы*:

Сабий зэшам адэхуэ-анэхуэр IэпIэкIэ, бакIэ къыцIигъэнац, асыхьэту и нэ фIыцIэ цIыкIур хуэзац блыным фIэль фочым.

– *Уарэ, мор сысей, дадэ? – адэхуэм и лъэгъуажьэм теувац ар⁴.*

«Соскучившийся ребенок поцеловал бабушку и дедушку, и сразу его черные глазки устремились на ружье на стене.

– О, это мое, деда? – встал он на коленях дедушки».

И здесь также отход от традиционного деления междометий приводит к стилистической окрашенности. Скажем, «детское» слово в речи взрослого человека говорит о его несерьезности, а употребление ребенком «взрослого» междометия не может не вызвать усмешки у этих взрослых.

По **способам образования** междометия кабардино-черкесского языка можно разделить на 2 группы:

- **первичные** – нечленимые образования, не связанные с другими частями речи. Как отмечалось выше, эта группа слов обладает особой многозначностью. В зависимости от ситуации, жестов, мимики, интонации они могут нести различные смысловые нагрузки.

Первичные междометия могут состоять из одного, двух и более звуков, характерной их чертой является возможность употребления в редупликации (частичной или полной): *а* выражает припоминание, удивление, догадку; *ей* выражает обращение – «эй»; *уэ* выражает неожиданную радость, удивление, восхищение; *мэхь-мэхь* (исчез, пропал); *а-а-а* выражает припоминание, удивление, догадку; *пу-пу-пу* выражает удивление, восхищение; *ей-ехь* (е-ге-ге выражает удивление, сомнение; *еу-уей* (ах, как жаль) выражает сожаление, сочувствие и т.д.

Употребляемые в редупликации первичные междометия могут передавать другое значение, нежели в одинарной форме: *уей* утверждение – *уей-уей* (*жэгъэIэн*) – славиться чем-либо.

- **производные** – это слова, генетически связанные со знаменательными и служебными частями речи, утратившие основное значение: *алыхь*, *фIыкIэ*,

зиунагъуэрэ, а сымыгъуэжъст, къурлэнкIэ солуэ, зегъэхь, е гъуэгу мыгъуэрэ и т.д. Междометия данной группы в разной степени связаны со словами или формами той или иной знаменательной части речи. В отличие от первичных, производные междометия представляют собой пополняющуюся группу слов.

По **основному значению** междометия можно разделить на 3 группы:

• **эмоциональные междометия** – выражают различные чувства, эмоции, испытываемые говорящим в момент речи: восторг, удивление, испуг, радость, сожаление, недоумение, неодобрение, восхищение, сомнение, протест, тревогу, ужас, одобрение и т.д. Так как такие ощущения не всегда могут быть выражены полнозначными словами, приходится пользоваться междометиями. Эмоциональность выражается при этом с помощью интонации. Причем одни и те же междометия могут выражать различные эмоции в зависимости от того, в каком контексте они используются. Или наоборот, одни и те же эмоции могут быть выражены с помощью разных междометий. Также немаловажное значение эмоциональных междометиях имеют жесты, мимика, конструкция предложения, оттенки тембра голоса и т.д.

Эмоциональные междометия можно разделить на:

а) междометия, выражающие положительные эмоции: **облегчение, успокоение, удовлетворение**: уэху, уэхухуху, ыхьы, уэхухуей, ыхьым; **радость, восторг, восхищение**: уа, уарэ, уэ, уэIэнэ (детские), уай, алоуэхь; **согласие, утверждение**: ахьей, айомэ, м-м-м, ы-ы, ыхьы, ыхьым;

б) междометия, выражающие отрицательные эмоции: **боль, испуг, страх**: а-а, ай, уай, уэуэ, уэдыдыд, ау, ай-ай; **неприязнь, отвращение**: пу, фий, фу, Iух (Iух адэ); **осуждение, неодобрение, порицание**: ель (ель ар), уанэмахуэрэ, уанэмыгъуэрэ, еI; **досада, огорчение, сожаление, сострадание, сочувствие**: бетэмал, е, ей, ель, еI, сэрмахуэ, сэрмыгъуэ, сымыгъуэ; **насмешка, недоверие или самодовольство**: пIыртI, хьым, хьыI, хьы, хьа; **тревога, беспокойство**: уэ-уи-уи, алыхь-алыхь, тхьэгулэ; **недовольство, разочарование**: Iэгъу, Iагъ, Iэу, Iау, бетэмал, ех-хе-хе; **возмущение, раздражение, негодование**: пу алаурсын, хьым, Iух (Iух адэ), бетэмал; **злорадство**: ыхьы, хьы, хьахь, м-м-м; **сомнение, недоверие, подозрительность**: ейехь, уоу, хьым, хьыI, ярэби, ярэбинэ; **несогласие, отсутствие единомыслия, разногласие**: ана-а, IыIы-ы.

Вместе с тем, как показывают наши наблюдения, многие междометия в кабардино-черкесском языке являются «универсальными», т.е. в зависимости от ситуации могут выражать как положительные, так и отрицательные эмоции. Поэтому имеются основания для выделения третьей группы, которую можно условно назвать многозначными или ситуативными междометиями: **призыв**: айдэ, догуэ(т), зэдогуэ, зэт, тсс, уэхьэхьей; **удивление**: алоуэхь, алыхь-алыхь, IыI-Iыхьы, ассымыгъуэ, аIей; **клятва**: алыхь, си тобэц, тхьэ, уэлэхьы, уэлэхьы-билэхьы; **сильное желание**: аджыдэ.

Междометия обычно ориентированы на определенного адресата речи, на активизацию его внимания и вовлечение его в процесс коммуникации. Все это побуждает нас рассматривать их с точки зрения именно коммуникативного аспекта, использовать их коммуникативный потенциал в кабардино-черкесском языке.

• **междометия волеизъявления** – междометия, выражающие обращение, приказание, призыв, повеление, пожелание к действию: например, маржэ, хьейдэ давай(те) – выражают призыв к чему-л.; уэхьэхьей (эй), ей (эй) – выражают обращение; хьейдэ-хьэхь давай(те) – выражает призыв к действию; ейдэ (айда), мэт, мэ (на) – выражают призыв к действию; зегъэхь (уйди) и т.д. У этих междометий прослеживается функциональная связь с повелительным наклонением.

По нашему мнению, к разряду междометий волеизъявления следует также отнести слова, служащие для понукания, подзыва и отгона животных. Эта группа слов лишена звукоподражательного значения. У междометий подобного рода ярко

выражено значение волеизъявления, хотя адресованы они не людям, а животным. Тем не менее большинство адыговедов причисляют эту категорию слов к ономагопам. На наличие подобных междометий указывали известные лингвисты-адыговеды А.К. Шагиров⁵, Х.З. Гяургиев⁶, Х.Е. Дзасежев⁷. По выполняемым функциям такие слова делятся на три группы. К **первой группе** относятся слова, которые используются при понукании животных (т.е. рабочий скот): *хъуэи/гъуэи* (для волов), *нуа*, *др-р* (для лошади), *но* (для буйвола), *чыху*, *чыху-чыху* (для лошадей), *хъуэкIу* (для скотины) и др.

Во **вторую группу** входят слова, служащие для отгона животных и птиц: *тыхъ!* *кIуц!* (о кошке), *хъыр!* *хъырэ!* (о собаке), *шыр!* (об утке), *къыц!* (о гусях), *гур!* (об индейках), *кIэц!* (о козе), *хъуретI!* (об овцах) и т.д.

Третью составляют слова, которые используются для подзыва домашних животных и птиц: *тIэхъу-тIэхъу!* (для овцы, ягненка), *мэ-мэ!* (для собаки), *кIуцэ-кIуцэ!* (для кошки), *къаз-къаз!* *къас-къас!* (для гусей), *гурэ-гурэ!* (для индеек), *кIышэ-кIышэ!* (для теленка) и т.д. Как можно заметить, некоторые из них представляют редупликацию слов из предыдущей группы: *кIуц – кIуцэ-кIуцэ*, *гур – гурэ-гурэ*, *шыр – шырэ-шырэ*.

• **Этикетные междометия** – это слова и сочетания слов, обозначающие приветствие, прощание, благодарность, просьбу о прощении и т.д. Их обычно относят к производным, например: *къохъусыж*, *бохъу ациций*, *фIохъус ациций*, *ихошх ациций*, *фIыкIэ*, *гъуэгу махуэ*, *сэлам алейкум*, *уи махуэ* (*тицэдджыжъ*, *тицыхъэцхъэ*) *фIыуэ*, *упсэу* и т.д. Подобные формулы как этикетные междометия выделяются и в русском языке.

Примечания

1. *Къармокъуэ* М. Шихухэр иджыри мэкI: Роман. Налшык: Эльбрус, 1988. 480 н.
2. *КхъуэIуфэ* Хь. Гъатхэм и ныбжьыр: Рассказхэр, повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2000. 480 н.
3. *ШэдджыхъэцIэ* Хь. Мазизэ: Повесть, рассказхэр, гушыIалъэ. Налшык: Эльбрус, 1989. 292 н.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
5. *Шагиров А.К.* Фонетика и морфология кабардинского языка. Нальчик, 2004.
6. *Гяургиев Х.З., Дзасежев Х.Е.* Кабардинский язык. Нальчик, 1995. Ч. I.
7. *Дзасежев Х.Е.* Современный кабардино-черкесский язык. Черкесск, 1964.

A.A. Afaunova

THE ESSENCE OF INTERJECTIONS OF KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE AND THE RULES OF THEIR CLASSIFICATION

Summary: Different sources have different approaches to the issue of classification of interjections of Kabardino-Circassian language. This article reflects the author's view on the rules of their differentiation (based on their main definition, gender, method of formation etc.).

Keywords: interjections, gender, gender and age related characteristics, definition, formation methods.

Борсэ И.А.

КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭСЫБЗЭМ ШЫЛЭЦЛЭ УНЕЙХЭМ БЖЫГЪЭ КЪЭГЪЭЛЪЭГЪУА ЗЭРЫХЪУР

Тхыгъэм къыщыгъэлъэгъуаш къэбэрдей-шэрджэсыбзэм шылэцлэ унейхэм бжыгъэр къэгъэлъэгъуа зэрыху шыкIэхэр. Тхыгъэр зытхам и гупсысэхэм шыхъэт техуэу шапхъэхэмрэ бжыныгъэмрэ иджырей адыгэ тхакIуэхэм я тхыгъэхэм къыхихаш.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: шылэцлэ уней, бжыгъэ, къэпщытэныгъэ, форматив, аффикс, тхэкIэ.

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм шылэцлэхэм я нэхъыбэм я мыхъэнэки я грамматическэ формэки бжыгъитI ялэщ – закъуэрэ куэдрэ. Закъуэ бжыгъэр зыри пымыувэу къэгъэлъэгъуа мэху, куэд бжыгъэм деж форматив -хэ поуэр: *унэ – унэ-хэ-р, жыг – жыг-хэ-р, цIыху – цIыху-хэ-р.*

Аффикс хэ-р лъабжэмрэ падеж кIэухымрэ я кум доувэ икIи падежкIэ зэхуэжкIа шыхуэкIэ здэщыт шыплэр ихуэжыркъым:

И.п. *жыг-хэ-р*

Эр.п. *жыг-хэ-м*

П.п. *жыг-хэ-м-кIэ*

Об.п. *жыг-хэ-у*

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм шылэцлэ унейхэм деж апхуэдэ шытыкIэр къыщезэгъыркъым: шылэцлэ унейхэр нэхъыбэу къызэрагъэсэбэпыр закъуэ бжыгъэм итуш. Абыхэм хеубыдэ:

1. Къэралхэм, республикэхэм, районхэм, къалэхэм, къуажэхэм, псыхэм я фIэщыгъэцIэхэр: *Венгр шIалэ емышыжым Къырымыр, Кавказыр, Грузиер, Армениер, Малэ Азиер, Константинополь 1829–1830 гъэхэм къыщызэхикIухьам и нэгу шIэкIахэр иту 1838 гъэм Париж французыбзэкIэ тхыль къыщыдигъэкIауэ цыташ¹; Деикъуэ дэст нэмыцэм яубыда шыплэхэм къилэпхуэжкIа унагъуэ зыкъом²; Бахъсэн Гуфэм тцы и тцыжыу Махъэшокуэу Гусыгъащ³.*

2. Вагъуэ, дыгъэ, мазэ фIэщыгъэцIэхэр: *Вагъуэзэшиблым загъэзащ, нэху шынууш мыгувэу⁴.*

3. Тхыль тедзаплэхэм, тхыльхэм, ГуэхушIаплэхэм, зэгухъэныгъэхэм, клубхэм я фIэщыгъэцIэхэр: *Мыбдежым сатыру зэпэгъэувауэ цызэтелът Карамзин и «Тхыдэхэр», Пушкин и «Евгений Онегиныр», Монтень и «Опытыр», Лермонтов и усэхэр тхыльыш хъуу⁵; Абы и ужькIэ зы илэсрэ ныкъуэм шIигъуэ дэклауэ, дунейм къытехъащ «Эльбрус» тхыль тедзаплэм къыщыдэкIа «ГъащIэр матэ шIэдзакъым» тхыльышхуэр⁶; «Нур» журналыр сабийхэм фIыуэ ялбагъу.*

4. ЦIэхэмрэ унэцIэхэмрэ: *Абыхэм яужькIэ Алихъан физ къышаш⁷; Пэж дыдэуи, мазэ нэхъ дэмыкIыу Къанкъуэщыр къокIуэж⁸; ЦоджэныцIыкIу Алиш тцыхъэщхъэкIэ я къуажэм дэт ликбез пунктым кIуэурэ цIыхухуэ балигъ хуахэр иригъаджэрт⁹.*

Ауэ мы къедбжэжкIа шылэцлэ уней гупым куэд бжыгъэ къзыгъэлъагъуэ -хэ пыту къыщыкIуэ шылэщ. Пэжщ, апхуэдэу дышрихъэлIэр мащIэ дыдэщ къэбэрдей-шэрджэсыбзэм. Къэтхынщ художественнэ литературэм шыщ шапхъэ зыбжанэ:

1. Къэралым и фIэщыгъэцIэу:

*Щырелу сыринэ Волгэ-Доным
И макъ зэхахыу Дуней псом*

*Зэхихуу США-хэ-м я Гудзоним,
Гу лъитэу нцлэниэу зэрыпсэуам¹⁰.*

2. Псыцлэм:

*Уи бгъэцлэжхэу Бахъсэнъжъ-хэ-р
Сыту лъанлэу къэбгъэклуат¹¹.*

3. Вагъуэхэм, вагъуэзэбынхэм япыту:

*Уафэм удэллпеймэ, Шыхульагъуэр, Вагъуэбыныр, Вагъуэбэ-хэ-р,
Вагъуэзэшибл-хэ-у си адэм сигъэцлэхуауэ цытахэр къэслыхуэу, абыхэм нэлуасэ
захуэцилу сыхэлт¹².*

Сыт мы шапхэхэм пыт хэ-м къагъэлягъуэр? Дэ дызэрплъымклэ, ар тхаклуэхэм я стилым и зы лэмалш: куэдэ зэхыхуауэ закъуэ бжыгъуэ къаклуэр куэд бжыгъуэ къэгъэлгъуэныр. Псалъэм папшлэ, Америкэм и штат зыкъом зэгухъэри къэхуащ США-р (закъуэ бжыгъэм иту къаклуэр).

Унэцлэхэмрэ цлэхэмрэ къызэрагъэсэбэп шылклэхэр нэхъ куууэ зэпкърыхын хуейш. Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм цлхуцлэхэмрэ унэцлэхэмрэ бжыгъэклэ зышахуэжым деж закъуэ бжыгъэмрэ куэд бжыгъэмрэ къарыкл мыхъэнэр зэтемыхуэу шытш. Нэгъуэщлэу жыплэмэ, шылэцлэ унейхэр закъуэ бжыгъэм шитым деж и мыхъэнэр зыш, куэд бжыгъэм шитым деж и мыхъэнэр нэгъуэщлэ. Псалъэм папшлэ: закъуэ бжыгъэ *Щоджэнцилыклу* – унэцлэ, куэд бжыгъэ *Щоджэнцилыклухэ* – лъэпкъ (*Щоджэнцилыклухэ*), зы унэцлэ зезыхэ цлху гуп. Унэцлэхэм пыувэ хэ-м игъэзашлэ къалэныр хуэдэщ урысыбзэм унэцлэхэм пыувэ *-ов(ы), -ев(ы)*, аффиксхэм ягъэзашлэ къалэным. Шапхэ: *Махуиш хуауэ Мэртазэхэ я хъэгъуэллыгъуэуц¹³; Къаныкъуэхэ къэсац, – жилац Темрыкыуэ – Кануковы прибили, сказал Темруко.*

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм куэд бжыгъэм ит унэцлэр падежклэ зэхуэклэ шыхум деж клэух *-р, -м* пыувэ хабзэкъым. Абы къышхъэщыклыу адыгеибзэм а клэуххэр поувэр:

къэб.-шэрдж.	адыгеибзэ
И.п. <i>Клыщокъуэ-хэ</i>	<i>Уэжъубаныкыуэ-хэ-р</i>
Э.п. <i>Клыщокъуэ-хэ</i>	<i>Уэжъубаныкыуэ-хэ-м</i>
П.п. <i>Клыщокъуэ-хэ-клэ</i>	<i>Уэжъубаныкыуэ-хэ-м-клэ</i>
О.п. <i>Клыщокъуэ-хэ-у</i>	<i>Уэжъубаныкыуэ-хэ-у</i>

Нэгъуэщлэу жыплэмэ, куэд бжыгъэм ит шылэцлэ унейхэр адыгеибзэм белджылы склоненэм иту флэкла къэмыклуэмэ, къэбэрдей-шэрджэсыбзэм унэцлэхэм формант *-р, -м* пыувэркъым.

Унэцлэхэр цлэхэм елытауэ я мыхъэнэклэ нэхъ мыбелджылыуэ шытш, сыт шхъэклэ жыплэмэ унэцлэр зы цлхукъым зэхъллар. Абы къыхэклыу унэцлэр закъуэ бжыгъэм шитым деж цлэ зэдай къыпшохури, белджылагъ къэзыгъэлягъуэ формант *-р* е *-м* пыувэн хуей мэхур. Куэд бжыгъэм деж унэцлэхэр грамматическэ белджылагъ хуей хуркъым, сыт шхъэклэ жыплэмэ ар (унэцлэр) зэлъэпкъэгъу цлху гупым я флэщыгъэцлэ цлэ уней мэху, цлэ унейхэр, зэрыхабзэу, мыбелджылы формэу къагъэсэбэп. Закъуэ бжыгъэм шитым деж белджылыуэ е мыбелджылыуэ шытмэ, куэд бжыгъэм ит шылэцлэ унейр нэхъ пыухыкла, белджылагъ хуей мэхур.

Апхуэдэ дыдэу зэхуэклэ мэху хамэбзэм шыщ унэцлэхэри: куэд бжыгъэ къэзыгъэлягъуэ аффикс *-хэ* поувэр, ауэ именительнэ е эргативнэ падеж клэух пыувэркъым. Шапхэ: *Здэклауа къалэм Зулихъан цлэх дыдэу цлхуугъэ шыхуохуэ Ахмэдхъан и ныбжээгъухэу Евстратовхэ, Ивченкэхэ, Федулинхэ, нэгъуэцлэхэми я унагъуэхэм¹⁴; Шилерхэ цлэрылуэ абы шилац.*

Унэцлэхэмрэ цлэхэмрэ пкъыгъуэ зэлъэпкъэгъуу къыщыклуэм деж суффикс *-рэ-клэ* зэпхауэ шытынклэ хьунуш. Абы шыгъуэми падеж клэух (им., эрг.) пыувэркъым: *Етуанэрей машинэм ист Иналрэ Елдаррэ...¹⁵; Зы хъэлэбэлыкъ гуэркли къыхэмьщтыкыу, нэжэгужэу я махуэхэр ирахъэклырт ижъ лъандэрэ Куржы я нэхъ цлэрылуэ дыдэу цыта нцы лъэпкъытлми – Орбелианихэрэ Чавчавадзехэрэ¹⁶.*

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и диалектхэмрэ говорхэмрэ куэд бжыгъэ къэзыгъэлъагъуэ макъыу ущрохьэлэ -нэ: *Андемыркъан Андемырнэ йашьышьт йэзыр*¹⁷; *Тэмбий и къуажэмэ дэсац тцы зэбын-зэунэ: Тамбийнэ*¹⁸; *Сэ Беслэнна саш 'бли 'и' – жиа Йынал нэф*¹⁹.

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм унэцэхэм куэд бжыгъэ къэзыгъэлъагъуэ -хэ аффиксым и ужькIэ падеж кIэху -р, -м пыувэу имыхабзэми, иныкъуэ тхакIуэхэм я тхыгъэхэм апхуэдэ ущрохьэлэ. Апхуэдэу, ЩоджэнцIыкIу Алий и тхыгъэхэм куэдрэ дыщрохьэлэ унэцэхэр куэд бжыгъэм иту, падеж кIэхуи пыту. Щапхъэ:

*Молэхэр гъусэ яцIащи
Къундетхэр цIыхум яхоуэр,
Андзорхэм джатэр ялъащи
Лэжъакуэм ди тцэм къыдадзэр.
Астемырытцхэм, Наурызхэм
Ди Налшык дахэр я абгъуэц*²⁰.

Мы шапхъэ къэтхьам *Къундетхэр, Андзорхэм, Астемырытцхэм, Наурызхэм* унэцэхэм я лъэпкъхэм щыщ къокIыр (мыбдежым пщыхэм щыщ). Апхуэдэ шапхъэхэм дыщрохьэлэ Шортэн Аскэрбий и «Бгырысхэр» романми: – *Дэ къэбэрдейхэр Иуан деж къыщышIэдзауэ, мыдэкIэ пацтыхыгъуэр фэ, Романхэм, фубыда нэужьы, зэи, зэ закъуи ди ихуэмылакIэр нэгъуэщI лъэныкъуэкIэ тетIуэнтIыкIакъым*²¹.

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм цIэхэри куэд бжыгъэм иту къэкIуэнкIэ хъунуш: *Жамбот – Жамботхэ, Хъэсэн – Хъэсэнхэ, Мадинэ – Мадинэхэ*. Щыгъэцэ зэдаихэм я куэд бжыгъэм къыщхъэщыкIыу цIэхэм я куэд бжыгъэ формэм къэгъэлъагъуэ зи гугъу ищI цыхур зыщыщхэм я куэдагъыр, ар цIэ унейкIэ къэгъэлъагъуауэ. НэгъуэщIу жыпIэмэ, куэдагъыр занщIэу мыхъуу, зы цIыху къэзыгъэлъагъуэ псалъэм и формэкIэ къэлэуэта мэхъур. А зы цIэ унейм цIыху куэд къокIыр, къапштэмэ, зы унагъуэм щыщхэр: *Письмор шыгъыу ар Лерэхэ я куэбжэм Iухъащ; Игъуса лыжъэхэри цIыгъуу, Анчокъухэ деж кыгъэээжащ, зимыIэжъэуи шэсри ежъэжащ*²²; *ЗэнысэгъуитIыр Гуацэнэхэ деж дыхъащ*²³.

Аффикс -хэ зыпыт щыгъэцэ унейхэр лэжыгъэр зытехуэ эргативнэ падежу къокIуэ. Абы щыхъэт тохъуэ мы зэгъэпщэныгъэхэр: *Лерэхэ я куэбжэм – гъунэгъухэм я куэбжэм; Анчокъухэ я деж – щIалэхэм я деж; Гуацэнэхэ деж – къуэшым деж*.

Зэрытлъагъуши, цIыху щхъэхуэ къэзыгъэлъагъуэ цIэ унейр къызэщIэзыкъуэ мыхъэнэ иIэу куэд бжыгъэм иту къокIуэ. Апхуэдэхэм деж цIэ унейр куэд бжыгъэм ит унэцIэм и пIэм иувэу мэхъур: *Щоджэнхэ я хадэ – Жамботхэ я хадэ; Щоджэнхэ сокIуэ – Жамботхэ сокIуэ*.

ЦIэхэмрэ унэцIэхэмрэ куэд бжыгъэ къэзыгъэлъагъуэ морфемэ пыту адыгэ тхакIуэхэм я тхыгъэхэм къызэрыщагъэсэбэпыр куэд хъуркъым. Къапштэмэ, Къармокъуэ М. и «Азэмэт» романым цIэхэмрэ унэцIэхэмрэ куэд бжыгъэм иту 59-рэ къыщыхъащ (цIэхэр – 29-рэ, унэцIэхэр – 30-рэ); ШэджихъэшIэ Хь. и «Уи пщэдджыжь фIыуэ, Тэрч» повестым 38-рэ къыщыгъэсэбэпащ (цIэхэр – 10-рэ, унэцIэхэр 28-рэ).

Иджырей адыгэ тхакIуэхэм я тхыгъэхэр къэппщытэмэ (убжмэ) наIуэ мэхъур: куэд бжыгъэм ит цIэхэмрэ унэцIэхэмрэ усыгъэхэмрэ хъыбарыуатэхэмрэ къызэрыщыгъэсэбэпа бжыгъэр зэхуэдэкъым: усэхэм -хэ зыпыт унэцIэхэмрэ цIэхэмрэ ущрихьэлIэр мащIэ дьдэрэщ. Къапштэмэ, ЩоджэнцIыкIу А. и «Къам-ботрэ Лацэрэ» романым цIэхэмрэ унэцIэхэмрэ куэд бжыгъэм иту дызэрырихьэллар зэзакъуэщ; «Мадинэ» поэмэм – 4-рэ (цIэхэм 2-рэ, унэцIэхэм 2-рэ); КIыщокъуэ А. и «Бгы лъапэхэм деж» поэмэмрэ ЩоджэнцIыкIу I. и «Лыхъужыгъэ» поэмэмрэ цIэхэмрэ унэцIэхэмрэ -хэ пыту зэи къыщыгъэсэбэпакъым. Дыбжа тхыгъэхэм нэгъуэщI гупсысэми дыхуишащ: къэбэрдей-шэрджэсыбзэм цIэхэмрэ унэцIэхэмрэ

куэд бжыггэм иту кышыкгуэм деж падеж кгуех пыувэ хабзэккым. Къапштэмэ, ишхэмккэ зи гугуэ тцла тхыггэхэм -хэ зыпыт цгэхэмрэ унэцгэхэмрэ зэи падеж кгуех пыувэрккым.

Ауэ адыгэ тхакгуэхэм я тхыггэхэм ушрихьэлгэ шыгэщ унэцгэхэм нэмышц цгэхэми куэд бжыггэ къэзыггэлыаггуэ хэ-м иужьккэ падеж кгуех пыувэу. Апхуэдэ шапхэхэм дышрохьэлгэ Щоджэнцкыгу А. и тхыггэхэм: *Жырышым и тхыцгэм Хьэсаныхэр цодалгэ*²⁴; *Апхуэдэ Иванхэм яжызогэр*²⁵; *Фи кгуэжыныр Сэтэнейхэм Сыту ину ягу кэккэ!*²⁶

Мы шапхэхэм *Хьэсаныхэр, Иванхэм, Сэтэнейхэм* цгэхэм лъэпккым, унаггуэм шыщ мыхьэнэ кыккырккым. А цгэхэр тхакгуэм кызыщцгэзыккыуэ, згугу мыхьэнэ игуэ кыггэсэбэпаш, нэггуэщгу жыпгэмэ «хуэдэхэр, ецхьхэр» мыхьэнэ игуэ аращ: *Хьэсаныхэр* – Хьэсанш хуэдэ цгыхухэр. Мыр тхакгуэм кыггэсэбэпа тхэккэ гэмалщ (стилщ).

Нэггуэщцгэбзэм шыщ цгэхэри адыгэбзэм куэд бжыггэм иту кышыггэсэбэпа мэху: *Тоняхэ я деж кышысыжым Жанусэ кэувылауц*²⁷; *Бгырысхэм яцгэртэккым Чавчавадзэхэ зищгысыр, а лъэпккыр пцыжэ унаггуэу, кгулейуэ зэрыщытым фгэккэ*²⁸; *Унафэр зыфгэккэбылхэм я тхыльхэр Климхэ цаггэтгылгу фермэм кгуэну зэгурыгуауц*²⁹.

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм куэд бжыггэр морфемэ хэ-м нэмышцккэ цгэхэмрэ унэцгэхэмрэ частица *сымэ* шыдэщцгэгуэм деж къэрггэлыггуэа мэхур (адыгейбзэм -дыхэ). Цгэм е унэцгэм (е ггуми зэггусэу) -*сымэ* шыпыувэм деж цгыху гуп къеггэлыаггуэ, а зи цгэ кыригуар езыри яхэту. Шапхэ: *Псыр Хьэсанш сымэ къашау; Ваня сымэ сабий бынхэу гугуэ дунейм кыитенауц*³⁰; *Къардэн Мурат сымэ Хэкур цгэрыгуэ яцлауц.*

Частица *сымэ-м* цгэуэ ггу е нэхьыбэ и пэм иту кэккгуэнккэ хьунуц: *Аслээн, Беслээн, Лянэ сымэ*. Адыгэбзэм урохьэлгэ гупым хэт псори кырибжэккэргэ -*сымэ* пыувэжу. Сыт мыбы кыккыр? Мыпхуэдэхэм мыхьэнитгэ ягуэ шытц³¹: 1) *Аслээн, Беслээн, Лянэ сымэ* нэггуэщцгэхэри яггусэу; 2) *Аслээн, Беслээн, Лянэ сымэ* зы гупу (езыхэм фгэккэ ггусэ ямыгуэ). Унэцгэм частица *сымэ* пыту адыгэбзэм мащгэ дьдэрэщ кызырэрыщкыгуэр.

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм хэт *сымэ* частицэмрэ адыгейбзэм хэт *дыхэ-мрэ* я закгуэ бзэм кышаггэсэбэпырккым: ахэр цгэ унейхэм епхаш. Ауэ ахэр иккэ зэщхэщоккэ: адыгэбзэм хэт *сымэ-р* зыккэ зэхуэеккэ хьурккым, адыгейбзэм хэт *дыхэ-р* падежккэ зэхуэеккэ мэху: *Азэмэт дыхэр тадый кэккгуаггэхэ; Ар Азэмэт дыхэм атхыггэ.*

Адыгэбзэм шыгэщцгэ унейхэр псалгэуахам союзккэ е союз-суффиксккэ шызэпхауэ кэккгуэнккэ хьунуц (пкыгггуэ зэльэпккэггухэм). Куэд бжыггэм ит цгэхэмрэ унэцгэхэмрэ (пкыгггуэ зэльэпккэггухэм) аффикс *рэ-р* шыпыувэм деж гэмал имыгуэ хэ-м иужьккэ мэув: *Иналхэрэ Мухьэмэдхэрэ хьыбар евггэуцгэ; Фэ жыфггэныр сэ сцгэргккым, си хьэщцгэ лъапггэхэ, ауэ, сэ сыззэрепльымккэ, Кгуийцгыккыуоккыуэхэрэ Ецгэнокуэхэрэ я гыи цгыхуэ зытелгыжккым*³².

Аффикс *и-р* апхуэдэ дьдэу куэд бжыггэ къэзыггэлыаггуэ хэ-м иужьккэ мэувыр, иккэ хэ-м и ужьым ит э-р похур: *Долхэ жетлауц – Долхи жетлауц; Заурхэ, Беслээнхэ Гуэхур зытетыр яцгэртэккым – Заурхи Беслээнхи Гуэхур зытетыр яцгэртэккым.*

Шыгэщцгэ унейхэр союз *иккэ-ккэ* зэпхауэ кэккгуэнккэ хьунуц. Апхуэдэм деж шыгэщцгэ унейхэм мыхьуныггэ аффикс -*ккым* поувэр: *Сэ сыздэкуэр Жамботхэккым иккэ Темботхэккым; Ар щалггэгуар Къардэнхэккым иккэ Ккумыккыухэккым; Мыр Налшыкккым иккэ Псыхуабэккым щеджэр.*

Зэпэщцгэуэ мыхьэнэ зигэ союз *атгэ-ккэ* шыгэщцгэ унейхэр зэпхауэ кэккгуэнккэ хьунуц, ауэ апхуэдэм деж шыгэщцгэ унейхэм глаголым и аффикс -*щ*, -*т*, -*ккым* поувэр: *Сэ кэслгыхьуэр Беслээнккым, атгэ Аслээнщ; А джатэр зыхьумар Къетыккыуэхэщ, атгэ Мысостхэккым; Мы псыр Урыхуккым, атгэ Тэрщ; Ар кышыщхьуар Бахьсэнтэккым, атгэ Нартккэлэт.*

НэгъуэщIу жыпIэмэ, зы шыIэцIэ унейм мыхъуныгъэ аффикс -къым шыпыувэм деж, адреи шыIэцIэ унейм Iэмал имыIэу шыIэныгъэм и аффикс -ц е -т пыувэн хуейуэ къоувыр.

Къэбэрдэ-шэрджэсыбзэм союз *икIи*-мрэ *атIэ*-мрэ зы псалъэухам хэту къэкIуэнкIэ хъунуш: *Мы псыр Урыхукъым икIи Шэрджкъым, атIэ Тэрчи*. Апхуэдэм дежи шыIэцIэ унейхэм пыувэ аффиксхэм захъуэжкъым.

Техникэ зэмылIэужыгъуэхэм (кхъухьлэгъэхэм, вертолётхэм, танкхэм, машинэхэм, фочхэм, нэгъуэщIхэми я фэщыгъэцIэу къакIуэ шыIэцIэ унейхэр закъуэ бжыгъэми куэд бжыгъэми иту къагъэсэбэп: *Ахьмэдхъан и ЯК-р дамэкIэ цхъэпридзри бийм и улыным зыпIудзац*³³; *«Ил»-хэм «Як»-хэр яцхъэщыту Бийм и цыгум къытохутэ*³⁴; *Танк «Къапльэнхэр» зыцIэт цIыгум, ЖыркIэ лъалъэу, къыцIокIуэт*¹⁴; *Университет бжэIупэм жармыкIэшхуэу цызэхэтиц я «Волгэхэмрэ» «Москвичхэмрэ» зэхэгъэлъэгъау*³⁵.

Гу зэрылгыттащи, шыIэцIэ унейхэр нэхъыбэу бзэм къызэрыщыкIуэр закъуэ бжыгъэм итуш. Ауэ, ищхэмкIэ зэрыгътащи, шыIэцIэ унейхэр, псом хуэмыдэу унэцIэхэмрэ цIэхэмрэ, куэд бжыгъэм иту адыгъэбзэм ущрохьэлIэ. Куэд бжыгъэр апхуэдэхэм деж щыкIиткIэ къохъур: морфемэ -хэ пыувэу е частица *сымэ* цIыхуцIэм дэщIыгъуу. Иныкыуэ шыIэцIэ унейхэм аффикс -хэ-м и ужь падеж формант пыувэу усэхэм ущрохьэлIэ. Пэжщ, апхуэдэ шапхъэхэр куэд хъуркыым. Ар езы тхакIуэхэм я тхэкIэ Iэмалщ (стилщ), зытепсэлъыхьыр нэхъ къыхэгъэща, нэхъ наIуэ иращI щыкIэу.

ТегъэщIапIэхэр

1. *КIурашын БетIал*. ФIэхъус апщий. Налшык, 1958. Н. 22.
2. *Къэрмокъуэ Мухъэмэд*. Тхыгъэхэр. Налшык, 2000. Т. 2. Н. 156.
3. *ЩоджэщIыкIу Алий*. Тхыгъэхэр. Налшык, 2000. Н. 313.
4. *Нало Ахьмэдхъан*. Тхыгъэхэр. Налшык, 1993. Т. 1. Н. 69.
5. *КIурашын БетIал*. ФIэхъус апщий. Налшык, 1958. Н. 19.
6. *Шэвлокъуэ Петр*. ГъащIэм и пшыналъэ. Налшык, 1994. Н. 3.
7. Ар дьдэм. Н. 5.
8. *Кхъуэлүфэ Хъэчим*. Гъатхэм и ныбжьыр. Налшык, 1993. Н. 353.
9. *КIыцокъуэ Алим*. Тхыгъэхэр. Налшык, 2006. Т. V. Н. 530.
10. *КIуащ БетIал*. Тхыгъэхэр. Налшык, 1958. Т. I. Н. 170.
11. *ЩоджэщIыкIу Алий*. Тхыгъэхэр. Налшык, 2000. Н. 78.
12. Ар дьдэм. Н. 394.
13. *ШэджыхъэщIэ Хъэмыцэ*. Тхыгъэхэр. Налшык, 1994. Т. 2. Н. 8.
14. *Кхъуэлүфэ Хъэчим*. Гъатхэм и ныбжьыр. Налшык, 1993. Н. 361.
15. *КIыцокъуэ Алим*. Тхыгъэхэр. Налшык, 1984. Т. 2. Н. 582.
16. *Шортэн Аскэрбий*. Бгырысхэр. ЕтIуанэ тхыль. Налшык, 1975. Н. 147.
17. Очерки кабардино-черкесской диалектологии. КБНИИ. Нальчик, 1969. С. 104.
18. Там же. С. 277.
19. Там же. С. 318.
20. *ЩоджэщIыкIу Алий*. Тхыгъэхэр. Налшык, 2000. Н. 295.
21. *Шортэн Аскэрбий*. Бгырысхэр. ЕтIуанэ тхыль. Налшык, 1975. Н. 196.
22. *КIэрашэ Тембот*. Гъуэгу насыпыфIэ. Налшык, 1953. Н. 148.
23. *ШэджыхъэщIэ Хъэмыцэ*. Тхыгъэхэр. Налшык, 1994. Т. 2. Н. 53.
24. *ЩоджэщIыкIу Алий*. Тхыгъэхэр. Налшык, 2000. Н. 222.
25. Ар дьдэм. Н. 68.
26. Ар дьдэм. Н. 47.
27. *ШэджыхъэщIэ Хъэмыцэ*. Тхыгъэхэр. Налшык, 1994. Т. 2. Н. 401.
28. *Шортэн Аскэрбий*. Бгырысхэр. ЕтIуанэ тхыль. Налшык, 1975. Н. 181.
29. *ШэджыхъэщIэ Хъэмыцэ*. Тхыгъэхэр. Налшык, 1994. Т. 2. Н. 393.
30. *ЩоджэщIыкIу Алий*. Тхыгъэхэр. Налшык, 2000. Н. 68.
31. Кабардино-черкесский язык. Нальчик 2006. Т. 1. С. 103.

32. *ШэджыхьэцIэ Хьэмыцэ*. Тхыгъэхэр. Налшык, 1994. Т. 2. Н. 63.
33. *КхъуэIуфэ Хьэчим*. Гъатхэм и ныбжьыр. Налшык, 1993. Н. 373.
34. *ЩоджэныкIу Iэдэм*. Тхыгъэхэр. Налшык, 1987. Т. 1. Н. 142.
35. Ар дыдэм. Н. 168.
36. *Нало Ахьмэдхъан*. Тхыгъэхэр. Налшык, 1993. Т. 1. Н. 236.

И.А. Борсова

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ЧИСЛА СОБСТВЕННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются особенности выражения числа собственных имен существительных в кабардино-черкесском языке. Выводы автора подтверждаются примерами и статистическим анализом произведений современных адыгских писателей.

Ключевые слова: собственные имена, число, анализ, форматив, аффикс, стиль.

I.A. Borsova

FEATURES OF EXPRESSION OF NUMBER OF PROPER NOUNS IN KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Features of expression of number of proper nouns in the Kabardino-Circassian language are considered. Conclusions of the author are confirmed by examples and the statistical analysis of works of modern Adyghe writers.

Keywords: own names, number, analysis, formant, affix, style.

Ж.К. Кулиева

**ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ КАЙСЫНА КУЛИЕВА.
ПЕРЕПИСКА 40-х гг.**

Переписка помогает составить более полное, разностороннее представление о К. Кулиеве, позволяет глубже понять его эстетические и литературные взгляды, оценить масштаб его личности. Письма поэта 40-х гг. имеют особую ценность, так как содержат уникальные, малоизвестные факты биографии поэта-воина.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, достоверный источник, круг корреспондентов, поэт-воин.

Несмотря на то, что переписка Кайсына Кулиева сороковых годов сохранилась в небольшом объеме, однако, и то немногое, что дошло до нас, приобретает особую ценность, как подлинный источник уникальных сведений о поэте.

В июне 1940 г. Кайсын Кулиев добровольно уходит в Армию. На военную службу он попадает в Заполярье, в пехотный полк. Но этим довольствоваться он не мог и попросил перевести его в парашютную часть. Его отправляют в город Пушкин (Царское село). Там он проходит военную подготовку. Затем его часть направляют в 201-ю парашютно-десантную бригаду имени С.М. Кирова. «Там ясным августовским днем я впервые совершил прыжок с тяжелого бомбардировщика «ТБ-3». А потом прыгал с разных самолетов, с разной высоты – летом, весной, осенью и зимой – во всякую погоду. Это трудная и опасная служба мне нравилась», – вспоминал Кайсын Кулиев¹.

Война застает Кайсына Кулиева в Прибалтике. С боями он прошел трудными фронтовыми дорогами, испытал горечь потерь, перенес ранения, был десантником, военным корреспондентом газеты «Сын отечества», где печатались его боевые корреспонденции и стихи, принесшие ему широкое признание. Поэт и переводчик Яков Козловский в одном из своих выступлений сказал: « Уже в 1943 г. Кулиев был очень известным поэтом, его имя гремело на фронте, его читали в русских переводах, хороших и разных»². С середины 1942 г. стихи Кайсына Кулиева публикуются в русских переводах, обретая огромную читательскую аудиторию, в газетах «Правда», «Красная звезда», «Литература и искусство»; в журналах «Знамя», «Огонек», «Дружба народов». Из письма редактора альманаха «Дружба народов» А. Деева Кериму Отарову: «Кайсын читал свои стихи в тесном кругу поэтов в Союзе писателей и был очень хорошо принят. Его наперебой берутся переводить наши лучшие поэты... В общем, можете поздравить Кайсына с успехом... Кайсын временно в Москве. До 5 декабря. Делаем сборники, переводим стихи. Потом он, видимо, поедет в Чебоксары, где будет ждать назначения. А план его такой: поехать на Северный Кавказ, ближе к родным местам, чтобы там драться с врагом. Драться с оружием в руках, но прежде всего, драться оружием слова... 28 ноября 1942 г.»³.

Печатался К. Кулиев и на родине, но в октябре 1942 г. Кабардино-Балкария была оккупирована фашистами, и эта связь прервалась. Вот, что пишет К. Кулиев в письме от 4 октября 1942 г. руководству Бюро национальных комиссий П. Скосыреву: «За время войны я пережил и видел довольно много. Написал несколько стихов. В Кабарде все время печатался. С полей битв мой голос в

такие дни доходил до моих гор, до моих горцев. Этим я был доволен. А теперь не стало этой связи. Поэтому Ваше отношение ко мне особенно дорого. Воевал в парашютном корпусе, бывал, конечно, в разных переплетах. Дважды ранен. Вынес одну тяжелую операцию, и сегодня будет второй раз...»⁴.

На родине стихи К. Кулиев публиковала и газета «Социалистическая Кабардино-Балкария». В августе 1943 г. было опубликовано стихотворение «Слово сердца», в котором были такие строки:

Пусть мой город – только пепел, дым и кровь,
Лишь бы он освободился от врага!
Люди вольные построят город вновь,
Только б вольными им быть во все века.
(Перевод М. Петровых)

Трагические и героические события военных лет в полной мере нашли отражение в поэзии Кайсына Кулиева. В огне тяжелых испытаний его талант возмужал и окреп. В том же письме от 28 ноября 1942 г. А. Деева К. Отарову читаем строки о Кайсыне Кулиеве: «Как я рад за него. Он сильно вырос. Его стихи крепки, как горный нарзан, чувство, звучащее в каждом слове его, словно горный обвал...»⁵.

Письма военных лет содержат сведения об участии Кайсына Кулиева в сражениях, о полученных в них ранениях. Сам К. Кулиев пишет об этом А. Дееву в письме от 3 октября 1942 г.: «Был я за это время на нескольких направлениях и фронтах. Прошел Латвию от Даугавпилса до Резекне. Там 5 июля 1941 г. был ранен в левую ногу (навылет), лежал до начала сентября. Был участником взрыва громадного чугунного моста через Западную Двину. Из этой группы парашютистов не вышло оттуда и половины, но меня пощадила пуля!

3 октября 1941, утром, находясь в парашютном корпусе, был участником громадного парашютного десанта, участвовал в нескольких атаках за Орел. День и ночь сражаясь, прошел всю Орловскую и часть Тульской области. Вторично был ранен двумя осколками в ногу. С воздуха смотрел на горящий Орел...

Все рассказать в письме невозможно. Написал за это время много стихов. Все время был на политработе.

В Чувашию эвакуировали из Тульской области после Орловского направления... 3 октября, 1942 г. Чебоксары»⁶.

В своих произведениях той поры Кайсын Кулиев раскрывал античеловеческую, разрушительную сущность войны, опасность фашизма.

Необходимо отметить, что в переписке отражаются такие подробности, которые невозможно извлечь из других источников. Вот, к примеру, письмо Алима Кешокова, освещенное дружбой двух поэтов – воинов, возвращающее нас в военное прошлое. Он писал ссыльному Кайсыну Кулиеву в письме от 12 февраля 1946 г.: «Я живу воспоминаниями о нашей фронтовой жизни, и все кажется неповторимо прекрасным. Даже та ночь, когда мы с тобой под одной плащ-палаткой спали в морозную ночь в степи, и та кажется мне прекрасной ночью. Жаль, тебя не было потом...»⁷.

Этот фронтовой эпизод много лет спустя нашел воплощение в стихотворении К. Кулиева «Алиму Кешокову. Письмо из больницы»:

Мы были вместе там, мой друг, мой брат Алим!
Одной с тобой мы укрывались плащ-палаткой.
Когда гремел огонь, жесток, неумолим,
С солдатскою судьбой мы не играли в прятки...
(Перевод Л. Шерешевского)

В книге «Вид с белой горы» Алим Кешоков пишет о том, как они с Кайсыном Кулиевым встретились на дорогах войны, вместе потом прошли Донбасс,

Сиваш, Крым. До войны им не довелось встретиться, судьба свела их в редакции газеты «Сын отечества». Алим Кешоков вспоминал: «Кайсын сразу включился в редакционную жизнь... Как и все, он выезжал на передовую, привозил материалы о боевых буднях войск. В газете появлялись его корреспонденции и очерки за подписью «Чегемли»... Много раз мы с Кулиевым оказывались в сложных переплетах и выходили из них невредимыми»⁸. До конца своих дней К. Кулиев и А. Кешоков пронесли свою дружбу, зародившуюся на фронте. В 1984 г., поздравляя Алима Кешокова с 70-летием, Кайсын Кулиев писал: «Милый Алим! Выходя из-под пуль, мы с тобой прижимались небритыми щеками друг к другу, тряхнув густыми шевелюрами. Сегодня мы смотрим на седину пордевших волос друг друга, но любовь наша к жизни, к отчей земле, к поэзии и друг к другу не поседела, не уменьшилась. Будем трудиться!»⁹.

Кайсын Кулиев и Алим Кешоков участвовали в боях за освобождение Крыма, с военными подразделениями в тяжелейших условиях, вброд, несколько раз переходили Сиваш, сражались за Симферополь, принимали участие в наступлении на Севастополь. На Макензиевых горах, недалеко от Севастополя, К. Кулиев был тяжело ранен. Алим Кешоков вынес его с поля боя и отвез в Симферопольский госпиталь. В своем очерке о Кайсыне Кулиеве «Вершина вела к вершине» Кешоков так пишет об этом: «Вспоминаю: Кайсына ранило под Севастополем, я тащил его на себе в госпиталь. Кровь его залила мне одежду так, что невозможно было разобрать, чья – моя или друга. Его уложили в полуторку вместе с двумя десятками таких же, как он, раненых. Я уже простился с ним, и вдруг Кайсын срывает с себя плащ-накидку и бросает мне: «Носи на здоровье...»¹⁰.

Все детали, упоминаемые в письмах 40-х гг., чрезвычайно существенны. Письма передают атмосферу тех лет, подробности биографии поэта-воина.

Свои фронтовые встречи с К. Кулиевым описывает в очерке «Герои Кавказа» Сергей Васильевич Иванов. В письме от 12 октября 1942 г. из Чебоксар Кайсын Кулиев пишет А. Дееву: «Здесь я познакомился с литературоведом Сергеем Васильевичем Ивановым, автором биографии Лермонтова. Он работает в редакции воинской части». Сергей Иванов служил в 14-й дивизии, дислоцированной в Чебоксарах. В 1942 г. он, работая в дивизионной газете, познакомился с прибывшим в 95-й полк дивизии после ранения Кайсыном Кулиевым. На протяжении нескольких месяцев они часто встречались. Иванов пишет, что стихи Кайсына Кулиева его просто завораживали, что это были мужественные стихи поэта, «кровь свою пролившего в боях с фашистскими захватчиками, ни на минуту не сомневавшегося в нашей победе. И в то же время в стихах Кайсына была глубочайшая лирика, они были нежны, красивы как сам Кайсын... Органически сочетались в тех ранних стихах Кайсына нежность и мужество ...Слушая стихи Кайсына, я чувствовал, что написаны они сердцем, они кристально чисты, как чиста вода горных рек, дышат воздухом Кавказа»¹¹.

И здесь же в своем очерке С. Иванов приводит письмо Кайсына Кулиева, который написал ему из ссылки в 1953 г. следующее: «Дорогой Сергей Васильевич! Все эти одиннадцать лет я не забывал о Вас, часто вспоминал, я помню наши встречи в милом городе Чебоксары... Я помню Ваши добрые слова о моих стихах, заботу о них и Ваше высокочеловеческое отношение ко мне. С 1945 г. я живу во Фрунзе. Меня сейчас нет в литературе, но это не зависит от моего дарования. Воля судьбы... 21 мая 1953 г., г. Фрунзе». Далее С. Иванов пишет: «Замечательный поэт – вне литературы – это страшно. Но никакие превратности судьбы не подкосили Кайсына, талант его окреп... Он стал всенародным поэтом... Чудесно творчество балкарского поэта. Встреча с ним в Чувашии в 1942 г. оставила глубокий след в моем сердце».

Фраза Кайсына Кулиева: «Меня сейчас нет в литературе» имеет свой подтекст – поэт говорит здесь о своей судьбе изгнанника. 8 марта 1944 г. балкарский народ был несправедливо, насильственно депортирован в Среднюю Азию.

О выселении балкарцев Кайсын Кулиев узнал из письма Керима Отарова, которое он получил в конце марта 1944-го. Отаров писал, что случилось ужасное несчастье, что домой писать нельзя. В своих «Страницах автобиографии» Кайсын Кулиев пишет: «Я все понял. Значит, нет уже нашего народа в родных ущельях, нет моей матери в родном доме. Я понял, что балкарцев выселили, и Отаров пишет с дороги. До этого я уже знал о выселении калмыков и карачаевцев. Я воевал уже четвертый год, а мать лишилась не только крова, но и родной земли». Кайсын Кулиев сражался за Родину, проливал кровь в боях за неё, а его народ был изгнан с родной земли. В его «Страницах автобиографии» есть такие строки: «В одном из крымских селений, наконец, я получил письмо от матери и сестер. Они уже были в Северном Казахстане. Мы с Кешоковым пошли на татарское кладбище и плакали, лежа в траве».

Фронтовой друг Кайсына Кулиева В. Гоффеншефер был свидетелем того, как поэт реагировал на это тяжелейшее испытание для его народа. Кулиев после ранения находился в госпитале в Симферополе. Гоффеншефер пошел с ним проститься. В своих воспоминаниях он пишет: «Подойдя к зданию, я увидел Кайсына в свете заходящего солнца. Он сидел подле росшего у стены госпиталя куста, положив рядом костыли, и неподвижно глядел вдаль. Орел с перебитым крылом... Кулиев заговорил не о себе, а о своем народе: « Вы не представляете себе, что должен пережить горец, когда его отрывают от могил предков...»¹².

Более одиннадцати лет К. Кулиев прожил в Киргизии. Он тяжело пережил эти трагические годы изгнания. Однако и в ссылке поэт не переставал писать стихи, не сетовал на судьбу, а работал. При чудовищной атмосфере жизненной несвободы он сумел сохранить внутреннюю свободу, которую привнес и свое творчество.

Многие факты, заключенные в переписке, могли бы остаться неизвестными, не будь они зафиксированы в эпистолярном наследии поэта. Безусловно, письма являются своеобразной апелляцией к потомкам и общественному мнению будущего, храня подлинные сведения о художнике. Никогда в мире не иссякнет интерес к творческой личности, к её роли в духовной жизни своего времени. «Каждый отдельный человек – целый мир, рождающийся и умирающий вместе с ним, под каждым надгробным камнем – история целого мира», – писал Генрих Гейне¹³.

Примечания

1. *Кулиев К.Ш.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 441.
2. Стенограмма заседания творческого объединения художественного перевода Московского отделения Союза писателей РСФСР по обсуждению книги К. Кулиева «Раненый камень». М., 1965. 25 февр. С. 48.
3. Вопросы литературы. 1985. № 6. С. 89.
4. Там же. С. 197.
5. Там же. С. 188.
6. Там же. С. 196.
7. Из личного архива Ж.К. Кулиевой.
8. *Кешоков А.П.* Вид с белой горы. М.: Современник, 1974. С. 104.
9. *Кулиев К.Ш.* Годы плодотворного труда // Кабардино-Балкарская правда. 1984. 20 июля.
10. *Кешоков А.П.* Вершина вела к вершине // Я жил на этой земле... Нальчик: Эльбрус, 1999. С. 255.
11. ЦГА КБР. Ф. 852. Оп. 2. Д. 126. Л. 125.
12. *Гоффеншефер В.Ц.* Читая Кайсына Кулиева // Остаться в памяти людской... Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 197.
13. *Гейне Г.* Собрание сочинений в 10 т. М., 1957. Т. 4. С. 224.

Zh.K. Kulieva

**FROM EPISTOLARY HERITAGE OF KAYSYN KULIEV.
CORRESPONDENCE 40TH**

The correspondence helps to make fuller and multi-dimensional image of K. Kuliev, allows to understand more deeply his aesthetic and literary convictions, to estimate the scale of his personality. The letters of poet of 40th have the special value, because contain the unique not popular facts of biography of poet-warrior.

Keywords: epistolary heritage , reliable source , circle of correspondents, poet-warrior.

Ж.М. Аптаева

СЦЕНИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ НОВЕЛЛ ЗАУРА НАЛОЕВА

В статье рассматриваются художественные особенности как новелл Заура Налоева, так и спектакля, поставленного по ним режиссером Мухамедом Кубатиевым в 1995 г. на сцене Кабардинского государственного драматического театра имени Али Шогенцукова.

Ключевые слова: кабардинские обычаи, новелла, театр, спектакль, любовь, гибель.

Заур Налоев был человеком масштабным, касается ли это научной, литературной или общественно-политической деятельности. Годы перестройки и особенно известные события 1991–1992 гг. вознесли его на вершину политического Олимпа. В эти годы он стал одним из самых авторитетных людей в республике. Его мнение имело огромный вес, влияние на общественно-политические события было колоссальным. Его известность как общественного деятеля перешагнула границы Кабардино-Балкарии. Но не менее значительной была творческая сторона этой незаурядной натуры.

Научные труды З.М. Налоева, без сомнения, представляют огромную ценность. Большое внимание он всегда уделял проблемам национальных культур, которые сложны и многообразны. Неподдельный интерес со стороны его коллег-ученых и литераторов вызывали и его литературные произведения. Не оставили их без внимания и театральные режиссеры.

Трагическая история любви Хабалы к красавице Уне, рассказанная Зауром Налоевым в новелле «Кукла Хабалы», привлекла внимание режиссера Мухамеда Кубатиева, и он отважился, используя сюжет этого и других рассказов писателя, поставить в 1995 г. на сцене Кабардинского театра им. Али Шогенцукова сложный и многоплановый спектакль «Одинокий журавль». Разбитый на несколько отдельных картин, носящих вполне самостоятельный характер, он в то же время является целостным произведением, где дана широкая панорама жизни адыгского аула.

Режиссер начинает свою сценическую версию с банальной сцены ссоры двух соседей – Хажи и Али, так напоминающую ссору гоголевских героев. В недавнем прошлом неразлучные друзья, в сознании односельчан уже давно сросшиеся в единое целое, – их обоих так и именуют Хажали, – они ослеплены враждой, к которой понуждают и своих жен. Их поступки нелепы: в приливе ненависти они даже установили найденные где-то старые пулеметы, нацелив их друг против друга, нескончаемая брань в адрес друг друга от души веселят публику. Изображены они живо, с элементами сатиры, которая обостряет темп действия.

Актеры исполняют свои роли в эксцентричной манере, заражая зрителей стихией народной смеховой культуры. В стремительных ритмах игры рождаются яркие, выпукло обрисованные образы – Хажи (Валерий Балкизов), Али (Анатолий Татаров), Хабиц (Куна Жакамухова), Хабцу (Елизавета Кокова). Эта картина спектакля так и искрится весельем. Ничто в ней не напоминает о приближающейся трагедии, так или иначе коснувшейся всех жителей аула.

Вторая сцена, «На холме», служит прелюдией к основной теме спектакля – неразделенной любви. Узкий обывательский мирок сельских жителей. Мужчины, в

свободное время собирающиеся на холме, чтобы обсудить новости, пофилософствовать о высоких материях, правда, трактуемых ими несколько приземленно. Спор на тему «А что такое любовь?» к всеобщему удовлетворению разрешил сельский мудрец Анфоко (артист Мухадин Секреков), отыскав ответ в старинной притче, суть которой сводится к тому, что «раз женщина делит с тобой постель, рожает, стирает, убирает твой дом, то это и есть любовь». Здесь впервые вскользь упоминается о любви Хабалы (Хасан Бидов) к Уне (Марина Ташева), однако в прозаически упрощенном ее восприятии. Но последующие события, всколыхнувшие село, опровергнут обывательское представление о любви.

Самого Хабалу зрители впервые увидят стоящим на коленях перед «куклой» – вырезанной им же из дерева скульптурой девушки – и смотрящим на нее завороченным взглядом. Это обычное для него занятие, выводящее из терпения его родителей (Хусейн Товкуев, Тамара Балкарова), которые объясняют поведение юноши не столько его духовным влечением, сколько ленью. В этом эпизоде режиссеру удалось очень тонко передать предчувствие беды, которая вскоре обрушится на семью Хабалы.

Трагический мотив, возникающий в картине, проходит через весь спектакль, заставляя даже сквозь комические эпизоды других сцен ощущать надвигающуюся любовную катастрофу. Трагедия же вступает в свои права в двух других картинах: «Свадьба» и «Хабала исчезает».

Луч прожектора выхватывает из ночной мглы фигуру юноши, сидящего на дереве и смотрящего во двор Уны, где справляют свадьбу. Когда до его сознания доходит, что замуж выдают его любимую, потерявший себя от горя Хабала впадает в безумие. Наступают долгие дни молчания и сосредоточения на своем неразделенном чувстве. В драматический строй спектакля вплетается глубокая мысль о стихийной силе любви, неподвластной контролю разума. Зрительный зал погружается в атмосферу действия, сопереживая героям. Трагедия, разыгравшаяся на подмостках сцены, рождает глубокие раздумья о жизни, о судьбе, о любви. Отрешенный от действительности, исстрадавшийся и обессиленный, с потухшими глазами, Хабала начал обретать признаки жизни лишь по возвращении ему «куклы», подаренной им Уне незадолго до свадьбы. Тогда на ее просьбу подарить куклу, он простодушно сказал: «Я тебе не только «куклу», я тебе душу отдам» (в чем не было нисколько преувеличения). Скульптура обладала удивительной магической силой. Что-то неземное присутствовало в ней, будто бы и не рука, а мятежная душа Хабалы вырезала ее. Не случайно она оказывает на окружающих сильное воздействие, вызывая мистический трепет. Даже сельский эфенди (Борис Кажаров), человек весьма спокойный, вынужден признаться в том, что она смущает его, не дает возможности сосредоточиться и во время молитвы.

До возвращения Хабале «кукла» была привезена Уной в дом мужа. Вскоре молодая чета почувствовала, будто кто-то незваный поселился в их комнате. Ощущая из-за ее присутствия постоянный дискомфорт, муж Уны – Амдаж (Мухадин Кумахов) с согласия Уны вернул извояние Хабале. Однако и после избавления от нее супруги так и не обретают душевного покоя. Понимая всю нелепость своего поведения, но, не видя другого выхода, Амдаж вынужден отправиться к Хабале, чтобы выменять «куклу» на своего коня. Испытывая смущение и невольно путаясь в словах, он пытается объяснить, что, с одной стороны, «когда дочь Унаритовых отослала сюда куклу, вроде бы в доме стало светлее и просторнее», но, с другой стороны, «мы сидим дома и ждем, будто кто-то должен к нам вернуться».

Двусмысленность положения мучает его и заставляет заподозрить в своей жене скрытое от него чувство к Хабале, тем более, что она сильно привязана к «кукле». Эти сомнения укрепляются, когда Хабала косвенно подтверждает свое право на Уну, отказываясь продать «куклу»: «Я душу Уны не продам. Это моя душа».

Зачем понадобилась «кукла» Амдажу? Чтобы уничтожить ее и избавиться от наваждения, или, наоборот, он надеялся таким образом вернуть хотя бы относительный душевный покой? Недосказанность спектакля тревожит воображение зрителя, стимулирует его фантазию. Синхронно этой линии развивается и другая – «Одинокий журавль», – которая позволяет осмыслить трагедию Хабалы. Сцена в кузнице, где мастер Хакяша (Басир Шебзухов) выковывает фигурку одинокого журавля, судьба которого ассоциируется с судьбой юноши, сыграна артистами безупречно. Слова кузнеца о том, что «если журавль окажется в небесах один – он станет легкой добычей, а если останется одиноким мужчина-богатырь, он превратится в ребенка», – очень точно рисуют перипетии судьбы Хабалы. Весьма символична сцена уничтожения журавля, как бы предрекающая гибель Хабалы.

В канву повествования вплетены не только кабардинские фольклорные мотивы, но и знаменитая история любви Лейлы и Меджнуна (так на Востоке называют одержимого любовью), разлученных злыми людьми, и потому обреченных на смерть.

– В темной ночи висит лунный свет, – декламирует мулла прекрасные строки из восточной поэзии.

– Меджнун в твоих больших глазах, – подхватывает кузнец Хакяша.

Эти стихи не случайно пришли им на память: они напоминают судьбу их односельчанина Хабалы.

Тема Меджнуна у Налоева – это не классический вариант восточного сказания, она обыгрывается им несколько иначе. Сюжет у него сложнее и, пожалуй, еще драматичнее. Здесь тема разлуки с любимой усиливается мотивом неразделенного чувства. Нет в нароевской истории и злодеев, которые бы пытались помешать влюбленным. Наоборот, вопреки бытующему в Кабарде обычаю видеть в любви слабость, достойную лишь насмешки, Хабала, «слабый умом», вызывает у окружающих не только сочувствие, но и внушает уважение.

Грозовая ночь – последний аккорд в судьбе юноши. Отказав в возвращении «куклы» Амдажу, Хабала сам приносит ее к порогу любимой. Жалость ли управляла Уной или она стала невольницей пробуждающегося в ней чувства, могущего разгореться в пламя любви, но, увидев «куклу», она издала душераздирающий крик, полный невыразимой тоски и страдания.

Страсти, которыми охвачены герои, передаются не столько словами, сколько пластическими средствами. Каждый жест, каждое движение выразительны, точно характеризуют переживания персонажей. Концентрированные действия актеров, лаконичность психологически убедительных характеристик действующих лиц буквально потрясают зрителей. Музыкальное сопровождение усиливает восприятие чувств героев. Немаловажную роль играет и свет: то ровный и мягкий, то драматичный, пульсирующий, то исчезающий вовсе. Он как бы отголосок переживаний действующих лиц.

Контрастом этой сцене становится последняя картина «Сабантуй», в которой, наконец, примиряются враждовавшие соседи, закатив при этом дружескую пирушку. Так рядом соседствуют трагическое и комическое. И как бы ни была смешна ситуация, как бы ни были веселы персонажи финальной сцены, зритель уносит с собой из театра чувство трагического бессилия человека перед могуществом любви, фатальной неизбежности гибели одержимого любовью. Давно замечено, что долговечны лишь мелкие страсти и неглубокие чувства, в то время, как сильные неизменно губят человека. Они же очищают и возносят над бытом душу читателя и зрителя.

Примечания

1. *Аппаева Ж.* Меджнун в твоих больших глазах // Аппаева Ж. Грани таланта. Театральное искусство Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эль-Фа, 2006. С. 45–49.
2. *Аппаева Ж.* Одинокий журавль // На пути к истине. Нальчик: Эльбрус. С. 108–114.

J.M. Appaeva

SHORT STORIES STAGE VERSION OF ZAUR NALOEV

Examines the artistic features as Zaur Naloev novels and performance delivered by Director Mohamed Kubatievym in 1995, on the stage of the Kabardian gosdramteatra Ali Shogentsukov.

Keywords: kabardinian customs, Novella, theatre, show, love, death.

Х.Х. Малкондуев

**КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ
ГЕРОИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР XVIII в.
ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ МОТИВОВ**

На богатом песенно-фольклорном материале впервые рассматриваются особенности жанра, композиционных и художественно-стилевых средств карачаево-балкарских народных историко-героических песен XVIII в.

Ключевые слова: особенность жанра, XVIII в., героическая песня, песни о набегах, композиция, Дигория, Карачай, наездничество, повествование, мотив, поэтика.

Изучение эмпирического материала дает основание выделить среди песен XVIII в. такие широко распространенные произведения карачаево-балкарского фольклора, как «Кубадиевы», «Песня об Азнауре Жанхотове», «Песня о Чюерди Хахуеве», «Бекмырза и Кайсын» (Абаевы), которую еще называли «Песней Тазретовых» (по имени деда этих героев), так и малоизвестные «Песня о Гыллыеве Гыдре», «Песня о Рахаеве Токе», «Песня об Акаевых Аппе и Киши», «Песня о Тогуза-хане», «Песня о Болаке Биттирове», «Джандар», «Овцы Кубановых», «Барак», а также ряд текстов, посвященных теме Кабарды: «Песня о Жансоховых», «Песня о Жабаги Казаноко», «Атажукины и Каноковы», «Сары Асланбек Кайтукин», «Песня о Джамбулате Атажукине», «Песня о священном Лиуаншаихе» и др. К произведениям XVIII в. следует отнести и «Песню об Ахматовой Таукыз», посвященную жительнице старинного аула Думала, воспевающую ее мудрость и провидческий дар.

К этому же периоду относятся и такие песни, как «Ачемез сын Аче», «Чёпеллеу», «Песня слепого Атабия», «Красавица Батай, белая Батай», «Песня о слепом Казаке Толгурове», «Песня Рачкауовых», «Скорбная песня-плач Безенги», «Песня-плач Хахуевых», «Песня-плач о семи братьях Эдоковых», «Песня-инар Кетенчиевой Аккыз», «Аликаев Хажибий», «Песня, посвященная Урусбиеву Исмаилу», «Песня о Мизиеве Беги», «Песня-проклятье холопа-пастуха в адрес Бапинаевых», «Чегемская песня о Малконду-Габуту» и т.д.

В связи с отсутствием письменных документов о датировании того или иного произведения XVIII в., основной упор в данном вопросе мы делаем на содержательный материал текстов, включая легенды и предания, сопровождающие эти произведения.

Сюжет песни «Ачемез сын Аче» во всех случаях однотипен. В один из горных аулов (чаще упоминается Карачай) приходят *крым семенле* – «семена крымские» – специальные сборщики дани Крымского ханства, которые везли собранные с подвластных народов ценные вещи, живность, мед и хмельные напитки в Бахчисарай. С ними в этот момент якобы находился и сам хан, который поручил своим слугам выбрать самую красивую женщину в ауле. Ему дают знать, что таковой является красавица-жена отважного Ачемеза, подойти к которому они не посмели. Хан дает указание найти в ауле хорошего, опытного посла и отправить его с поручением к Ачемезу, чтобы он по-хорошему уступил свою жену на одну ночь.

В селе находят бывалого человека по имени Атабий, которого обычно использовали, чтобы решать споры, мирить людей и т.д. В одном из вариантов диалога с Атабием и людьми хана на требование монарха «*Къатынынгы бир кечеге хахлугъун бер!*» – «Уступи на одну ночь свою жену!», советуя вспомнить, куда подевались «*бухар къойлары атасы Ачени*» – «бухарские стада (очевидно, каракулевые. – Х.М.) овец его отца Аче», который однажды был наказан крымцами за непослушание, отважный Ачемез отвечает:

Хан къочхар башын, къой башын неге санайды?
Хан, алай джигит хан эсе,
Алгъын туугъан тюнгюч уланы къайдады?

* * *

Хан почему считает поголовье баранов и овец?
Хан, если такой отважный хан,
Где же его первенец-мальчик?

Здесь и начинается конфликт в форме диалога между неограниченной властью, грубой силой, вседозволенностью со стороны крымского хана и носителем чести, морали и человеческого достоинства – отважным горцем Ачемезом, который завершается убийством зарвавшегося властителя и воспеванием рыцарских достоинств Ачемеза, боровшегося за честь не только семьи, но и всей общины.

Ввиду того, что содержание текста дошло до нас в весьма расплывчатом виде, где в то же время присутствует ряд вариантов, какую-то возможность в раскрытии основных его мотивов даст наличие всех или основных разновидностей данного произведения. Вступление песни имеет устойчивый сюжетный элемент о том, что в ауле появляются нежеланные «гости», которых принимают с почтением, устраивают им *хан къанга* – «царский стол», на что, вместо благодарности, гостеприимным хозяевам они дают знать, что хотели бы осмотреть аул со всех сторон и полюбоваться красивыми дамами. Здесь есть эпизод, отражающий древний обычай на Кавказе, когда гостям предлагают снять боевые доспехи и сложить их в кунацкой, на что они соглашаются после второго «царского стола», давая знать, что пришли из Крыма не только собирать *жасакъ* – «дань», но и развлекаться.

На этом как бы завершается ряд сюжетных элементов, представляющих вступление как элемент композиционной модели песни, и начинается зачин, в котором указывается место действия и характер основных персонажей текста перед главной композиционной частью произведения – кульминацией. Упомянуты три ойконима: Азнаур эл, Ачемез эл и Кёнделен:

Ала Азнауур къабакъгъа келдиле,
Ала анда Азнауургъа
Ханса, бийсе демедиле.
Азнауур къабакъны ала
Къазсыз, тауукъсуз этдиле.
Кърым семенлери андан
Ачемез къабакъгъа келдиле,
Ачемезге ханды, бийди демелле.

* * *

Они пришли в Азнаур-кабак,
Они здесь Азнаура
Не стали почитать как хана, как князя.
Азнаур-кабак они
Без гусей и кур оставили.

Семены крымские затем
Явились в Ачемез-кабак.
Ачемеза не стали они почитать
Как хана, как князя.

Если верить содержанию приводимых строк, Азнаур и Ачемез принадлежали к аристократическим патронимиям и не баловали крымцев своим гостеприимством. В зачинном элементе композиции отмечается, что таковым явился местный житель Алий из рода Казановых, которому дается в тексте отрицательный эпитет *къызбай* – «женоподобный».

Затем имеет место ряд сюжетных элементов, связанных с дальнейшим развитием действий в произведении: однажды крымцы видят красивую женщину, идущую за водой, и интересуются, кто она такая; об этом дают знать своему повелителю-хану, который посылает людей к князю-охотнику с требованием уступить свою жену Боюнчак на одну ночь ему, крымскому хану; Ачемез и его жена идут на хитрость: ласково встречают «гостей» и дают знать, чтобы хан навестил ее во избежание сплетен как можно позднее, а она приготовит для хана *бий тѣшек* – «царское ложе» и т.д. Эти и другие эпизоды ведут к развязке событий – убийству храбрым Ачемезом хана, что вызывает вначале панику в ауле, а затем отважная молодежь собирается вокруг князя и прогоняет крымцев из аула.

Изучение доступных нам вариантов, в том числе записанных нами у разных сказителей в 1970–1980-е гг. текстов, показало, что по одним сказаниям из Крыма в аул приходят сборщики дани вместе со своим ханом, которые стараются во всем угодить повелителю, а по другим – аул посещают просто «семены», один из которых желает развлечься с красивой женщиной. Собирателей дани нелестно характеризуют: «*эсирик бокъла*» – «чванливый навоз», «*бетсиз семенле*» – «бессовестные семены», «*къылыкъсыз эшекле*» – «невоспитанные ослы» и т.д.

Исходя из контекста, под словом «хан» следует понимать чиновника из Крыма. Сам крымский хан не мог принимать участие в сборе дани. Сочинители песни искусно гиперболизировали героизм полюбившегося им героя, осмелившегося убить чиновника из Крыма.

Помимо красоты, жена Ачемеза обладает лучшими качествами женщины. Ее называют *Боюнчакъ* «Ожерелье», *Жанѣлмез* «Бессмертная Душа», *Ѣлмезхан* «Бессмертная Царица». Ее сопровождают эпитеты *кѣз къаматхан* «ослепляющая глаза», *ариу сѣзлю* «красноречивая», *ай бетли* «лунолика», *субай санлы* «стройная» и т.д. Встречаются глагольные определительные формулы с сравнительными оттенками, где стараются воспеть зоркость ее глаз и остроту слуха: *эслегенди къуш кѣзлю* – «орлиноглазая заметила», *къоян къулакълы эшитгенди* – «зайцеухая услышала (разговор неприятелей)».

Авторский монолог насыщен формулами, воспевающими героя песни Ачемеза: *бѣрю кѣзлю* – «с волчьими глазами», *къамача кесген сѣзю* – «словно кинжал, режет его слово», *бек жигит* – «очень отважный», *ай суююп тийгенча*, *кюн суююп жылытханча* – «будто с любовью (его) освещает Луна, будто с охотой согревает (его) Солнце», *берекет берсин Ачемезни тапхан анагъа* – «да будет благословенна мать, родившая Ачемеза» и т.д.

Через несколько лет с целью сбора дани снова навещают аул представители крымского хана, но никто на этот раз им не оказывает достойного сопротивления, т.к. уже нет в живых славных сыновей Темиркана:

Эки Къабарты болур бир Кърым,
Кърым а болмаз Къабартыгъа бир урум.
Бизге быллай кюнле келмез элле,
Жигит Темиркъанны эки жашы,
Ачемез бла Азнаур, сау болсала!

Две Кабарды составили бы один Крым,
Крым бы не выдержал и одного удара Кабарды.
Нас бы не постигли такие дни,
Если бы двое сыновей храброго Темиркана:
Ачемез и Азнаур – были бы живы!

Под «двумя Кабардами» очевидно следует понимать Большую и Малую Кабарду, когда она, единая, в XVIII в. разделилась на два административно-территориальных княжества – Джеляхстаней и Къабардей. Долгие поиски информации о том, где же мог появиться изначальный вариант песни об Ачееве Ачемезе, привели нас к родовому преданию *уллу узденей* – дворян Шидаковых (адурхаевцы), издревле проживающих в Большом Карачае, в ауле Учкулан.

Согласно преданиям, существовало родовое ответвление, атаул Шидаковых, который в народе называли Ачеевыми. Представитель данного атаула, отважный Ачемез, однажды убил зарвавшегося крымского сераскера, чем долго гордились потомки Шидаковых и Ачеевых. Что касается мотива убийства самого крымского хана, это вполне допустимо в фольклорных текстах, тем более в песнях героического характера, где имеют место вольности в изложении художественных элементов.

«Песня о слепом Казаке Толгурове» повествует о бесстрашном воине и защитнике своей земли от набегов полчищ крымского хана. Хотя он был родом из старинного аула Безенги, в произведении речь идет о событиях, имевших место в Баксанском ущелье. Она представляла собой жемчужину духовной сокровищницы Толгуровых и была опубликована в 1990 г. на страницах газеты «Заман» («Время»).

Среди песен периода XVIII в. определенный интерес представляет «Песня о Болаке Биттирове», записанная нами в 1976 г. в Булунгу у старожилов данного села Аппаева Башира Карамурзаевича (1891) и Этезова Зулкая Кулчукаевича (1880), хорошо знавших предания старины о видных личностях балкарских обществ. По рассказам информаторов, их матери, происходившие из рода Биттировых, были выходцами из старинного аула Хулам, где они часто бывали в детстве, отрочестве, юности и слышали там старинные песни, легенды и предания.

«Песню о Болаке», по их воспоминаниям, в начале XX в. исполняли старожилы Хулама Кучмезов Гуё, Биттиров Касбо, Биттиров Аубекир и др. Язык песни архаичен, в лексике содержится ряд топонимов, отражающих названия мест в Хуламо-Безенгийском ущелье. В тексте выделяются некоторые особенности в построении сюжетно-композиционных схем, где особо следует отметить зачин и повествовательные элементы, воспевающие героический характер и образ жизни Болаки, который, очевидно, пользовался большим авторитетом в сельской общине. Об этом говорит и упоминание его имени в письменном памятнике 1715 г., найденном в начале XX в. в квартале Гергоковых в ауле Хулам¹. На наш взгляд, песня носила локальный характер и, по нашим данным, была известна в прошлом в Хуламо-Безенгийском и Чегемском ущельях.

Следует кратко остановиться также и на исторической песне «Бекмырзала, Къайсынла», которую в народе также называют «Песней Тазретовых», «Песней ребят Абаевых». Чем это объяснить? В 1975–1980-х гг., согласно данным ряда фольклорных записей из уст жителей Верхней Балкарии, почти все говорили о том, что отца братьев Бекмырзы и Кайсына звали Жабока, деда – Тазрет, прадеда – Айдабол, прапрадеда – Арслан, и что они, вне всякого сомнения, были выходцами из рода Абаевых.

Ясность в решение проблемы вносит Н.П. Тульчинский, который в 1904 г. подробно останавливался на содержании данной песни, где указывал, что меч «Сары-Кулак – чудодейственная шашка, принадлежавшая Абаевым, а потом перешедшая к Кайсыну (одному из героев данной песни. – Х.М.)»². К тому же в

песне воспевается героизм одних Абаевых и трусость других, оставивших на поле битвы своих родственников:

Пусть исчезнут щеголи Абаевы!
Когда на плоскость выезжаем,
Они в товарищи нам не годятся!
Трусые Абаевы, удирая, в горы ногами впивались.
Если спросят: «Кто они?» –
Эндруковы – князья Алиевы.
Эндруковы, Курмановы,
Когда нас враг настиг,
Не удержались возле нас!³

Не исключена возможность и того, что мотивы кабардинской исторической песни «Кайсын» о благочестивом рыцаре и бесстрашном герое, о котором Шора Ногмов писал: «Кайсын был храбрый витязь, доблестный боец, которого страшились многочисленные толпы...»⁴, – могла быть в прошлом заимствована из балкарского песенного фольклора. В иной же этнической среде, где она прижилась, как это принято в традиции, она могла вбирать характерные именно для нее сюжетно-повествовательные элементы, в том числе изменяя имена персонажей фольклорного текста, как это случилось с песнями о Крымшамхаловых.

Теме наездничества посвящена и «Песня о Рахаеве Токе», герое, принимавшем активное участие в набеге балкарцев на Сванетию. Ток был сыном или внуком свана Рахая, жившего в Безенги и, по преданиям, хорошо знал сванский язык, т.к. родственные отношения со сванами (Рахай и Мусук были родными братьями) поддерживались постоянно. Позже от Рахая пойдет патронимия Рахаевых, от Мусука – Мусуковы. Повзрослев, Ток посещает родственников в Сванетии, изучает язык, быт, географическое расположение сванских сел, а со временем, подобрав удобный момент, отправляется туда с целью грабежа, кражи детей, оружия, живности и т.д.

О Токе была создана специальная песня, воспевающая его героизм, отвагу, мужество, а в случае необходимости для достижения цели – и жестокость. В легенде повествуется о том, что, когда группа балкарцев похитила двух малышек и была окружена, Ток смог перепрыгнуть большой, глубокий обрыв, оказаться на противоположном его берегу, выстрелами из ружья отвлечь сванов и таким образом вывести из окружения несколько человек и спасти им жизнь:

Ах-ах, Рахайланы Токъму эди?
Ёпке-баууру жокъму эди?
Тогъуз эбизеге кесин хорлатмагъан,
Къоркъа билмеген, кесин бюкдюрмеген,
Жигитликге жетсе, кесин сёкдюрмеген,
Жаугъа жетсе, артха турмагъан,
Чаришледе кишиге хорлатмагъан,
Атхан огъу жүрек, бауур жазмагъан,
Базынып, къатына жаулары баралмагъан,
Бешеуленни жесирликден къутхаргъан,
Не къыйынлыкда да кесин бюкдюрмеген!⁵

Ах-ах, это был Рахаев Ток?
Разве у него не было легких и печени?
Не давший себя победить девяти сванам,
Бояться не умеющий, себя не позволяющий согнуть,
Когда до храбрости доходило, не дававший (повода) себя упрекнуть,
Когда сталкивался с врагом, назад не отступавший,
На скачках никому не уступавший,
Чья пущенная пуля мимо сердца, печени не пролетала,

К кому, отважившись, враги не приближались,
От рабства пятерых спасший,
При любых трудностях себя сгибать не дававший!

Сохранилась о Токе и следующая легенда. В Сванетии жил большого роста и огромной физической силы человек, который часто обижал своих соплеменников, полагаясь на свою безнаказанность. Однажды летом, когда богатырь косил сено, Ток прыгнул на него сзади, вцепился в голову и перерезал ему шею. Спрятав где-то в районе перевала его голову, Ток вернулся в Безенги. Узнав об этом, родственники убитого требуют вернуть голову, т.к. без нее похоронить его не могут. Ток выполняет их требование и берет за это выкуп. После этого случая, о нем сочинили следующие поэтические строки:

Ажирлени байтал этген,
Эбизелени шайтан этген
Рахай улу Токъмуса?
Жесир келтирге отмуса?
Буз, кьыш алмагъан бир жан,
Ёлюмню затха санамагъан бир инсан.

Жеребцов превращающий в кобыл,
Сванов в шайтанов превращающий
Рахаев ли ты Ток?
Ты ли мастер привозить пленных?
Создание, что не берут ни лед, ни зима,
Существо, ни во что не ставящее смерть.

К песням XVIII в. следует отнести и такие произведения исторического песенного фольклора, как «*Рачыкъаулань жырлары*» – «Песня о Рачкауовых», «*Абай улу Сосраннь жыры*» – «Песня об Абаеве Сосране», в которых описываются видные деятели княжеских патронимий Чегемского и Черекского ущелий.

Если первая песня публиковалась Н.П. Тульчинским в 1904 г. и была весьма популярна в карачаево-балкарской этнической среде, то «Песня о Сосране Абаеве» до настоящего времени предметом изучения в фольклористике не становилась. Данное произведение было записано нами в 1974 г. в Верхней Балкарии со слов местных жителей: Темукуева Биязурки, Ногерова Нану, Хозаева Хусея, которые помнили незначительное количество строк из некогда, возможно, более богатого текста. В нем воспеваются мудрость, смелость и решительность Сосрана Абаева, личности которого дал высокую оценку в своем очерке «Балкария» Мисост Абаев⁶. Приведем часть данного текста:

Уллу Малкъар тынчлыкъсызды, къазауатды,
Къарт да, жаш да тынчаймайды, солумайды.
Тёгерекден чола малла сюрелле,
Сабийлени ёксюз, атасыз этелле.
Сосран бийди элибизни сакъларыкъ,
Жалан олду халкъ ызындан барлыкъ.

Большая Балкария беспокойна, взволнована,
И стар, и млад не успокаиваются, не отдыхают.
Со всех сторон слабо охраняемые стада угоняют,
Детей в сирот, в безотцовщин превращают.
Лишь князь Сосран способен охранить наше село,
Только он (тот), за кем народ пойдет.

О том, что Сосран пользовался большим уважением общин, говорит и данная устойчивая формула-благопожелание, сохранившаяся в народной памяти до настоящего времени:

Саулай да таулу элlege
Сосранча бийле туусунла.
Элни, адамны, халкъны
Аныча ала къуандырсынла.

Пусть во всех балкарских селах
Рождаются, как Сосран, князья.
Чтобы село, людей, народ,
Как он, они радовали.

В среде балкарцев бытуют также интересная легенда и песня о Тогуза-хане, пращуре жителей аула Зылгы Верхней Балкарии Тогузаевых. Так, местность на склоне Большого Кавказского хребта между Балкарией и Сванетией называют в народе *Тогъуза тешик* – «Пещера Тогузы», и связывают с торговой деятельностью Тогуза-хана. Легенда повествует о том, что смерть Тогуза-хана наступила неожиданно в результате укуса змеи. Его оплакивали всей общиной. По этому случаю был сочинен плач-сарын, который, спустя годы, перерос в народную песню, где воспевались его мудрость, смелость, храбрость и другие достойные качества. Сына его, достойно продолжившего традиции отца, звали Агач-бий, что в интерференции звучит «Лесной-царь».

Обратимся к самой песне «Тогуза-хан», которая в 2002-м и 2003 г. была популярной в печати⁷. Ее носителем был житель сел. Бабугент Тогузаев Хамит Курманович (1887 г.р.), хорошо знавший фольклор. Произведение богато содержательным материалом. Оно напоминает восточную оду трагического характера, где воспевается храбрость героя и оплакивается его смерть:

Ариулугъу айгъа эришген Тогъуза-хан,
Жигитлиги нартладан озгъан Тогъуза-хан,
Айтхан сёзю акъыл болгъан Тогъуза-хан!
Тогъуза-хан ёлет уруш эте эди жортуулда.
Тогъуза-ханны жыйы басып ёлтюргенди.
Тогъузагъа таш къалаугъа салыгъыз,
Аны ючюн сарнау этип жилягъыз.
Тогъуза-ханча киши энди тууармы?
Тогъуза-ханны тутушханда сагъыналла,
Аны сёзюн ауузгъа алып багъалайла.
Тогъуза-хан сыйлылагъа саналгъанды,
Тогъуза-хан минг жугъутур санагъанды⁸.

Красотой соревновавшийся с Луной Тогуза-хан,
Храбростью превосходивший нартов Тогуза-хан,
Мудрые слова произносивший Тогуза-хан!
Тогуза-хан был беспощадным в бою.
Тогуза-хана смертельно ужалила (змея).
Возводите Тогузе склеп из камня,
Оплакивайте его, создав причитание-сарнау.
Родится ли теперь муж, равный Тогуза-хану?
Тогуза-хана вспоминают в поединках, когда сражаются,
Его речи вспоминают с теплом.
Тогуза-хан считался почитаемым (в общине),
Тогуза-хан насчитывал тысячу (убитых) туров.

Как видно, песня строится на сравнениях, для чего в ней используются различного рода глагольные определительные формулы и словосочетания, а также формулы невозможного.

В тексте призывается достойно встретить и всей общиной оплакать смерть Тогуза-хана, выложить из камня склеп и с почестями похоронить его. Эти строки

художественного контекста как бы дают основание поверить, что традиционный обрядовый сарын способствовал созданию большой лироэпической песни, где подобная сюжетно-повествовательная бинарность сыграла большую роль в совершенствовании композиции народного стиха и в целом карачаево-балкарской поэзии.

Исторически Тогуза-хан мог происходить из благородных тюркских родов, а возможно, даже из ханских наследников, которых к тому времени было очень много, и, как известно, после падения Золотой Орды их раздирали внутренняя борьба. Не исключено, что он мог принадлежать и к одному из аристократических огузских племен, которые пользовались большим уважением у соплеменников.

По легенде спустя много лет после смерти Тогуза-хана, в ауле Зылгы холера (*ёлет*) уничтожает почти всех жителей. Оставшийся в живых один из молодых людей – Карабатыр из рода Тогузаевых – тайно вступает в связь с девушкой из дигорской княжеской патронимии Карабугаевых, которую, подобрав удачный момент, похищает с ее согласия и женится на ней, т.к. Карабугаевы заранее дали знать, что не хотят родниться с Тогузаевыми. От этого брака рождается семеро детей мужского пола. Шли годы, и, выяснив, где проживает их непослушная дочь, Карабугаевы, хорошо вооружившись и улучив момент, полностью вырезали всех братьев Тогузаевых и их мать (Карабугаеву). Чудом спасается бегством сноха Тогузаевых из рода Темиржановых, у которой вскоре рождается мальчик. От него потом вновь пошел род Тогузаевых.

Сохранился небольшой текст, напоминающий традиционный плач-горевание *кюй* по трагическому случаю. Он был записан нами в 1978 г. в сел. Бабугент в исполнении 104-летнего Тогузаева Хамида Курмановича:

Къарабугъгаланы бийле – огъурсуз жанла,
Къамала, бичакъла эрттеден хазырлайла.
Жашырын, тюлкюлеча, Тогъузалагъа кирдиле,
Къутургъан бёрюлеча, юслерине секирдиле.
Арбазны, юйню кызыл къаннга алдырдыла,
Сабий, къарт къоймай, барын къырдыла.
Кече бла жауларын тап марала,
Зылгы элге уллу ачыу салдыла,
Кёп къабырла Къая-Тюбюнде къаздырдыла.

Князя Карабугаевы – жестокие существа,
Кинжалы, ножи издавна готовят.
Тайком, словно лисы, к Тогузаевым проникли,
Словно бешеные волки, на них напали.
Двор, дом красной кровью залили,
Детей, стариков не жалея, всех уничтожили.
Ночью они хорошо подстерегли своих врагов,
Аулу Зылгы большое горе причинили,
Много могил в Кая-Тюбю вынудили выкопать.

Известно, что к такой жестокости привела средневековая мораль, согласно которой девушка из известной княжеской патронимии не могла вступить в брак с узденем (дворянином) без согласия на то родителей.

В карачаево-балкарском песенном фольклоре существует также ряд произведений историко-героического характера, внутренняя классификация которых позволяет отнести их к разряду «песен о набегах». Это такие хорошо известные в народе и исполняемые до настоящего времени тексты поэтической словесности, как «Чёпеллеу из рода Загаштоковых», «Отара овец Кобановых» или «Песня Кобановых», «Джандар», «Ильяс», «Чёпеллеу», «Заурбек», «Салимгерий», «Татаркан», «Песня смелого, бесстрашного карачаевца» и т.д. Они воспевают храбрость, удаль, подвиги отдельно взятой личности.

Так, песня «Чёпеллеу» повествует об абреке из рода Загаштоковых, для которого основным занятием были набеги на чужие земли ради угона скота, кражи детей с целью продажи, т.е. грабеж. Текст начинается с диалога между женой абрека *бийче* – «княгиней» и Чёпеллеу, где она упрекает мужа в том, что ему пора уже успокоиться и отдыхать в богатой чистой постели, приготовленной для него: *тюбюнге жайгъанма дарий, къанауат* – «постелила тебе снизу шелка», *юсюнге жайгъанма дарий жууургъан* – «сверху накрыла тебя шелковым одеялом», *башынга да салгъанма, жаным, къуу жастыкъ* – «и под голову тебе положила, душа моя, подушку из чистого пуха».

Княгиня трижды спрашивает: «*Энди неге тынчаймайса?*» – «Чего же ты теперь не успокоишься, не отдохнешь?», призывает его к спокойной жизни. На это он отвечает жене, что его тянет на подвиги, и далее совершает с друзьями набег в аул Чегет-Эль, откуда им удастся похитить несколько детей, цена на которых в те времена везде была высока. Вскоре ему хочется повторить набег в тот самый аул Чегет-Эль, но на сей раз его поджидала неудача. Друзья и любимая жена Чёпеллеу пытаются отговорить его, убеждая, что они видели сон о неудаче предстоящего набега, а потому просят отложить его, на что Чёпеллеу никак не соглашается и с друзьями отправляется в опасный путь. Когда смогли отбить табун и погнали его в горы, они были вскоре окружены и убиты жителями аула Чегет-Эль.

В другой песне, «Джандар», повествуется о том, как карачаевцы расположили свои кошары и мирно пасли стада овец сельчан. В коше находились два взрослых пастуха – Джандар и старший Хусейн, остальные же были подростки и дети, которые помогали им. Однажды Джандар замечает, что группа всадников намеревается на них напасть и угнать стада, об этом он говорит Хусейну. Предлагается в случае нападения оказать сопротивление врагам и не допустить, чтобы они смогли угнать общественный скот, на что Хусейн отвечает, что он пойдет в аул и поднимет народ на помощь, т.к. их силы сейчас не равны, ибо оказать достойный отпор численно превосходящим врагам они не в состоянии. Тогда Джандар просит Хусейна оставить ему для защиты свой знаменитый *къара къама* – «черный кинжал», на что снова получает отказ. После этого герой песни до остроты точит свое оружие – *кезлик бичакъ* – «обыкновенный нож», детей ставит в качестве часовых, а сам заходит в кошару, где занимает оборонительную позицию.

Подкравшись близко, абреки начали входить в помещение – *кош*, где обычно спят пастухи. Джандар незаметно наносил ножом удары, и таким образом убил девятерых абреков, намеревавшихся угнать стада овец, доверенные ему сельчанами. Видя такую картину, находящиеся снаружи налетчики удивляются: мол, в чем дело, почему обратно никто не выходит? Тогда один из карачаевцев, тайно сговорившийся с абреками и сообщавший им информацию против своих, – Махитчи из рода Карабашевых, – говорит им, что, очевидно, внутри находится кто-то и убивает людей, а потому следует сжечь кошару. Когда начался пожар, не выдержав пламени, Джандар выбегает из помещения. Окружив со всех сторон, враги жестоко убивают его. Прибывшие на следующий день карачаевцы увидели сгоревшую кошару, угнанный скот и мертвого Джандара и сложили песню о его героизме. Она и до настоящего времени исполняется на массовых празднествах и при застольях. Каждый из персонажей занимает достойное место в авторском повествовании. Положительными героями в произведении, помимо Джандара, являются его мать Майса, вырастившая такого сына, и младший брат Иллякук, такой же храбрый и отчаянный, как Джандар. Отрицательными персонажами выглядят Хусейн из рода Хубиевых и Махитчи из рода Карабашевых, который исполнял роль наводчика и привел кызылбеков-абреков в кошару карачаевцев.

Основным художественным приемом в передаче содержания песни является конфликт, который играет основную роль, начиная с вступления и до развязки. Он состоит из трех повествовательных сюжетных элементов: первый – это

противоречия Джандара с Хусейном, когда он просит товарища подготовиться к оборонительным действиям и получает от него отказ; второй – диалог, когда Джандар просит Хусейна оставить свой *къара кама* – «черный кинжал» «... раз покидает кош и отказывается противостоять врагам...»; третий – основной конфликт в произведении, когда, укрывшись в коше, неожиданными ударами ножа он убивает девять человек.

Песня насыщена сравнительными оборотами и опорными конструкциями: «*къара къама*» – «черный кинжал», «*къайын быкъы*» – «березовый быкы», «*къая ыран*» – «скалистая расщелина», «*от*» – «огонь», «*хуна таиш*» – «камень для ограды», «*кёксюл гебенек*» – «синяя шапочка». В формуле «*къара къама*» определяющая конструкция «*къара*» теряет свое прямое значение «черный» и выражает понятие «ценный», «качественный», «из особого металла» и т.д. В речи пожилых людей данное словосочетание приобретает особое значение. Когда выражают крайнее недовольство в отношении своих родственников, они употребляют формулу «*Дуньядан кетсем а, къара къамамы биргемми элтирикме да!*» – «А если и покину этот мир, свой черный кинжал с собой что ли заберу!».

Примечания

1. *Лаеров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Т. IV. С. 105–106.
2. *Тулчинский Н.П.* Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983. С. 230.
3. Там же. С. 231.
4. *Ногмов Ш.* История адыгейского народа. Нальчик, 1962. С. 105–106.
5. Личный архив Х.Х. Малкондуева. Запись 1979 г. в сел. Безенги от Исмаила Хусейнаева.
6. *Абаев М.* Балкария: Исторический очерк. Нальчик, 1992. С. 16–17.
7. Советская молодежь. 2002. 4 дек.
8. Советская молодежь. 2002. 4 дек. Материал предоставлен Тогузаевым Магомедом Исмаиловичем.

Н.Н. Malkonduiev

KARACHAY-BALKARIAN HEROIC-HISTORICAL SONG FOLKLORE OF XVIII CENTURY. FEATURES OF NARRATIVE MOTIVES

On the rich material of songs and folklore for the first time the features of the genre, compositional, artistic and stylistic means of Karachay-Balkar national historical and heroic songs of the XVIII century are examined.

Keywords: peculiarity of genre, XVIII century, heroic song, songs about the raids, composition, Digoria, Karachay, horsemanship, narration, motif, poetics.

Быхтурэ М.Ф., ГьукIэ А.В., Жылэтеж Хь.Ч.

СЮЖЕТ И ЛЪЭНЫКЪУЭКИЭ НАРТ БАТРЭЗ И ЦИКЛЫМ БГЪЭДЭЛЪ ЦХЪЭХУЭНЫГЪЭХЭР

Лэжыгъэр теухуаш Батрээ и циклыр зэрызэхэт сюжетхэм ябгъэдэлъ цхъэхуэныгъэхэр налуэ къэщыным. Гульыгэ лей ягъуэтащ Хьымыщ къызэришамрэ зэраукIамрэ, Батрээ къызэралъхуамрэ и сабиигъуэмрэ, лыхъужьым и лыщIэжыкIамрэ ар дунейм зэрехыжамрэ къэзылуэтэж сюжетхэм. Циклым зыщызужъа псысэ сюжетхуэ АТ300, АТ302, АТ307, АТ315, АТ516В, АТ612, АТ875Е*, АТ960А, Еб-Во 62. III. 6, Еб-Во 204, Еб-Во 257-III, н. кыхэгъэшхъэхуэныным статьям щыпIэ цхъэхуэ цыхухэхаш.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: лыхъужь эпос, нарт эпос, сюжет, мотив, Батрээ, псысэ.

Батрээ ехьэлIа циклыр нарт эпосым увьпIэ нэхьыщхъэ щызылыгъэхэм ящыщ зыщ. Абы кыхэкIкIэ, жыпIэ хьунуш, адыгэ Iуэрылуатэр щаджкIэ, мы лыхъужьым ехьэлIа хьыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ щIэныгъэлIхэм я нэлэ сыт цыгъуи тету. НэгъуэщIу жыпIэмэ, адыгэ Iуэрылуатэр зэпкърызыха къэхутакуэхэм яхэту къыщIэкIынкъым, зэгуэр мы циклым и гугъу зымыщларэ темытхыхьарэ. Псом хуэмыдэу, мы Iуэхугъуэм ипкъ иткIэ ехьулIэныгъэфIхэр зыIэрагъэхьауэ шытащ ХХ-нэ лIэщIыгъуэм и еIуанэ Iыхьэм. А зэманхэм дунейм къытехьащ Алий А.И.¹, Гьут I.М.², ХьэдэгъэлIэ А.М.³, Хьут Ш.Хь.⁴, н. я лэжыгъэ купщIафIэхэр. Абыхэм я IэдакъэщIэкIхэр Батрээ и цикл къудейм емыхьэлIами, дэтхэнэм и лэжыгъэми абы Iыхьэ цхъэхуэ цыхухэхаш: образхэр, сюжет, мотив цхъэхуэхэр, бзэ и лэныкъуэкIэ бгъэдэлъ къулеягъыр, нэгъуэщI Iуэхугъуэ куэди цызэпкърыхаш. Ауэ, дауэ щымытамы, зэкIэ щыIэкъым нарт эпос псор зэрызэхэт сюжетхэр къэзыгъэлыагъуэ лэжыгъэ. Абы цыгъуэми, мыр ди зэманым нэхь мыхьэнэшхуэ зиIуэ щIэныгъэлI куэдым къалгытащ, икIи жанр зэмылIэужьыгъуэхэм елэжъ зыкъомым я къэхутэныгъэхэр абы хуаунэтIащ.

Сюжетгъэлыагъуэ зэхэлъхьэнымкIэ ехьулIэныгъэфIхэр зыIэригъэхьауэ жыпIэ хьунуш адыгэ псысэхэр (таурыхьэр) зыдж щIэныгъэм: япэрауэ, сюжетхэр къызэрэхэбгъэкIыну, зэрыбгуэшыну Iэмалхэр убзыхуа хьуащ; еIуанэрауэ, таурыхь жанрым илIэужьыгъуэ цхъэхуэхэм я сюжетгъэлыагъуэ дунейм къытехьащ. Сюжет псори къыщызэщIэмыкъуами, Алий А.И. зэхилъхьащ телъыджей псысэхэм я сюжетгъэлыагъуэ⁵. Ар къызыхуэтхэр къилгытауэ, мы жанр лIэужьыгъуэм и сюжет псори къыщызэщIэкъуа сюжетгъэлыагъуэм иджыпсту йолэжъ Тхьэмокъуэ Ж.Хь., куэд мыщIуи ар дунейм къытехьэнуш. Нэхь пасэу Тхьэмокъуэ Ж.Хь. и Iэдакъэ къыщIэкIащ адыгэ новеллэ таурыхьхэм ехьэлIа япэ сюжетгъэлыагъуэр⁶. Мыбдежым къыщызэщIэкъуащ мы псысэ гупым узыщрихьэлIэ сюжет псори. Мы лэжыгъэхэм псоми лъабжъэ яхуэхьуащ куэд щIауэ щIэныгъэм къишта Аарнерэ Томпсонрэ я дунейпсо сюжетгъэлыагъуэр⁷.

Нарт эпосым ехьэлIауэ жыпIэмэ, дызытепсэлъыхь Iуэхугъуэм ипкъ иткIэ мыбыи япэ лъэбакъуэхэр ичауэ къэплгытэ хьунуш. 1957 гъэм Е.М. Мелетинскэм игъэхьэзырауэ шытащ япэ сюжетгъэлыагъуэр⁸. Ауэ мыбы тегъэщIапIэ хуэхьуар урысыбзэкIэ къыдэкIауэ щыIэ текстхэрати, сюжет псори къыщыгъэлыагъуа хьуакъым. Апхуэдэу щыт пэтми, щIэныгъэлIым къыхилъхьа гупсысэхэр куэдым къыздащтащ, ахэр я лъабжъуи сюжетхэр ягъэбелджылыуэ щIадащ. Апхуэдэу 1974 гъэм А.Х. Базыровым осетинхэм я деж щызекIуэ лыхъужь эпосым сюжетгъэлыагъуэ хузэхилъхьащ⁹. БлэкIа лIэщIыгъуэм и 80 гъэхэм

кышыщIэдзауэ нобэр кыздэсым лэжыгьэ купщIафIэ куэд и Iэдакьэ кыщIокI абхъаз нарт эпосыр зыдж З.Д. Джапуа. Абыхэм ящыщI щIэныгьэлIым зэхилъхьа сюжетгьэлъагьуэри¹⁰.

Дэри, ищхьэкIэ зи гугьу тщIа еджагьэшхуэхэм я лэжыгьэхэр тегьэщIапIэ тщIыкIэрэ, Батрээ и циклым сюжетгьэлъагьуэ хузэхэтлъхьащ. Пэжщ, мыр зэкIэ дунейм кытехьакьым, ауэ абы дышелэжьым, сюжет и лэаныкьуэкIэ циклым щхьэхуэныгьэ зыбжанэ бгьэдэлъу гу лытгащи, мы лэжыгьэм ахэр щызэпкьрытхыну мурад тщIащ.

Мы Iуэхугьуэм дыщыпэрыхьэм, тегьэщIапIэ тщIащ ХьэдэгьэлIэ Аскэр зэхилъхьауэ шыта «Нартхэр. Адыгэ эпос» тхылъым и 4-нэ томыр¹¹. Абы щхьэусыгьуэ нэхьыщхьэ хуэхуащ зэрыхуекIэ хьыбар, пшыналъэ псори кызырэзыщIикьуэным, адыгейхэми, кьэбэрдейхэми, шэрджэсхэми, уеблэмэ, хамэ кьэрал шыпсэу адыгэхэми я вариантхэр тхылъым зэрыхигьэхьэным щIэныгьэлIыр зэрыхущIэкьуар.

ЩIэтпшытыкIа хьыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ (псори 69 мэхуэ) кызырагьэлъэгьуамкIэ, Батрээ и циклым сюжет 20-м нэблагьэ кызыэщIеубыдэ. А псори гупитIу бгуэш хьуну кьыдолъытэ: 1) езы циклым «кыгьэщIа» сюжетхэр; 2) нэгьуэщI жанрхэм кыыхэкIыу циклым кыыхыхьа сюжетхэр.

Япэ гупыр зэхэтщ лыхьужьым и гьащIэ гьуэгуанэр кьэзыгьэлъэгьуэж сюжетхэу. Апхуэдэхэщ, псалъэм папщIэ, и дуней кытехьэкIар, и сабиигьуэр, джатэмрэ шымрэ кызырэIэрыхьар, игьэхьа лыхьужьыгьэхэр, дунейм зэрехьжа щIыкIэр кьэзыIуэтгьэхэр. Мыбдежым гу лытапхьэщ мы кыжытIа дыдэхэм адрей нарт лыхьужьхэм (Сосрыкьуи, Ашэмэзи, Бэдынокьуи, Щауеи, н.) ехьэлIа IуэрыIуатэхэкIхэм уазэрыщрихьэлIэри. НэгьуэщIу жыпIэмэ, сюжетхэр зыщ, цикл псоми я зэхуэдэщ, ауэ, нэхьыщхьэращи, дэтхэнэ зы цикли езым и кьэIуэтэкIэ, адрейхэм кьащхьэщызыгьэкI щхьэхуэныгьэ иIэжщ. Апхуэдэу зэрыщытыр арщ ди лэпкь эпосыр кьулей зыщIыжри. Мы кыжытIам ехьэлIауэ Гьут I.M. мыпхуэдэу етх: «Нарт эпосым узыщрихьэлIэ мотивхэм я купщIэр мы Iуэхугьуэхэм кьагьэщI: лыхьужьыр телъыджэу дунейм кытехьэным (чудесное рождение), и сабиигьуэм, лыхьужьыгьэкIэ гьэпса нысащIэ кьэлъыхьуэным, лыхьужьыр гьэунэхуным, бийм езэуэным, лы щIэжыным, н.»¹². АдэкIэ щIэныгьэлIым гу зэрылтытащи, мыхэр циклхэм зэмылIэужьыгьуэрэ кьэгьэлъэгьуа зэрыхур елытащ: «1) мотивхэм я зэхыхьэкIэм; 2) зы мотивыр зэмыщхьу дэтхэнэми кызырэшыщIуэтэм»¹³.

Мы IуэхугьуитIым уригьуазэмэ, наIуэ кьохуэ цикл псоми зэдай сюжетхэр Батрээ ейм щыхыхьэкIэ, дэтхэнэми адрейхэм хуэмыдэ теплъэ зэригьуэтыр.

Мыбдежым кыжыIапхьэщ, япэрауэ, Батрээ ехьэлIа сюжетхэмрэ мотивхэмрэ щаджкIэ, щIэныгьэлI куэдым гулгытэ лей зыхуащIар мы япэ гупым кызыэщIиубыдэхэр арауэ зэрыщытыр. Ауэ, дызриплъа хьыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ кызырагьэлъэгьуамкIэ, циклыр кьулейщ нэгьуэщI жанрхэм, псом хуэмыдэу псысэхэм кыыхэкIа сюжетхэмкIи. ЕтIуанэрауэ, ущрихьэлIэ щыIэщ зы сюжетым е мотивым и зы кьэIуэтэкIэ лIэужьыгьуэ (вариант) фIэкIа кызыщымыхьа кьэхутэныгыи. Абы шыгьуэми, текстхэр щызэбгьапщэкIэ, гу лъумытэу кьанэркьым дэтхэнэ зы кьэIуэтэкIэми щIэщыгьуэ, гьэщIэгьуэн гуэр кызырэыхьэбелджылыкьым, а щIыкIэмкIи циклым и кьулеягьыр Iэта зэрыхуэм. А псор кьэтлытэри дэ дыхущIэкьуащ дэтхэнэ зы сюжетри, мотиври, абыхэм я кьэIуэтэкIэ лIэужьыгьуэхэри лэжыгьэм кызырэшыщызэщIэткьуэным.

Хьымыщ физ кьызыришар, фызыр зэрикIыжар

Языныкьуэ циклхэр лыхьужьым и дуней кытехьэкIар кызыыхьыжымкIэ кыщIидзэмэ, Батрээ ехьэлIахэм шыцу япэ итыр и адэ Хьымыщым физ

кызыришамрэ ар зэриклыжамрэ кызылуэтэжырщ. Сюжетыр нэхыбэрэ дызрихэллэхэм ящыщ: шлэтпшытыкIа текстхэм 14-м ущыхуозэ, икIи дэтхэнэм дежшиIэри зы теплэщ. Ауэ ущрихэллэ шыIэщ сюжетым хэтын хуей пкыыгуэхэм шыщ чэму кышыкIуи. Апхуэдэхэщ 487, 490, 491, 502, 508 текстхэм сюжетыр кызырышыгыгьэлэгьуар. Нэхь ирикьуу кьэлүэта сюжетыр мыпхуэдэ пкыыгуэхэу зэхэтц: 1) Хьымыщ шакIуэ кIуауэ испыпшыым хуозэ; 2) испыпшыым деж шохьэщIэ; 3) испыпхьум йогуакIуэри кьыдэжIуэну жреIэ; 4) «мыгьуэ цыкIуэIэ» кьемыджэну кыпегьэтIыльри кьыдожIуэ; 5) Хьымыщ ита псалъэм йопцIыж; 6) испы-гуащэр йокIыж (епль: 485, 486, 488, 489, 494, 503, 504, 505, 506 текстхэм).

Хьымыщ зэраукIар

КыкIэллыкIуэ сюжетыр теухуащ Батрээ и адэ Хьымыщыр зэраукIам. Хьымыщ кызыришар кызылуэтэж сюжетым кыщхьэщыкIуу, мыбы кьэлүэтэжIэ лэужыгыгуищ иIэщ:

1. Япэу кыыхэбгьэки хьунуц и тIасхьапIэр (и ажалыр, и псэр зыхэлгыр) кьащIэу лыхьужыыр зэраукIыр зи льябжэ мотивым кытепшыкIа сюжетыр. Дызэрышыгыгуазэщи, мотивыр дунейпсо Iуэрылуатэм зыщызужыахэм ящыщ зыщ, адыгэ Iуэрылуатэми зэмылIэужыгыгуэ куэду шызэщхьэщыкIыжаш. Ауэ а псом емыщхь теплэ Хьымыщ ехьэлIа сюжетым циклым шигьуэтащ: Батрээ и адэм и Iэпкыльэпкыыр тIасхьэ шыхьур езымрэ ар зыпIыжа и атэлыкь анэмрэ я нэплэгьуэхэр шызэтехуэжIэщ. Уэрсэрыжь (уду кьэгьэлэгьуащ) а Iуэхум шыгыгуазэщи, абы и чэнджэщкIэ, нартхэм Хьымыщыр зытежеихьа пхьэм трапхэри Iуэлъауэшхуэ кьалэт. Iуэлъауэм кыгьэщта фызыжыыр унэм кыщIож, и кьанымрэ абырэ шызэпIа дакыкьэм хуэзэу нартхэр Хьымыщ йоуэри якуI (епль: 489, 492 текстхэм).

2. Дызытепсэлгыхь циклым нэхь зыщызужыар мы етIуанэ кьэлүэтэжIэрщ. Япэр текститI кьудейм фIэкла кыыхэмыщмэ, мыбы 17-м ущыхуозэ, ауэ нэхыбэм сюжетыр ирикьуу кышылуэтыкьым, уеблэмэ, зы пкыыгуэ фIэкла зыхэмыхьаи хэтц: 485, 488, 493, 499, 503, 506, 507, 509, 513, 533, 538, 539, 551. Мыпхуэдэ шытыкIэр зыхэпIагыгуэ хабзэр сюжет зыбжанэу зэхэхуэна текстхэрщ.

Нэхь машIэми, Хьымыщ зэраукIам теухуа текст шхьэхуэхэми циклым ущыхуозэ, икIи мыхэращ сюжетыр нэхь ирикьуу кызышыгыгьэлэгьуар: 490, 491, 512, 545.

Хьымыщ зукIамрэ шIаукIамрэ и шхьэусыгыгуэ елыгытауэ, мы вариантыр езым и кьэлүэтэжIэжIэ зэщхьэщокIыж. Псалъэм папщIэ, Батрээ и адэр кьеукI: а) пшы-Марыкьуэ; б) Пшы-Дадэ; в) Алыдж; г) Нэрыкьуэпщ; д) Темрыкьуэ; е) Льэгуц-ЖьакIэм, н.

ШIаукIам шхьэусыгыгуэ хуохьу: а) нартхэм кьахуэмыукIа кхьуэпIащэр Хьымыщ кьеукI, абы Пшы-Марыкьуэ кьегьэгубжьри, бий кыыхуохьу (епль: 485); б) Хьымыщ и лыгьэм папщIэ йофыгыгуэхэри, нартхэм ар Пшы-Марыкьуэ ирагьэукI (епль: 488); в) Хьымыщ пэувын мэшынэхэри нартхэм ар иныжь шIыналъэм гьэпцIагьэжIэ яшэ. Хьымыщ иныжьым шезауэм ирырегьэхьэлIэ, и шIыбагы кьыдохьэри Пшы-Марыкьуэ ар еукI (епль: 490); г) Пшы-Дадэрэ Хьымыщрэ пшыгьэр («мывэ шэнтыр») зэпаубыдри, Хьымыщыр кьеукI (епль: 512), н.

Мы кьэтхьа шакIхэ зыбжанэмкIэ мотивыр кызырылуэтам и лэужыгыгуэхэр зэфIэжIыркьым, ауэ мыхэри адреи дызытемыпсэлгыхьу кьэнахэри зы шытыкIэм кызыщлеубыдэ: Хьымыщыр лыгьэрэ хахуагькIэ адреи нартхэм йофIэки, абы шхьэки жэгьуэгьу егьуэт, гьэпцIагьэжIэ кьаукI. АбыкIэ зэрызэтехуэрщ мы псори зы вариант лэужыгыгуэу кыщIыхэдгьэжIари.

3. Хьымыщ зэраукIам ехьэллэхэм я ещанэ лэужыгыгуэу кьэплгытэ хьунуц мыпхуэдэ кьэлүэтэжIэ зилэ сюжетыр: Пшы-Марыкьуэ и кьуэхэщ Хьымыщрэ

Чэчанрэ; я адэм и кьуитГыр кьызэхеху; иужькIэ щIогьуэжри, ириггэгээжын мурадкIэ, дзэшхуэ щIыгьуу, пщы-Марыкьуэ Хьымыщ деж макIуэ; мыдрейм игьээжын щимыдэм, еукI.

ДызэпIахэм щыщу мыпхуэдэ сюжет зыхэтIагьуэр зы текст закьуэщ: 484.

Батрээ дунейм кьызыртехьар

КьыкIэлъыкIуэ сюжетыр Батрээ дунейм кьызыртехьар кьэзыIуэтэжырщ. Мыбыи вариантIу циклым зыщиужьащ:

1. Япэ вариантыр кьыпкьрокI телъыджагэ хэлъу лIыхужьыр дунейм кьызыртехьэр зи лъабжэ мотивым.

Хьымыщ и псалэ епщIыжу и щхьэгьусэр икIыжа нэужь, кьишэжын мурадкIэ абы кIэлъокIуэ. Испы-гуащэм Хьымыщыр махьсымэ кьрегафэри чэф ещI, и тхыцIэр зэгьуепщIыкIри абы допсэ, сабийр и пэмкIэ кьольэтри лIым и тхыцIэм хохуэ, тхыцIэр испы-гуащэм зэгьудэжри Хьымыщыр кьеутIыпщыж. Мазэ бжыггэр докIри, Батрээ Хьымыщ и тхыцIэм кьыдах.

ЩIэтпщытыкIахэм щыщу мы вариантым дызыщрихьэлIэр текститI кьудейщ – 504, 508.

2. Нэхьыбэу циклым дызыщрихьэлIэр мы етIуанэ кьэIуэтэкIэрщ: испыхьум зиггэгусэу и дыщ кIуэжа нэужь, Батрээ дунейм кьытохьэ; абы ирихьэлIуэ Хьымыщыр кьаукI; испы-гуащэм, и щхьэгьусэм ита псалэм зэрытемытыжам кьеггэгубжьри, сабийр ипIын имыдэу нартхэм кьахь (языныкьуэхэм деж: нартхэм, хабзэм тегу, зиль яггэжам и быныр япIыну кьахь). Мы вариантым текст 24-м ущыхуозэ: 484, 488, 493, 497, 499, 502, 503, 505, 506, 507, 509, 513, 515, 516, 517, 519, 521, 523, 524, 525, 526, 533, 545, 551.

Батрээ и сабиигьуэр

Батрээ и сабиигьуэр кьызыхэщыж сюжетыр лIыхужьыггэкIэ гьэпса мотив зыбжанэу зэхухуэнауэ циклым зыщиужьащ. Апхуэдэу кьыхэбггэщхьэхукI хьунуц Батрээ шхэкIэ зэрыраггэщIар, гуцэм кьыхэкIыу япэ лъэбакьуэхэр зэричар, псынщIэу зэрыхэхьуэр, н. Адыггэхэм я деж щимызакьуэу, мы мотивхэм дунейпсо IуэрыIуатэми увьпIэшхуэ шаубыд, икIи псом дежи мы щытыкIэхэр сабийм бггэдэлъыныр и нэцэнэщ ар (сабийр) пелуан зэрыхьунум.

1. Сабийм, иужькIэ пелуан хьунум, ираггэщх шхыныгьуэхэр адрейхэм ейм кьазэрыщхьэщыкIыр кьэзыIуатэ мотивым нарт эпосыр зэрызэхэт дэтхэнэ зы циклами ущрохьэлIэ. Абы ипкь иткIэ Батрээ и хьыбархэмрэ пшыналггэхэмрэ яIэ щхьэхуэныггэр кьридггэлъэгьуэну, мыдрей нарт лIыхужьхэм ехьэлIа цапхэ зыбжанэ кьэтхьынщ: Лъэпщ и чэнджэщкIэ, Сэтэней Сосрыкьуэ шышэкIэ еггашхэ, хугу гьэлыгьуа хьэжыжар шышэкIэ пщыжауэ абы кьыхэщIыкIа хьэтыкь иреггшх, Iэщым и куэлым фIэкIа зыри Iуиггяхуэркьым¹⁴. Бэдынокьуэ илггэсий хьуху, и анэ и быдзышэ фIэкIа, зыри Iухуакьым, иужькIэ бланэлкIэ япIащ¹⁵. Щауей мылыпсым анэ быдзышэ папщIэу ираггэфэу, мыл гуцэм шаггэжейуэ япIащ¹⁶.

Мы мотивым Батрээ ехьэлIа циклым мыпхуэдэу кьэIуэтэкIэ щегьуэт: щIалэ цIыкIур нартхэм кьахьа щхьэкIэ яхуэшхэркьым. Ар испы гуащэм щыжралэкIэ, жэуапкьарет, Батрээ нэгьуэщI цIыхубз и быдзыши, жэмыши, мэлъыши, хьывыши кьызыримищтэнур, абы кьыхэкIкIэ жыгей пхэ дэпымкIэ, языныкьуэ текстхэм кьызырэхэщымкIэ, дей кIаблэм и псымкIэ яггэщхэн хуейуи кьажреIэ (еплэ: 494, 497, 498, 499, 500, 503, 504, 505 текстхэм).

Гу лъытапхьэщ Батрээ и гуцэр кьызыхэщIыкIами. Текст псоми кьазэрыхэщымкIэ, «хэщаем и быдэр и гуцэ бгьуитIу, Iэнаем и быдэр натIитIу, бланэм и тхыцIафэр гуцэпсу» гуцэ хуащIри сабийр хапхэ.

2. Дызытепсэлыхь сюжетым и ухуэкЛэм тепщЛыхьмэ, мыбы кыкЛэлбокЛуэ Батрээ япэ лъэбакъуэхэр зэричар кызыхэщ мотивыр. Апхуэдиз зи быдагъ гущэ натЛэхэр кылуеуд, хывыфэ гущэпсыр зэпечри, сабийр жыхафэгум кытохьэ. АдэкЛэ мотивым и кэлэуэтэкЛар лЛэужькыгъуишу зэщхэщокЛ:

а) Батрээ гущэм кызырэбэкъуэху, кЛэн джэгум яхохьэ; и кЛэнхэр фЛэхьэху; ахэр кьатрихыжыну яужь щихьэкЛэ, адрей сабийхэм кыжралэ, езыхэм къашымыхьэу и адэр зыукЛар кыгъуэтыжмэ нэхьыфЛу.

Къэтпщыта текстхэм щышу 19-м мотивыр кыхош: 493, 497, 499, 500, 503, 505, 507, 509, 515, 516, 517, 519, 521, 522, 523, 524, 526, 529, 538. Ауэ, гъэщЛэгъуэныраши, а псом щышу нэхь ирикъуу мыр кызыщылуэтар зы текст закъуэщ – 497-рщ. Адрейхэм пкыгъуэ псори щыхъумакъым, уеблэмэ, гущэм кызырэхэкЛар кээзыхэщ Лыхьэм фЛэкЛэ зыхэмыт тексти щыЛэщ. Апхуэдэу мотивым иЛэн хуей кэлэуэтэкЛэм чэм лауэ щыщытым и щхьэусыгъуэщ, дэ зэрыхуэдгъэфашэмкЛэ, мыр нэгъуэщЛэ циклым, нэхь тэмэму жыпЛэмэ, Ашэмэз ехьэлЛам кыкЛыу Батрээ ейм кызырэыхыхар. ДызэреплтымкЛэ, мыпхуэдэу щыхъум, Батрээ и циклым иЛэ хабзэ кэлэуэтэкЛэмрэ Ашэмэз еймрэ «зэхэхуэна» хьуаш.

Мы мотивым сыт щыгъуи къепхауэ щытщ Ашэмэз и адэр зукЛам и цЛэр и анэм кызырэыригъэлуатэ щыкЛэр кызыхэщыр. Ар зэхэтщ мыпхуэдэ пкыгъуэхуэ:

- лЛыхъужьым сымаджэ нэпцЛэ зещЛри пЛэм хогъуальхьэ;
- анэм абы шхын пщтыр (мэрамысэ, хьэ гъэлыгъуа, н.) хуепщэфЛ;
- шхын пщтырыр кышыцуишийкЛэ, Ашэмэз и анэм и Лэр еубыдри ирегъэс, апхуэдэ щыкЛэкЛэ и адэр зукЛар кьрегъэлуатэ.

Мы мотиври Батрээ и циклым хыхьаш, текстиблми (493, 506, 507, 509, 533, 538, 539) абы ушыхуозэ, ауэ абы щышу къэтхьа пкыгъуэхэр ирикъуу зыхэтыр текстищырщ: 507, 509, 533.

б) Мы етЛуанэ лЛэужькыгъуэр Батрээ и циклым щызэфЛувауэ жыпЛэ хьунуш. Батрээ гущэм кызырэхэкЛамкЛэ нартхэм кьагуролуэ, ар кьэхьумэ, лыгъэшхуэ кызырэылькыуэкЛынуш, и адэм иль зэрищЛэжынуш, абы кыхьэкЛэ, сабийр зэрагъэкЛуэдыным яужь йохьэ:

- щЛалэ цыкЛур пхьуантэм дальхьэри псым хадзэ;
- нарт Лэхьуэхэм кьагъуэтри ильэсиблкЛэ япЛ;
- шы-уанэ кьратри, Батрээ и адэм иль ищЛэжынуш йожьэ.

Мыпхуэдэ щытыкЛэ иЛэу мотивыр текст 22-м кышыгъэлыгъуаш: 484, 496, 499, 502, 503, 505, 506, 509, 513, 515, 516, 518, 519, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 528, 545, 551. Абы щыгъуэми, пкыгъуэ гуэр чэму кызыщыкЛуэр текстиплЛ кьудейщ (484, 502, 509, 528), адрейхэм хабзэкЛэ яЛэн хуей ухуэкЛэр ядыдолъагъу, ар хьыбару е пшыналъэу щрети.

в) Батрээ лыгъэ кьуэлъыр ар иджыри сабийуэ налуэ кьэхьуа нэужь, псым хамыдзэу, атЛэ нартхэм щагъэпщкЛуу бгъуэнщЛэгъым щанЛу, шыри Лэщэри абдеж кышыцЛэрыхьэрэ иль ищЛэжынуш ежьэу кызыхэщ хьыбархэми ушыхуэзэ щыЛэщ. Мы мотивым адыгэ Луэрылуатэм зыужьыныгъэшхуэ щигъуэта пэтми, дызытепсэлыхь циклым абы щинубыд увьпЛэр инкьым. Апхуэдэу кыхьэкЛар текстищ кьудейщ: 484, 497, 500.

Батрээ и адэм иль зэрищЛэжар

КыкЛэлъыкЛуэ сюжетым кьэлуатэ Батрээ и адэм иль зэрищЛэжар. Кьапщтэмэ мырашщ цикл псом увьпЛэ нэхьыщхьэр щызубыдри. ЛыщЛэж мотивыр адыгэ Луэрылуатэм зэмылЛэужькыгъуэ куэду кыхошыж, ауэ Батрээ ехьэлЛэ хьыбархэм, пшыналъэхэм абы кэлэуэтэкЛэ щхьэхуэ щилэщ, зэмылЛэужькыгъуэ куэдуи зэщхэщокЛ:

1. Япэр и адэр зуклар зэриукIыжыр зи льябжьэ мотивым кьытепшыкIа сюжетырщ. Мыр дьдэм Ашэмэз и циклими увьпIэ нэхьыщхьэр щыIыгьщ, ауэ сюжетыр зы щхьэкIэ, кьызэрыгьэлэгьуа щыкIэхэр зэрызщ. ИщхьэкIэ зэрыжытIам хуэдэу, и адэр зуклам и цIэр кьыщIа нэужь, Ашэмэз йожьэ, иль ищIэжыну. АдэкIэ сюжетым мыпхуэдэ щыкIэкIэ зеужь: лыхьужьым бийм и шы гуартэр кьрехужьэ; нэпкьыжьэ трешIэри хакIуэр еутIыпшыж (языныкьуэхэм деж хакIуэр яIэщIокI), а щыкIэмкIэ лыкIэ и бийр кьриджэу; хакIуэм бийр кьехь; зозауэри, икIэм-икIэжым лыхьужьыр токIуэ (епль:Eb-Bo 204¹⁷).

Сюжетым Батрээ и циклими ущрохьэлIэ, ауэ ар кьызыхэщ текстхэр куэд хьуркьым. Дэ дызрипIахэм кьыхэклар зы закьуэщ: 533.

Мыбы кьыщхьэщыкIыу, Батрээ и лыы щIэжыклар кьызыхэщыж сюжетым мы щхьэхуэныгьэхэр иIэщ: ильэсиблкIэ нарт Iэхьуэхэм я деж шыIауэ, Батрээ и адэр зуклар кьилыхьуэну йожьэ. Ар гьуэгум кьыщыхуозэри, кьыздикIыжымкIэ шеупшыым, кьыжрелэ, и адэ Хьымыщыр щыкIым кьыIуигуа и джатэдзэр Льэпщ иригьэлъыжауэ кьызэрыкIуэжыр. Батрээ абы и джатэр, и адэр зэриуклар, кьыIэщIехри ар дьдэмкIэ лыкIэ и бийр еукIыж.

Сюжетым текст 24-м ущыхуозэ: 484, 499, 503, 504, 505, 506, 509, 510, 512, 513, 515, 516, 517, 519, 521, 522, 523, 526, 537, 538, 539, 545, 546, 551. А псом щыщү нэхь гьэкIэщIауэ кьызыщыIуэтар текститI кьудейщ: 517, 537.

2. Батрээ и циклым лыыщIэж мотивым «гулгытэ лей» зэрыхуищIым и щыхьэтщ, кьыкIэлъыкIуэ сюжет зыбжанэр абы ехьэлIауэ зэрыщытым. Ашэмэз и адэм иль ищIэжа нэужь, щхьэгьусэ кьешэри абыкIэ пшыналъэр (хьыбарыр) еух. Батрээ ехьэлIахэр апхуэдэкьым. Ар нартхэм яхохьэри, и адэр зэраукIам папщIэ, ахэри зэтриукIуэ щIедзэ. НэгьуэщIу жыпIэмэ, мыбдежым ипэрэйм кьыщхьэщыкI сюжет лыыщIэж мотивым кьегьэщI. Ар Батрээрэ нартхэмрэ яку кьыдэхьуэ зэныкьуэкьур кьэзыIуэтэжырщ. Гу лыытапхьэщ мыбырэ япэмрэ зыпищIэ щыкIэу зы Iыхьэ хьыбархэм кьызэрыщыкIуэм: Батрээ и бийр (Пшы-Марыкьуэ, Пшы-Дадэ, н.) иукIа нэужь, нартхэм кьагурыIуащ абы бгьэдэлъ кьарум и инагьыр, абы кьыхэкIкIи ар зэрагьэкIуэдын Iэмал лыхьуэу щIадзэ: Батрээ шым щIопшүэгьуищ ирихьуэ Уарпыпсым (Пшыз) зэпрыкIын хуейуэ жралэ. Нартхэм я мурадымкIэ, шыр емылдыжщи, абы шеуэкIэ, Батрэзыр кьридзыхьуэ иукIын хуейщ, абы кьелмэ, жари псым адрьщIкIэ дзапэкибл кьыпагьэтIыс. Лыхьужьыр псыми йокI, нартдызэри зэтрекьутэ. Сюжетым текст 12-м зыщаужьащ: 503, 504, 506, 510, 515, 516, 519, 520, 521, 522, 526, 529.

Батрэзрэ нартхэмрэ я зэхуаку кьыдэхьуэ зэныкьуэкьур кьэзыIуэтэж сюжетым и лэужьыгьуэ зыбжанэ циклым кьыхэбгьэкI хьунуш:

а) ЗэрыжытIам хуэдэу, нартхэм Батрэзыр ягьэкIуэда ягугьэу, ефэ-ешхэ кьызыIуах, махьсымэр зэрыт Iадэм я щхьэ щытхьужу нартхэр щхьэщыту, Батрэзыр яхохьэж. Мы Iадэр езыри кьызэрыгуэкIкьым: лыхьужьыгьуэ зрахьуэу жыхуалэр пэжмэ, махьсымэр кьыщеху. Батрээ игьэхьахэр щыжиIэрщ Iадэр кьыщыкьуэальэри.

АдэкIэ сюжетым зэтемыхуэу зеужь:

– махьсымэ кьыкIам унэм щIэт нарт зыкьом етхьэлэ, кьэнар Батрээ зэтреукIэри, апхуэдэ щыкIэкIэ и адэм иль ещIэж;

– махьсымэр кьыкIыу Батрээ нартхэр зэтриукIуэ щIидза нэужь, кольэIу, и адэм и лыы уасэ кьаIихьуэ.

Мы сюжет лэужьыгьуэр ящыщщ циклым нэхьыбэу зыщызужьахэм, икIи жыпIэ хьунуш мы лыхьужьым иль зэрищIэжам ехьэлIауэ нэхь ирикьуу кьэIуэтэжа текст псоми мыр кьахэнауэ. Апхуэдэхэщ 503, 504, 506, 515, 516, 519, 521, 522, 529, 550.

б) И адэр зэраукIам папщIэ, Батрээ нартхэр зэтриукIуэ щыхуежьэкIэ, Уэрсэрыжь и чэнджэщкIэ, нартдызэм и гупэ сабийхэмрэ физхэмрэ (фызхэм я бгьэхэр кьыщIагьэшауэ, а щыкIэмкIэ нартхэм кьану зэрапIар игу кьагьэкIыжрэ

я хьэтыр кьылгагъуну щ'лэлъауу) к'рагъэувэри нартхэр мэлъауэ, лыы уасэ яИхыну: 513, 545, 551.

в) Ллэужьыгъуэ щхьэхуэу кыыхэбгъэкI хьунуш Батрээ Гъуд-гъуд быдапIэр кызыэриштам ехьэлIари. Циклым кызыэрыхэщымкIэ, и адэр зэраукIам кыыхэкIыу, Батрээ нартхэр к'алэм дигъэзыхьащ, езыми топышэм хуэдэу зешыхь, топым зрырегъадзэ, нартхэм топыр ягъауэри, Гъуд-Гъуд быдапIэм и блыным зышхьэдрегъэдзых, быдапIэм дэсхэр зэтреукIэ, лыы уасэ к'алыхынуи нартхэр к'олъауэ: 492, 506, 516, 519, 520, 521, 526, 550.

Зэрынэрылгъагъуши, сюжетым сыт хуэдэ к'элэуэтэкIэ имыIами, псом дежи зкIуэлIэжыр зыш – лыы уасэ ятыну нартхэр зэрылгъауэрш.

3. Лыы уасэ тыныр зи лъабжыэ мотивыр нэхь иужьу циклым кыыхыхьахэм ящыш зыуэ жыпIэ хьунуш, езы хабзэр кыышежыа лъэхъэнэр к'эпллытэмэ (мыбы кыидгъэкIыр лыы щ'лэжыныр пасэрей хабзэжы дызэу, лыы уасэ тыныр нэхь иужькIэ к'ежыауэ зэрышчытырш). Абы кыидэкIуэу кыыжыIапхьэщ Батрээ ехьэлIа хьыбархэмрэ пшыналгъэхэмрэ япэ мы мотивым е абы кыытепщIыкIыжа сюжетым адыгэ IуэрыIуатэм зышIыпIи узэрышримыхьэлIэри. Езы сюжетым ипкь иткIэ жыпIэмэ, мыбдежым купшIэр к'эзыгъэщIыр Батрээ нартхэм яхузэфIэмькIын лыы уасэ зэрапигъэтIылырш; и адэм и шырык'уитIым из дарий сахуэ нартхэм зэхуахьэсын хуейш; чэшейуэ гулгъэмыж хуашIын хуейш; хьэмкIутIейуэ бжэ пхьэбгъу кыыхуагъуэтын хуейш; зы хьэбзым кыилъхуа хьэджафишэ кыыхуа-лъыхьуэн хуейш, уафэм нэсу к'лэлъей хуашIын хуейш; тхьур дзасэкIэ хуагъэжьэн хуейш; кхьузанэкIэ псы кыыхуахьын хуейш, н. А псор щахузэфIэмькIым, Батрээ нартхэр зэтреукIэ, апхуэдэ щIыкIэкIи и адэм илъ ешIэж. Мы сюжетыр текст 23-м кыыхош: 492, 496, 499, 503, 504, 505, 510, 512, 513, 515, 516, 518, 519, 521, 522, 523, 525, 526, 528, 532, 545, 548, 551.

Сюжет щхьэхуэхэр

Дызытепсэлгыхь лIыхьужьым теухуа хьыбархэмрэ пшыналгъэхэмрэ ушрихьэлIэ щыIэщ ищхьэкIэ щызыкIэлъытхьа сюжет гупым хэмыхьэ зыбжанэми. Мыбыхэми Батрээ иггэхьа лIыхьужьыгъэр лъабжыэ яхуэхьуащ, ауэ щхьэхуэныгъуэ ябгъэдэлъщ циклым увывIэ нэхьышхьэр щызыIыгъ лыышIэж мотивым пIэлэщIэхуэ зэрышчытыр. Псалгэм папшIэ, текст зыбжанэм (514, 534, 535) кыыхош бгым кIэрыIулIа нарт тхьэмадэр Батрээ кызыэриутIыпщыжам епха сюжетыр: Пэкъуэ нартхэм я мафIэр яфIехь; ар кыытрихьыжыну Насрэн-ЖьакIэ йожьэ; нарт пашэр Пэкъуэ бгым иреIулI, и бгъэр иреутIыпщыжри и гур зэгурегъэпхь; Батрээ Пэкъуи абы и хьумакIуэхэри (бгъэр, благъуэр, н.) еукIри Насрэн-ЖьакIэ к'еутIыпщыж, нартхэм мафIэр к'ахуехьыж.

Текст зыбжанэ ехьэлIаш Батрээ иныжьхэр нарт хэкум зэрырихуами. Мы Iуэхугъуэр кыызышчыIуэта хьыбархэр куэд мыхьуми, сюжетым и к'элэуэтэкIэ зэмьлIэужьыгъуитI циклым щыыхьумаш:

1. Нартхэм удж ящIыху, иныжьык'уэр к'окIуэри, хьыджэбз нэхь дахэ дызэм кыидэфэ хуэдзурэ, ар едыгъури мэкIуэж; Батрээ иныжьык'уэр еукIри хьыджэбзыр к'регъэл; ар зыльэгъуа иныжьым и пхьур зышIегъури хэкур ебгынэ (541);

2. Вакъуэ-нанэ Батрээ шэджагъуащхэ хуепшэфI; иныжьык'уэр к'окIуэри фызыжыыр джэдэщым шIеубыдэ, ипшэфIари ешхьыж; Батрээ иныжьык'уэр еукI, Вакъуэ-нани к'еутIыпщыж; ар зыльэгъуа иныжьым и пхьур гъусэ ещIри хэкум йокIыж (542).

Псысэ (таурыхь) сюжетхэр

Зи гугъу тшIахэм нэмышI, псысэ сюжету пщIым нэблагъэ циклым кыыхэдгъэкIаш. Апхуэдэхэщ:

AT300 Благьуэм псыр IуещIэри, кьиутIыпщыжын папщIэ, жылэ псом нэхь дахэу дэс хьыджэбзыр хуашэн хуейуэ кьапегьэтIыль; Батрээ благьуэр еукIри псыр кьеутIыпщыж, хьыджэбзыр кьрегьэл (493,507, 540, 543).

AT302 Хьыджэбзым зыдыгьуа бийм и псэр зыхэлььыр Батрээ кьыжрелэ; хьыджэбзым и псалгэкIэ, щхьибл зыфIэт иныжьыр Батрээ еукI (536, 544, 549).

AT307 И лыхьухэм хьыджэбзым япегьэтIыль, и бэнакIуэм ебэнын, кьыдэжэн, нэщанэ деуэн хуейуэ; Батрээ абы поуэри текIуэныгьэр зыIэрегьыхьэ (540, 543).

AT315 Батрээ и анэм хыхьэж хуэдэу зещIри, нартом Батрээ и псэр зыхэлььыр фызым кьрегьэIуатэ. Ар нартхэм жрелэжри, Батрээ яукI (553).

AT516B Вакьуэ-нанэ зэрымышцIэкIэ кьыжьэдокI Батрээ и псэр зыхэлььыр; абы тету нартхэм Батрээ яукI (504, 552).

AT612 Мы сюжетым пэгьунэгьу зыщI пкьыгьуэ зыбжанэ 533 текстым ущрохьэлIэ: хьунщIакIуэхэм кьызэмылын фэбжь зытрадза Батрээ блэм, зэгьуэрым ажалым кьригьэлауэ щытам, кьегьэхьуж; Батрээ и щхьэгьусэри кьегьуэтыж.

AT875E* Батрээ и шыр жэщым малхуэ; Сосрыкьуэ, Алыджыкьуэ, Уэзрэдэж, Хьытыдж сымэ шыщIэр зыIэрагьэхьэн мурадкIэ, я гужьыр лыхуауэ жалэ; цыжбанэ хеящIэр кьашэри, Батрээ и телхьуэ Iуэхур зэхегьэкI (530, 547).

AT960A Дамзэпщым и кьуэ Кьуайдан и псэр щыхэкIкIэ, жьуджалэм йолтэIу, гьэпцIагьэкIэ кьызэраукIар зэгьуэр иIуэтэжыну; ильэс зыбжанэ дэклауэ, жьы кьопщэри жьуджалэр пщIантIэм дехьэ; ар щилгьагьукIэ Батрээ мэдыхьэшхри и щхьэгьусэм хуелуэтэж, и дэльху Кьуайданыр зэриукIауэ щытар; фызым и дэльхум иль ещIэж (531).

Eb-Bo 62.III. 6 Цыхухьу щыгьынкIэ хуэпа пелуан цыхубзым Батрээ йозауэ; Батрээ токIуэри, цыхубзыр щхьэгьусэ хуохьу (531).

Eb-Bo 204 И бийм и шы гуартэр Батрээ кьрехужьэ, хакIуэм нэпкьыжьэ трещIэри еутIыпщыж; хакIуэм бийр кьехьэ; зозауэри Батрээ токIуэ (533).

Eb-Bo 257-III Батрээ и бийм токIуэ; Бийм лыхьужьыр иукIын мурадкIэ, и пщэхуэр кьыхихьу и бгым щIипхэну кьыжрелэ, апхуэдэу ищIмэ, и кьарур Батрээ кьыхыхьэну щегьэгугьри; Батрээ пщэхуэмкIэ мывэм йоуэри, мывэр тIууэ зэгьуеупщIыкI (522).

Батрээ дунейм зэрехьжа щIыкIэр

Циклым кIэух хуохьу Батрээ дунейм зэрехьжа щIыкIэр кьэзыIуатэ сюжетыр. Ар зэхуэмыдэу кьэгьэлгьэгьуащ зи гугьу тщIа AT315, AT516B, AT960A сюжетхэмкIэ.

* * *

ЩIэтпщытыкIа хьыбархэмрэ пшыналгьэхэмрэ кьызэрагьэлгьэгуамкIэ, Батрээ и циклым сюжет щхьэхуэу 20-м нэблагьэ кьыхошхьэхукI (мы бжыгьэм хыхьэркьым дэтхэнэ зы сюжетми и кьэлүэтэкIэ лIэужьыгьуэхэр), абы шыщу зэхуэдитIым нэсыр псысэ сюжету, мыдрейхэр езы циклым щызэфIэувауэ кьэпллытэ хьунуш. Мы иужьрейхэм кьаIуатэ Батрээ и адэм кьызэришар, ар зэраукIар, лыхьужьыр дунейм кьызэрытэхьар, и сабиигьуэр, игьэхьар (мыбдежым зи гугьу тщIыр лыщIэж мотивым пыщIа лыхьужьыгьэхэрщ), дунейм зэрехьжа щIыкIэр. Кьапщтэмэ, Батрээ и «гьащIэ гьуэгуанэр» кьызыхэщыжу нэхь нэгьэсауэ кьэлүэта хьуа текстхэм мы сюжет дыдэхэри щызэкIэлыхьащ, дэтхэнэ зыми иIэн хуей пкьыгьуэ псори ирикьуу е зыгуэр чэм Iауэ кьыжыIэжауэ щытми. Нэхьыщхьэу гу зылыгьттараци, зы сюжетыр нарт эпосыр зэрызэхэт цикл псоми е жанр зэмьлIэужьыгьуэхэм зэдай пэтми, Батрээ ехьэлIахэм дэтхэнэ сюжетым е мотивым езым и кьэлүэтэкIэ щхьэхуэрэ адрейхэм емышхь ухуэкIэрэ иIэжщ.

ТегъэщІапІэхэр

1. Алиева А.И. Адыгский нартский эпос. М.-Нальчик: Эльбрус, 1969. 168 с.
2. Гуттов А.М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 208 с.
3. Гадагатль А.М. Героический эпос «Нарты» и его генезис. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1967. 424 с.
4. Хут Ш.Х. Адыгское народное искусство слова. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2003. 536 с.
5. Алиева А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. С. 13–37.
6. Тхамокова Ж.Г. Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) бытовых сказок по системе Аарне-Томпсона // Адыгэ таурыхъхэр. Новеллэ таурыхъхэр (зэхэз.: Тхьэмокъуэ Ж.Хь.). Налшык: 1905 гъэ Революцэм и цІэр зезыхъэ Республиканскэ полиграфкомбинат. Тхыль тедзапІэ центр «Эль-Фа», 2005. С. 774–820.
7. The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichniss der Märchentypen» translated and enlarged by Stith Thompson. Second revision. Helsinki, 1964. 588 p.
8. Мелетинский Е.М. Примерный указатель сюжетов нартского эпоса // Нартский эпос: Материалы совещания 19–20 октября 1956 г. Орджоникидзе, 1957. С. 74–81.
9. Бязыров А.Х. Указатель циклов и сюжетов осетинских нартских сказаний и песен // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Вып. XVII. Цхинвали, 1971. С. 43–71.
10. Джатуа З.Д. К составлению указателя сюжетов нартского эпоса // От конгресса к конгрессу // Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: Сборник докладов. Т. 3. М.: ГРЦРФ, 2011. С. 364–379.
11. Нартхэр. Адыгэ эпос (зэхэз.: ХьэдэгъэлІэ Аскэр). IV т. Мыекъуапэ, 1970. Н. 311.
12. Гуттов А.М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса... С.132.
13. Там же.
14. Нарты. Адыгский героический эпос. М: Главная редакция восточной литературы, 1974. С. 43.
15. Там же. С. 83.
16. Нартхэр. Адыгэ эпос (зэхэз.: ХьэдэгъэлІэ Аскэр). V т. Мыекъуапэ, 1970. Н. 32.
17. Алиева А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. С. 36.

М.Ф. Бухуров, А.В. Гучева, Х.Ч. Жилетежев

**СПЕЦИФИКА СЮЖЕТНОГО СОСТАВА ЦИКЛА
СКАЗАНИЙ О НАРТЕ БАТРАЗЕ**

Статья посвящена изучению специфики сюжетного состава цикла сказаний о нарте Батразе. Особое внимание уделено эпическим сюжетам о женитьбе и гибели Хымыща, о рождении и богатырском детстве Батраза, о кровной мести и гибели героя. Охарактеризованы также сказочные сюжеты АТ300, АТ302, АТ307, АТ315, АТ516В, АТ612, АТ875Е*, АТ960А, Еб-Во 62. III. 6, Еб-Во 204, Еб-Во 257-III, которые занимают значительное место в цикле названного героя.

Ключевые слова: героический эпос, нартский эпос, сюжет, мотив, Батраз, сказка.

M.F. Buhurov, A.V. Gucheva, H.Ch. Zhiletezhev

SPECIFICS OF THE CYCLE STORYLINE LEGEND OF SLEDGES BATRAZ

The article is devoted studies the specifics of the plot ended the cycle of tales about sledge Batraz. Particular attention is given epic story about marriage and death Hymyscha, birth and

childhood BOGATYRSKY Batraz about vendetta and death of the hero. Described as fairy tales AT300, AT302, AT307, AT315, AT516V, AT612, AT875E*, AT960A, Eb-Bo 62. III. 6, Eb-Bo 204, Eb-Bo 257-III, which occupy an important place in the cycle of the title hero.

Keywords: heroic epos, Nart epos, story, motive, Batraz, fairy tale.

УДК 340.13

Т.К. Дзамихов

О НЕКОТОРЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ КАТЕГОРИИ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА»

В работе проанализированы некоторые политико-правовые аспекты понятия «политическая система», которое в политологии и правоведении новейшего времени стало самостоятельной научной категорией.

Ключевые слова: государство, политическая система, структуры и институты организации общества.

Слово «система» в переводе с греческого обозначает целое, составленное из частей. Специалисты считают, что в природе и обществе всем целостным системам свойственна известная внешняя и внутренняя упорядоченность, без которой невозможно их устойчивое самостоятельное бытие. В зависимости от целого ряда факторов упорядоченность различных общественных систем может находиться на разных ступенях развития, однако ни одна из них не способна нормально существовать, функционировать и развиваться, если хотя бы в минимальной степени не налажены её внутренняя организация и форма проявления вовне.

Учение о политической системе общества берет свое начало от общей теории А.А. Богданова и Л. Фон Бергаланфи. Американский политолог Т. Парсонс, опираясь на их учение, акцентирует внимание на автономных системах: экономической, политической, духовной и выявляет их специфические функции. Назначение политической системы общества состоит в обеспечении интеграции, объединении специальных групп и общностей с различными интересами в единое целое. Идеи Т. Парсонса углубил и развил его соотечественник Д. Истон, которого считают основателем теории политических систем. В своих трудах «Политическая система» (1953), «Предел политического анализа» (1965) он представил политическую систему общества как развивающийся и саморегулирующийся организм, активно реагирующий на внешние команды¹.

В современной политологической науке существует несколько определений понятия политической системы:

Как отмечает В.П. Пугачев, «политическая система представляет собой искусственно созданный, теоретический, мыслительный инструмент, позволяющий выявлять и описывать системные свойства различных политических явлений»². По мнению других специалистов, политическая система – это совокупность политических отношений взаимосвязанных и взаимодействующих государственных и негосударственных социальных образований, общностей, индивидов, участвующих в упорядочении и фактическом осуществлении политически значимых процессов в данном обществе³. В целом же, политическая система – это совокупность взаимодействий политических субъектов, связанных с осуществлением власти и управлением обществом, организованной на единой нормативно-ценностной основе⁴.

Более точным, на наш взгляд, является определение, данное К.С. Гаджиевым: «Политическая система – это совокупность взаимодействующих между

собой норм, идей и основанных на них политических институтов, учреждений и действий, организующих политическую власть, взаимосвязь граждан и государства»⁵. Основным ее назначением является обеспечение целостности, единство действий субъектов политического процесса.

Политическая система включает организацию политической власти, отношения между обществом и государством, характеризует протекание политических процессов, включающих институализацию, состояние политической деятельности, уровень политического творчества в обществе, характер участия в политике, неинституциональных политических отношений⁶ и т.д. Политическая система обеспечивает интеграцию всех элементов общества и само существование его как единого, централизованно управляемого политической властью организма, сердцевину которого составляет государство.

Она связывает политические институты (государство, политические партии, организации и движения) через систему законов, традиций и политической коммуникации с классами, социальными группами, национально-этническими и другими образованиями, контролирует основные направления политической деятельности людей, развитие политических процессов и т.п.

В некоторых исследованиях понятия «политическая система общества» и «политическая организация общества» рассматриваются как сходные. Но между ними есть некоторые различия. Политическая организация общества – это совокупность политических институтов и политико-правовых норм. Категория «политическая система» шире понятия «политическая организация», которая выступает в качестве ведущей, властно-организующей, но не единственной структуры в рамках политической системы общества, которая включает также и феномены политического сознания, культуры, коммуникации, участия в политике.

Политическая система общества – это особым образом организованная его политическая жизнедеятельность. Она представляет собой конкретно-историческую форму, в которой осуществляется политическая деятельность. Содержание политической деятельности не исчерпывается лишь властной деятельностью государства. Она включает разнообразные формы политического участия субъектов, преследующих совпадающие либо расходящиеся и противоречивые цели; политическую деятельность, которую составляют процессы целенаправленного политического властвования и политического участия, различные виды действий людей, направленные на обеспечение, преобразование и защиту системы осуществления власти в обществе или противодействующие ей.

Политолог Д. Истон обращал внимание на то, что политика представляет собой систему взаимодействий в любом обществе, посредством которой осуществляется и закрепляется авторитетное или связывающее распределение ценностей в обществе. Политика – это «жизнедеятельность политических систем»⁷.

Политическая система общества как форма политической деятельности выступает организацией ее содержания, возникающей в результате взаимодействия субъектов политики⁸. Данный результат, обусловленный соотношением социально-политических сил в поворотные моменты политической истории революции (реформы), юридически фиксируется и конституируется в основополагающих структурах этой организации.

Категория «политическая система общества» выступает в качестве центрального, узлового понятия современной политической науки. Российский политолог М.Г. Анохин пишет, что «политическая система, ее модернизация, трансформация, адаптация, изменения стали одними из распространенных в политической теории и практике»⁹. С одной стороны, политическая система представляет собой целостную, динамическую, интегрированную совокупность политических субъектов, структур и отношений, выражающих интересы широкого круга социальных общностей и сил, посредством которой принимаются и проводятся в жизнь

авторитетно-властные решения для данного общества, осуществляется его политическое руководство. С другой – является той конкретно-исторической формой взаимодействия субъектов политики, которая организует в определенную совокупность политические отношения между ними, властно упорядочивает, оформляет и заключает в определенные границы их деятельность¹⁰.

Политическая система обеспечивает обществам эффективность их деятельности по реализации основных целей, представляет собой систему ценностей и публичных институтов, которые организуют использование публичной власти и связи граждан в государстве.

Получается, что политическая система – это, с одной стороны, сложное образование, обеспечивающее существование общества как единого организма, централизованно управляемого политической властью, а с другой – та институциональная форма, в которой субъекты политики реализуют свои общие и групповые интересы посредством осуществления власти или борьбы за ее завоевание и использование¹¹.

Как видим, категория «политическая система» находится в центре концептуального дискурса политологии; она шире, чем понятие «государство», существенно дополняет понятие «политическое управление». В структуру «политической системы» общества входит ряд подсистем: институциональная, нормативно-регулятивная, коммуникативная, идеологическая (политическое сознание), политико-культурная, подсистема политического участия¹² и т.п.

При структурно-функциональном подходе внимание акцентируется на раскрытии основных функций политических систем, анализируется взаимодействие их элементов и подсистем. При институциональном – политическая система рассматривается, прежде всего, как совокупность политических институтов и учреждений, организующих политические процессы, учитывается ее социодинамика. При «элитарном» – в центре внимания роль элит, концентрирующих власть над экономическими ресурсами, управлением и правовой системой. Наиболее плодотворен к исследованию политической системы общества системный подход, предполагающий всесторонний анализ этого феномена.

В общественных системах сознательная регуляция во многом определена социальным управлением. Управление – это определенное упорядочение целостной системы, содействие наиболее приемлемому варианту её развития, перевод системы в новое состояние путем изменения её переменных. По мере повышения роли политики в историческом процессе, усиления политизации общественной жизни обращает на себя внимание проблематика политической системы общества. Политическая система находится в зависимости от материальных, в первую очередь экономических условий жизни общества, от его социальной структуры. Политическая система представляет собой одну из частей или подсистем совокупной общественной системы. Она взаимодействует с другими её подсистемами: социальной, экономической, идеологической, правовой, культурной. Политическая система общества определяется его социальной структурой, формами собственности, формами правления и т.д. Она включает в себя органы государственной власти, политические партии, профсоюзы и другие институты, оказывающие воздействие на политическую жизнь общества. Общество исторически приобретает политический характер с началом расслоения на социальные группы. Со временем политическая система общества усложнилась. С активизацией политической жизни в государстве усложняется и её политическая система¹³.

Таким образом, в трудах политологов политическая система общества характеризуется в основном как целостная, упорядоченная совокупность политических институтов, политических ролей, отношений, процессов, принципов, подчиненных кодексу правовых, социальных, идеологических, культурных норм, историческим традициям и установкам политического режима конкретного общества.

Примечания

1. *Иванчук Н.В.* Государство как социально-политический институт // Вопросы политологии и социологии. 2014. № 4 (9). С. 22.
2. *Пугачев В.П., Соловьев А.И.* Введение в политологию. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2014. С. 113.
3. *Демидов А.И., Федосеев А.А.* Основы политологии. М., 2015. С. 82.
4. *Зеркин Д.П.* Основы политологии. Ростов-н/Д., 2012. С. 107.
5. *Гаджиев К.С.* Политическая наука: 26 основных понятий политического анализа. М.: Издательство РАГС, 2012. С. 423.
6. *Волова Л.А.* О государстве и политической структуре в политологическом мировоззрении XIX и XX вв. // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 2. С. 355.
7. *Иванчук Н.В.* Государство как социально-политический институт // Вопросы политологии и социологии. 2014. № 4 (9). С. 22.
8. *Волова Л.А.* О государстве ... С. 356.
9. *Анохин М.Г.* Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость. М., 2014.
10. Там же.
11. *Волова Л.А.* О государстве и политической структуре... С. 357.
12. *Иванчук Н.В.* Государство как социально-политический институт... С. 21.
13. *Иванников И.А.* Общая теория государства и права: учебное пособие. М.: Наука-Пресс, 2007. С. 140.

T.K. Dzamikhov

**ABOUT SOME POLITICAL-LEGAL ASPECTS
OF THE CATEGORY «POLITICAL SYSTEMS»**

This publication is dedicated to the analysis of some political and legal aspects, which became in political science and law of independent scientific category in the latest period

Keywords: state, political system, structures and institutes of the organization of society.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецов Владимир Александрович, д.и.н., ведущий научный сотрудник сектора археологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Кешева Зарема Мухамедовна, к.и.н., и.о. зав. сектором новейшей истории отдела исторических наук ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-906-48-49-645
E-mail: kesheva10@gmail.com

Бгажноков Барасби Хачимович, д.и.н., зав. отделом археологии и этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-19-26
E-mail: kbigi@mail.ru

Хотко Самир Хамидович, к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела этнологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева.

385000, г. Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 13
Тел. +7-906-438-34-10
E-mail: inalast@mail.ru

Кучмезова Мария Чфелеуовна, к.и.н., научный сотрудник сектора этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-20-77
E-mail: kbigi@mail.ru

Тазиев Руслан Хажмуратович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-12-47
E-mail: kbigi@mail.ru

Афаунова Анджела Анатольевна, к.ф.н., младший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-906-484-50-53
E-mail: martazei@mail.ru

Борсова Инна Ауесовна, магистрантка второго года обучения по специальности «Языки народов России (кабардино-черкесский язык)» ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
Тел. +7-965-498-02-92
E-mail: kanametov.rezuan@mail.ru

Кулиева Жанна Кайсыновна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора балкарской литературы ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-20-77

E-mail: kbigi@mail.ru

Аппаева Жаухар Мустафаевна, искусствовед, председатель Кабардино-Балкарского отделения Всероссийской общественной организации «Ассоциация искусствоведов».

360003, г. Нальчик, ул. Тарчокова, 56, кв. 172

Тел: +7-960-431-01-53

E-mail: appaewa2565@mail.ru

Малкондуев Хамид Хашимович, д.ф.н., зав. сектором карачаево-балкарского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-52-74

E-mail: kbigi@mail.ru

Бухуров Мухамед Фуадович, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-49-96

E-mail: mbf72@mail.ru

Гучева Анджела Вячеславовна, к.и.н., старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-49-96

E-mail: a_g2210@mail.ru

Жилетежев Хажисмель Чиляниевич, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-49-96

E-mail: hazismel@mail.ru

Дзамихов Тимур Касболатович, магистрант второго года обучения Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).

119571, г. Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1

Тел.: +7-988-929-33-33

E-mail: dzamikhoff@gmail.com

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Kuznetsov Vladimir Aleksandrovich, Doctor of History, leading researcher of archeology sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Kesheva Zarema Muhamedovna, Candidate of History, acting head sector of the latest history at department of history the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-906-48-49-645
E-mail: kesheva10@gmail.com

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, head at department of archeology and ethnology of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-19-26
E-mail: kbigi@mail.ru

Khotko Samir Khamidovich, Candidate of History, leading researcher at department of ethnology Adygei Republican Institute of Humanitarian Researches named after T.M. Kerashev.

13 Krasnooktyabrskaya Street
Maikop 385000
Ph. +7-906-438-34-10
E-mail: inalast@mail.ru

Kuchmezova Mariya Chefelevovna, Candidate of History, researcher of ethnology sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-20-77
E-mail: kbigi@mail.ru

Taziev Ruslan Hazhmuratovич, Candidate of History, senior researcher of ethnology sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-12-47
E-mail: kbigi@mail.ru

Afaunova Andzhela Anatolyevna, Candidate of Philology, junior researcher of Kabardino-Circassian language sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-906-484-50-53
E-mail: martazei@mail.ru

Borsova Inna Auesovna, a second year student of Magistracy in «Languages of the Peoples of Russia (kabardino-circassian language)» of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

173 Chernyshevsky Street
Nalchik 360004
Ph. +7-965-498-02-92
E-mail: kanametov.rezuan@mail.ru

Kulieva Zhanna Kaysynovna, Candidat of Philology, senior researcher of Balkarian literature sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-20-77
E-mail: kbigi@mail.ru

Appaeva Zhauhar Mustafaevna, art critic of the President of the Kabardino-Balkarian branch of the all-Russian public organization «Association of art historians».

56 Tarchokov Street, 172 app.
Nalchik 360003
Ph. +7-960-431-01-53
E-mail: appaewa2565@mail.ru

Malkonduev Hamid Hashimovich, Doctor of Philology, head of Karachay-Balkarian folklore sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-52-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Buhurov Muhamed Fuadovich, Candidate of Philology, senior researcher of Adyghe folklore sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-49-96
E-mail: mbf72@mail.ru

Gucheva Andzhela Vjacheslavovna, Candidate of History, senior researcher of Adyghe folklore sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-49-96
E-mail: a_g2210@mail.ru

Zhiletezhov Hazhismel Chiljanievich, Candidate of Philology, senior researcher of Kabardino-Circassian language sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-49-96
E-mail: hazismel@mail.ru

Dzamikhov Timur Kasbolatovich, a second year student of Magistracy of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RPANEPА).

82 Vernadsky Avenue, building 1
Moscow 119571
Ph. +7-988-929-33-33
E-mail: dzamikhoff@gmail.com

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:

- история;
- филология;
- проблемы развития современного общества;
- культурология.

2. Объем материалов. Рекомендуемый объем для статьи – до 15 с. (с учетом требований п.п. 4 и 5), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.

3. Статьи должны иметь:

- 3.1. Направление организации, в которой работает автор;
- 3.2. Акт экспертизы;
- 3.3. Справку из отдела аспирантуры (для аспирантов и соискателей);
- 3.4. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации);
- 3.5. Фамилию и инициалы автора на русском языке;
- 3.6. Название статьи на русском языке;
- 3.7. Аннотации (не более 7–10 строк) и ключевые слова на русском языке;
- 3.8. Сведения об авторе на русском языке (место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон, почтовый и электронный адреса);
- 3.9. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 3.5.–3.8.) на английском языке, в том числе Ф.И.О. автора (авторов) полностью;
- 3.10. Первая страница статьи подписывается автором.

4. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Текст работы должен быть набран в формате бумаги А4 шрифтом Times New Roman 14 через полуторный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после списка примечаний. Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).

5. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:

1) Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.

2) Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

Внимание: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Подписано в печать 17.12.2015
Усл. печ. л. 11,5

Формат 70x108 ¹/₁₆
Тираж 100 экз.
Цена свободная

Гарнитура Таймс
Заказ № 152

Учредитель: ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»

Адрес издателя: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. издательским отделом *А.В. Гергокова*
Корректор *Л.О. Тамазова*